

ГРАЖДАНСКАЯ
ВОЙНА
В УДМУРТИИ

ИЖЕВСК — 1988

**УДМУРТСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР**

**ГРАЖДАНСКАЯ
ВОЙНА
В УДМУРТИИ
1918—1919 гг.**

СБОРНИК СТАТЕЙ

ИЖЕВСК — 1988

Печатается по решению ученого совета
Удмуртского института истории, языка и литературы
Уральского отделения Академии наук СССР

Отв. редактор *К. И. Куликов*
Рецензент: доктор исторических наук,
профессор *А. А. Тронин*

В сборнике впервые на обширном фактическом материале раскрываются неизвестные страницы истории гражданской войны в Прикамье. Показана роль В. И. Ленина в определении боевых задач Восточного фронта и организации их выполнения. Авторы наиболее достаточно и полно описывают суть ижевского контрреволюционного мятежа, анализируют особенности гражданской войны в Удмуртии и тактику большевиков в борьбе за подъем широких масс на защиту завоеваний революции, включая и иностранных интернационалистов, волею судьбы оказавшихся в Прикамье.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

© Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского
отделения Академии наук СССР, 1988.

Константинов С. И.

**РОЛЬ В. И. ЛЕНИНА, КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
В ОПРЕДЕЛЕНИИ БОЕВЫХ ЗАДАЧ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА
И ОРГАНИЗАЦИИ ИХ ВЫПОЛНЕНИЯ**

(Июнь 1918 — январь 1920 гг.)

В новой редакции Программы КПСС, наряду с другими задачами, перед обществоведами ставится задача сосредоточить внимание на изучении и всестороннем анализе опыта создания нового общества в СССР¹. В современных условиях огромное значение приобрело воспитание молодежи историей, на славных традициях партии и народа². Особое значение в этом плане имеет раскрытие организующей и направляющей роли Коммунистической партии, В. И. Ленина в строительстве социализма, в защите завоеваний социалистического Отечества.

Деятельность В. И. Ленина, ЦК РКП(б), большевистской партии в годы гражданской войны всегда находилась в центре внимания советских исследователей. Современная советская историография не знает работ о первых годах Советской власти, в которых бы не отмечалась титаническая деятельность Ленина по организации защиты социалистической революции.

Особенно активно изучение роли Коммунистической партии в организации разгрома врага на отдельных фронтах гражданской войны началось со второй половины 50-х годов. Только за 15 лет (1957—1971 годы) теоретической и практической деятельности В. И. Ленина в период иностранной военной интервенции и гражданской войны было посвящено более 50 работ (без статей), военной и военно-политической работе РКП(б) более 150 работ³.

Внимание советских историков привлекает и руководящая деятельность ЦК РКП(б), В. И. Ленина в вопросах ведения боевых действий на Урале, его освобождения и дальнейшего наступления. Это относится в первую очередь к работам Кораблева Ю. И., Кузьмина Н. Ф., Скробова В. С., Липицкого С. В. и других, ряду коллективных монографий.

Руководству непосредственно Восточным фронтом был посвящен ряд журнальных статей⁴. В научный оборот были вовлечены

документы ЦК РКП(б), определившие этот фронт как главный для страны летом — в начале осени 1918 года. Исследуя роль Ленина, ЦК РКП(б) в организации отпора врагу, формирования армий Восточного фронта, удалось ярче и глубже показать руководящую деятельность ленинской партии в решении задач стратегического характера.

Первой обобщающей работой, посвященной истории Восточного фронта, стала монография А. П. Ненарокова⁵. Автор основное внимание уделил показу роли Ленина в проведении мобилизаций на казанско-самарский фронт лучших красноармейских соединений, коммунистических и рабочих отрядов, опытных партийно-политических кадров. Но автор рассматривает события на Восточном фронте лишь в 1918 году.

Ряд публикаций на эту тему появился и в последние годы. Так статья А. В. Бакунина⁶ посвящена В. И. Ленину, как организатору создания и руководителю боевой деятельности войск Восточного фронта. Однако ее хронологические рамки ограничиваются концом лета 1919 г.

На основе выявленных новых данных, обобщения уже известных сведений удалось показать особое внимание В. И. Ленина к Восточному фронту, дважды бывшему главным фронтом Республики. Это характерно, например, для журнальных публикаций о практической деятельности Ленина по созданию армий и руководящих органов Восточного фронта летом 1918 г., перелома в ходе военных действий по освобождению Казани и Симбирска от белочехословаков и учредивцев⁷.

Шабалдин В. И., рассматривая предисторию телеграммы командования 2-й армии о взятии Ижевска и ответной телеграммы В. И. Ленина, показывает процесс возрождения армии летом — осенью 1918 года⁸.

А. П. Кладт, проанализировав отдельные косвенные источники, прояснил историю появлений некоторых ленинских документов, связанных с боями на Восточном фронте в 1918—1919 гг.⁹. Причины временных неудач советских войск на первом этапе борьбы против Колчака в 1919 году исследует П. Н. Бобылев¹⁰. В брошюре И. Е. Молокова¹¹, подготовленной в помощь лектору к 100 летию со дня рождения В. И. Ленина, кратко показывается боевая деятельность войск Восточного фронта по освобождению Сибири и роль В. И. Ленина в руководстве ею.

Несмотря на сравнительную изученность темы, в ряде историографических и других работ советских историков отмечается, что некоторые вопросы руководства Лениным, партией Восточным фронтом разработаны недостаточно. Несмотря на имеющиеся обобщающие работы Петрова Ю. П. и Колычева В. Г.¹², не получили полного освещения вопросы творческого поиска ЦК РКП(б)

под руководством В. И. Ленина и войсковых партийных органов Восточного фронта и особенно его Южной группы войск, по созданию системы партийно-политической работы в войсках, влияния ее на повышение качества боевой подготовки и укрепление воинской дисциплины, становление стиля и принципов политической работы в боевой обстановке, поиск способов и методов постоянно-го влияния на бойцов в ходе боевых действий.

Азовцев Н. Н. и Селяничев А. К. считают, что слабо изучены боевая деятельность армий Северной группы Восточного фронта, а также 5-й армии на заключительном этапе разгрома колчаковских войск ¹³.

Спирин Л. М. и Литвин А. Л. отмечают недостаточную изученность причин сложившегося критического положения на Восточном фронте весной 1919 г., а также вопроса о перестановке руководящих кадров фронта и командования вооруженными силами Республики в период наступления Красной Армии на Урал в мае — июле 1919 года ¹⁴. Авторы делают вывод: «не подлежит сомнению, что изучение обстановки, сложившейся на Восточном фронте весной 1919 г., необходимо продолжить» ¹⁵.

Благодаря публикации неизвестных ранее фактов биографии В. И. Ленина, документов того времени, исследований истории их появления ¹⁶ есть возможность по-новому, на более широкой источниковой базе рассмотреть многие вопросы, связанные с ролью Ленина как руководителя обороны страны, в том числе и вопросов руководства созданием и боевой деятельностью Восточного фронта. Одной из попыток сделать это и является данная статья.

Летом 1918 года Урал стал одним из первых объектов захвата ее со стороны интервентов и белогвардейцев. Контрреволюция, опираясь на корпус белочехов, повела наступление на его индустриальные центры. Здесь решалась судьба молодой Советской республики.

ЦК РКП(б), Совет Обороны уделяли огромное внимание организации разгрома сил контрреволюции на востоке страны. На своих заседаниях они всесторонне рассматривали положение дел на фронте, вырабатывали директивы, определяли направление нанесения главного удара по врагу, ставили конкретные задачи фронту и армиям.

Решающая роль в этой работе принадлежала В. И. Ленину. Изучение ленинских произведений, Биографической хроники В. И. Ленина, его выступлений, писем, телеграмм, заметок показывает, какое огромное внимание уделял вождь партии и руководитель Советского государства Восточному фронту.

В Биографической хронике отмечено 168 фактов обращения В. И. Ленина к решению вопросов, связанных непосредственно с Восточным фронтом, как оперативно-стратегическим объедине-

нием. А если учитывать и решение В. И. Лениным вопросов, связанных с упоминанием частей, подразделений и учреждений Восточного фронта, то в Биографической хронике зафиксировано 538 таких фактов¹⁷.

Уже первые бои с белочехами в конце мая 1918 г. свидетельствовали о грозной опасности для Советской республики, которую таил в себе мятеж чехословацкого корпуса. 25 мая белочехи захватили Мариинск, 26 — Челябинск и Новониколаевск (Новосибирск), 31 мая — Сызрань, а 8 июня — Самару¹⁸.

Однако бои выявили и другое: ряд ответственных партийных и советских работников на местах недооценивали контрреволюционную сущность мятежа, рассматривали его как обычный белогвардейский бунт. «На чехословацкое восстание,— отмечал В. И. Ленин,— многие сначала смотрели, как на один из эпизодов контрреволюционных бунтов»¹⁹. И не случайно даже в августе 1918 г. В. И. Ленин предупреждал, что к мятежу чехословаков «нельзя относиться несерьезно»²⁰.

В свете приведенных А. П. Ненароковым данных²¹ об огромном внимании В. И. Ленина, СНК, ЦК партии к положению на Восточном фронте, представляется неправомерным утверждение С. М. Кляцкина²² о том, что Советское правительство в течение некоторого времени с начала мятежа не предпринимало решительных действий к организации вооруженных сил на возникшем фронте.

Еще 29 мая, поручая секретарю Совнаркома Н. П. Горбунову сообщить А. Е. Минкину (в то время заместителю председателя Пензенского губисполкома и начальнику экспедиции заготовления денежных знаков), что Сызрань взята чехами, В. И. Ленин подчеркивал: «... панике предаваться не следует. Наши силы готовы дать отпор. Необходимо, чтобы и пензяки готовились твердо и энергично. Успех нам обеспечен, если мы не сложим рук»²³.

Руководство военными операциями против чехословацких легионеров ЦК и Совнарком поручили бывшему тогда командующему Западным фронтом А. Ф. Мясникову. 30 мая он получил телеграмму из Наркомвоена с вызовом в Москву, а ранним утром 1 июня уже выехал из Москвы в район боев с чехословаками²⁴.

С докладом об обращении к народу с манифестом по поводу чехословацкого мятежа 10 июня на заседании Совнаркома выступил В. И. Ленин²⁵. В Обращении отмечалось, что «против мятежников двинуты надежные части, обеспеченные всем необходимым снаряжением и вооружением»²⁶.

В литературе уже отмечалось²⁷, что утверждение о неучастии Высшего военного Совета в организации борьбы против мятежа чехословацкого корпуса до августа 1918 г.²⁸ неправомерно. 13 июня из Муромы военный руководитель Высшего военного со-

вета М. Д. Бонч-Бруевич телеграфировал В. И. Ленину: «Считаю чехословацкий бунт, при сложившейся обстановке, чрезвычайно важным»²⁹. Директивой Совета от 15 июня 1918 г. к ликвидации мятежа были привлечены все наличные силы Уральского и Приволжского окружных военных комиссариатов. Военному Совету фронта, действовавшему против чехословаков, директивой Высшего военного Совета от 18 июня поставлена задача полного разгрома противника. 23 июля Высшим военным Советом принято постановление о мерах по укреплению Восточного фронта, а 30 июля — директива о дальнейших задачах фронта. Командованием фронта 28 июля Высшему военному Совету был доложен план предстоящей наступательной операции³⁰.

Советским правительством было решено создать на востоке страны фронтовое объединение войск и аппарат управления им. В проекте приказа об учреждении Совнаркомом Реввоенсовета Восточного фронта, подписанным Лениным 11 июня 1918 г., главным назначался М. А. Муравьев, комиссарами — Генженцов и Тер-Арутюнов³¹. Назначение Муравьева, состоявшееся по настоянию заместителя председателя ВЧК левого эсера Александровича, вызвало удивление и возражение большинства командного состава фронта, в частности, Р. И. Берзина. Решительный протест заявил и Н. И. Подвойский³². Дело в том, что Муравьев, будучи назначен на ответственный пост на Украине, зарекомендовал себя, как «вредный для Советской власти командующий». В конце апреля 1918 г. он был арестован ВЧК и предан суду Ревтрибунала. Следственной комиссией, в состав которой входила Е. Розмирович, дело было прекращено за недоказанностью обвинений. Но комиссия характеризовала Муравьева так: «человек в политическом отношении беспринципный, с авантюристическими наклонностями, и комиссия не берет ответственности за возможные последствия назначения его на ответственный военный пост»³³. К сожалению, эти возражения не были приняты во внимание руководством Наркомвоена, но видимо, повлияли на решение усилить состав РВС фронта. Во главе его был поставлен большевик с многолетним революционным опытом, народный комиссар П. А. Кобозев³⁴.

13 июня Совнарком, за подписью В. И. Ленина, объявил, что командование фронтом переходит в руки Революционного Военного Совета, состоящего из П. А. Кобозева, Г. И. Благонравова и М. А. Муравьева³⁵. Это был первый Военный Совет действующей армии, первый коллегиальный орган управления войсками фронта в республике.

6 июля 1918 г. убийством немецкого посла графа Мирбаха в Москве началось открытое выступление левых эсеров против Советской власти. В связи с этим Советское правительство рассма-

тривало вопрос о возможности дальнейшего пребывания Муравьева, ставленника левых эсеров, на столь ответственном посту.

В. И. Ленин поручил передать по прямому проводу членам фронтового Реввоенсовета предписание установить за ним строжайший контроль, вплоть до попеременного дежурства при нем членов РВС³⁶.

Готовясь поддержать мятеж, Муравьев действовал осторожно.

Маневрируя, он заявил, что порывает с партией левых эсеров. Когда Мехоношин 6 июля сообщил об этом В. И. Ленину, тот ответил: «Запротоколируйте заявление о его выходе из партии левых эсеров, продолжайте бдительный контроль... Борьбу с чехословаками и казаками надо вести с тройной энергией»³⁷.

Авантюра Муравьева, начавшего мятеж 10 июля, была быстро разоблачена и ликвидирована. 11 июля специальным декретом Советской власти правительство оповестило страну об измене Муравьева и объявлении его вне закона³⁸. В тот же день в перестрелке Муравьев был убит. Главнокомандующим Восточным фронтом 12 июля 1918 г. Совнарком назначил И. И. Вацетиса, членами нового состава РВС — П. А. Кобозева, К. Х. Данишевского, Ф. Ф. Раскольников³⁹.

В. И. Ленин 16, 17, 19, 20 июля и в последующие дни отдал ряд директив и указаний, в которых подчеркнул, что чехословацкая и кулацкая опасность очень серьезна и потребовал провести срочные меры для укрепления противочехословацкого фронта⁴⁰.

Заседание ЦК РКП(б) 29 июля 1918 г. проанализировало обстановку в стране и в связи с изменившимися условиями выработало новые формы и методы деятельности партии. Была разработана программа поднятия боеспособности армий Восточного фронта. Принятое постановление знаменовало не только решительный перенос основных усилий с одного театра военных действий на другой, но также дальнейшую централизацию руководства обороной страны в руках высшего органа Коммунистической партии⁴¹. В нем прямо указывалось, что «вопрос о судьбе революции решается... на Волге и Урале»⁴². Тем самым стратегическую проблему определения основной опасности ЦК решил с предельной четкостью.

Но ленинский метод руководства не ограничивается выбором главного звена, а требует взяться за него всеми силами, чтобы вытащить всю цепь. Поэтому ЦК потребовал сосредоточить внимание и силы партии, Красной Армии, всех трудящихся на задаче «очищения Волги, Урала и Сибири от контрреволюции», предписал отдать «лучшие, наиболее стойкие части для отражения опасности на востоке, оставляя на местах лишь минимальное количество вооруженных сил»⁴³.

В основу агитационной работы предполагалось положить разъ-

яснение смысла чехо-белогвардейского мятежа. Особое внимание обращалось на создание партийных ячеек в частях Красной Армии, на мобилизацию коммунистов, имевших военный опыт. Постановление было направлено как циркулярное письмо во все комитеты РКП(б)⁴⁴. 7 августа его опубликовала газета «Правда».

Стратегическая перегруппировка войск Красной Армии с западных рубежей на восток была осуществлена в августе 1918 года на основе следующей директивы В. И. Ленина: «Считаю необходимым всячески усилить Восточный фронт. Предлагаю Высшему военному совету разработать план снятия с Западного фронта *наибольшего* числа частей. План этот надлежит провести в кратчайший срок...»⁴⁵.

Вся перегруппировка проводилась под непосредственным наблюдением В. И. Ленина. Характерно, что основные директивы Высшего военного совета военным советам участков завесы о проведении перегруппировки начинались словами: «Председатель Совнаркома приказал...» и содержали требование регулярно извещать Ленина «об отправляемых частях, указав число штыков, всадников, орудий, пулеметов...»⁴⁶.

Готовя переход в наступление на Восточном фронте, ЦК РКП(б) наметил и направление главного удара, то есть решил одну из коренных проблем военной стратегии. В письме членам Реввоенсовета Восточного фронта от 1 августа 1918 г. В. И. Ленин пишет: «Сейчас вся судьба революции стоит на одной карте: быстрая победа над чехословаками на фронте Казань — Урал — Самара. Все зависит от этого». В этом же письме В. И. Ленин просит сообщить, достаточно ли энергично работают главком фронта И. И. Вацетис и другие военные руководители. Спрашивает, все ли делается для установления связи в военном деле с массами бедноты и ее привлечения⁴⁷.

Таким образом, В. И. Ленин занимался организацией всех важнейших операций на востоке страны. Он выдвинул стратегическую идею наступления на Восточном фронте, вникал в решение оперативных задач, заботился о состоянии партийно-политической работы в войсках.

Владимир Ильич неоднократно обращался к военному и политическому руководству фронта с просьбой регулярно информировать его о положении дел⁴⁸. Он постоянно держит руку на пульсе фронта: беседует с представителями командования фронта⁴⁹, регулярно изучает сводки о положении дел на нем⁵⁰.

В своих воспоминаниях член РВС Восточного фронта К. Х. Данишевский пишет: «Я часто, буквально ежедневно получал те или другие указания по телефону непосредственно (или через секретаря) от Владимира Ильича или тов. Свердлова»⁵¹.

Находясь в кольце фронтов, Республика по призыву партии,

В. И. Ленина нашла возможность направить на Восточный фронт новые пополнения. С 16 июля по 5 августа на фронт прибыло свыше 11,5 тысяч человек, 19 орудий, 136 пулеметов, 16 самолетов, 6 бронепоездов, 3 броневика⁵². Летом 1918 г. на Урале началось формирование дивизий: Екатеринбургской, Уфимской, Пермской, Вятской, Восточной, Средней, Западной, 1-й (на базе Восточной), 2-й (на базе Средней), 3-й, 4-й, 5-й, 6-й Уральских. Были созданы Вятская группа, бригады Ю. Ю. Аглока, В. К. Рейхардта, Тюменская и Камская речные флотилии⁵³. В конце июля войска фронта имели около 43,5 тысячи штыков и сабель, до 110 орудий и 19 вооруженных пароходов. В войсках противника насчитывалось свыше 52,5 тысяч штыков и сабель, до 190 орудий, 20 вооруженных судов. В его руках находилась и стратегическая инициатива⁵⁴.

Большое внимание партия и правительство, В. И. Ленин уделяли созданию на Волге военной флотилии, которая была необходима для успешного ведения боевых действий. В постановлении Совнаркома от 30 июля 1918 г., подписанном В. И. Лениным, были намечены основные меры по созданию базы формирования Волжской военной флотилии⁵⁵. Работа по ее созданию, переброске миноносцев, подводных лодок с Балтийского моря на Волгу проходила под личным контролем В. И. Ленина⁵⁶. В результате уже к концу августа формирование флотилии было закончено⁵⁷.

Лично вникает В. И. Ленин и в вопросы тактики ведения боевых действий. Серьезные недостатки, заключающиеся в том, что некоторые части Восточного фронта вели боевые действия главным образом вдоль железных дорог, были устранены Высшим военным советом по указанию В. И. Ленина⁵⁸.

В конце июля Реввоенсовет Восточного фронта разработал план перехода войск фронта от обороны к наступлению, но противник упредил войска Красной Армии. После двухдневных ожесточенных боев 6 августа пала Казань. 14 или 15 августа В. И. Ленин заслушивает доклад члена РВС фронта К. Х. Данишевского о причинах падения Казани, знакомится с подробностями военной обстановки и принятыми РВС мерами для организации обороны города, настроениями рабочих Казани и крестьян в татарских деревнях, выясняет причины запоздалого прибытия новых пополнений, спрашивает, достаточно ли помогал фронту Наркомвоен⁵⁹.

На многотысячном митинге рабочих 30 августа 1918 г. В. И. Ленин говорил: «Мы должны все бросить на чехословацкий фронт, чтобы раздавить всю эту банду, прикрывающуюся лозунгами свободы и равенства и расстреливающую сотнями и тысячами рабочих и крестьян. У нас один выход: победа или смерть!»⁶⁰. А через несколько минут прозвучали выстрелы эсерки Каплан.

Несмотря на тяжелое ранение Владимир Ильич продолжает оставаться на посту. Уже через неделю он посылает телеграммы с указаниями по военным вопросам.

В. И. Ленин получает 8 сентября телеграмму члена РВС Восточного фронта А. П. Розенгольца с сообщением о положении дел под Казанью и тут же телеграфирует в Свияжск, где находится в это время Троцкий, что он удивлен и встревожен замедлением операции по освобождению Казани⁶¹. В обращении к воинам армии В. И. Ленин выразил уверенность в том, что «подавление казанских чехов и белогвардейцев, а равно поддерживающих их кулаков-кровапийцев будет образцово-беспощадное»⁶².

В результате принятых мер уже 10 сентября Казань была взята войсками 5-й армии и В. И. Ленин 11 сентября пишет приветствие Красной Армии по поводу блестящей победы⁶³. Успешное завершение Казанской операции было первой крупной победой Красной Армии на Восточном фронте. Она изменила стратегическую обстановку в районе средней Волги, положив начало переходу стратегической инициативы к Красной Армии. В письме красноармейцам, участвовавшим во взятии города, от 22 сентября В. И. Ленин отмечает великое значение этой победы, ознаменовавшей перелом в настроении нашей армии, переход ее к твердым, решительным, победоносным действиям⁶⁴.

Что это действительно так, подтвердили дальнейшие победы Красной Армии. 12 сентября был взят Симбирск, 7 ноября — Ижевск. Осенью были нанесены ощутимые удары по белогвардейцам под Екатеринбургом, Нижним Тагилом, на кунгурском направлении, освобождены многие заводы, промышленные центры. При этом войска фронта постоянно ощущали заботу и внимание, руководство со стороны ЦК РКП(б), В. И. Ленина⁶⁵.

В конце 1918 г. войска адмирала Колчака, пришедшего к власти 18 ноября, перешли в наступление. Захватив Кушву, Бисерть, Лысьву, Чусовую, колчаковские войска вышли на ближние подступы к Перми.

Сложившаяся под Пермью обстановка вызвала серьезное беспокойство у Ленина и Совета Обороны Республики. О том, насколько глубоко и всесторонне оценивалась Центральным Комитетом РКП(б) стратегическая обстановка, о быстром, поистине оперативном реагировании на изменения в ней говорит следующий пример. Реввоенсовет Восточного фронта 9 декабря 1918 г. послал главному сообщению о наступлении противника на пермском направлении и просил срочно усилить 3-ю армию хотя бы бригадой. На следующий день главному ответил: «3-й армии прикажите немедленно восстановить положение... Бригада в настоящее время быть дана не может...»⁶⁶.

Однако В. И. Ленин 12 декабря указал Реввоенсовету Респуб-

лики: «Пермь в опасном положении. Считаю необходимым послать подкрепление...»⁶⁷, а на следующий день потребовал, чтобы председатель РВСР непременно проверял, достаточно ли энергично главнокомандующий дает подкрепления для обороны Перми и борьбы за Урал⁶⁸.

22 декабря на заседании Совета Обороны рассматривался вопрос о мерах по упрочению положения частей Красной Армии в районе Перми⁶⁹. 23 декабря В. И. Ленин запрашивает главнокомандующего Вацетиса: «...Что сделано для того, чтобы упрочить положение наших частей в районе Перми, требующих от центра срочной помощи?»⁷⁰.

Эти документы убедительно свидетельствуют, насколько внимательно следил В. И. Ленин за положением дел на Восточном фронте.

Совету Обороны, под председательством Ленина, приходилось не только осуществлять общее руководство Восточным фронтом, но и непосредственно включаться в контроль действий Главного командования Красной Армии и давать важные указания по ведению вооруженной борьбы. Так, 22 декабря было решено запросить Главнокомандующего, почему не выполнена директива об овладении Оренбургом, а также рекомендовать «более энергично продолжать движение на Уфу», проверить, когда и какие войска направлены в район Перми⁷¹.

На заседании 29 декабря рассматривался вопрос о продвижении подкреплений Восточному фронту⁷².

Ленинские указания о необходимости усиления войск под Пермью были выполнены с опозданием. 25 декабря 1918 г. колачакотцы превосходящими силами захватили Пермь.

Рассмотрев письмо Уральского областного комитета партии о причинах неудач 3-й армии, ЦК РКП(б) создал партийно-следственную комиссию в составе И. В. Сталина и Ф. Э. Дзержинского⁷³. 30 декабря В. И. Ленин подписывает постановление ЦК РКП(б), обязывающее И. В. Сталина немедленно выехать в район Перми для налаживания партийной работы на Восточном фронте⁷⁴.

По указанию комиссии ЦК партии, выехавшей в 3-ю армию в первых числах января 1919 г.⁷⁵, уральские организации провели мобилизацию коммунистов, очистили армию от чуждых элементов, приняли меры по пополнению ее новыми соединениями. Особенно большое внимание было уделено организации партийно-политического аппарата, воспитанию бойцов и командиров⁷⁶.

В. И. Ленин регулярно следил за работой комиссии, давал ей конкретные указания, оказывал необходимую помощь и поддержку⁷⁷.

Выводы комиссии, принятые ЦК партии, содержали конкретные меры по дальнейшему укреплению Красной Армии на Вос-

точном фронте. Но и в последующем В. И. Ленин не ослаблял внимания к положению на этом фронте. В первой половине февраля (не позднее 14) он беседует с главкомом Вацетисом о состоянии Восточного фронта в связи с отступлением 2-й армии и 14 февраля пишет телеграмму Реввоенсовету фронта с запросом о мерах, принимаемых в связи с этим ⁷⁸.

Своевременная помощь ЦК РКП(б) и правительства Восточному фронту, партийным организациям Урала дала возможность перейти к активным действиям и развернуть в последующем контрнаступление. В целом Советская республика добилась ликвидации мятежа чехословацкого корпуса, подавила эсерово-белогвардейский мятеж на Воткинском и Ижевском заводах ⁷⁹, а также другие контрреволюционные выступления в Среднем Поволжье. Войска Восточного фронта организационно окрепли, выросло их боевое мастерство, начало складываться молодое советское оперативное искусство.

Это стало возможным потому, что Центральный Комитет партии, В. И. Ленин охватывали своим влиянием все стороны военного строительства и боевой деятельности Восточного фронта. Своевременно определялось направление главного удара противника, обсуждались планы разгрома его, проводились мероприятия по их выполнению. Большое личное участие в этом принимал вождь партии, создатель Советского государства и его Вооруженных Сил Владимир Ильич Ленин.

В. И. Ленину, ЦК партии пришлось снова уделить первостепенное внимание Восточному фронту весной — летом 1919 г., когда он во второй раз стал решающим.

Весной 1919 г. колчаковские войска прорвали Восточный фронт, захватили Уфу, Ижевск, Воткинск и другие промышленные центры.

Коммунистическая партия призвала трудящихся к отпору новому натиску контрреволюции. Важное значение в деле обеспечения разгрома белогвардейцев и интервентов сыграл VIII съезд партии, который определил линию Советской власти на прочный союз с середняком и принял меры по укреплению Красной Армии.

Красноармейцев Восточного фронта на съезде представляли 18 делегатов с решающим голосом и 4 делегата с совещательным ⁸⁰. Некоторые из них (Сафаров Г. И., Толмачев Н. Г. — делегаты от 3-й армии, Суница Л. Б., Козлов К. А. — делегаты от 1-й армии и другие) голосовали на съезде за тезисы «военной оппозиции». А член РВС 5-й армии В. М. Смирнов был одним из ее лидеров.

Стремясь убедить некоторых представителей руководящего состава фронта в ошибочности их взглядов, В. И. Ленин не жалеет усилий. 17—18 марта он знакомится с письмом члена РВС

Восточного фронта И. Т. Смильга в ЦК РКП(б) по вопросу строительства Красной Армии⁸¹. Еще до начала работы съезда, то есть 18 марта, беседует с В. М. Смирновым⁸².

Но оппозиционеры упорно настаивали на своем. После того, как их взгляды были разгромлены на VIII съезде РКП(б), как несовместимые с интересами партии и народа, были приняты и организационные меры в отношении лидеров «военной оппозиции».

Выступая на совещании делегатов VIII съезда РКП(б) 23 марта, В. И. Ленин, по поручению ЦК РКП(б) созыва VII съезда партии, доводит до сведения делегатов, что член РВС 5-й армии Смирнов отстранен от работы в армии⁸³.

Четкие установки по всем основным вопросам военного строительства и партийного руководства вооруженными силами в Программе РКП(б) и решениях VIII съезда во многом способствовали работе по превращению Советской республики в единый военный лагерь, завершению строительства массовой регулярной Красной Армии.

Наступление колчаковских войск на Восточном фронте началось 4 марта 1919 г. Почему же Восточный фронт был признан главным фронтом только в середине апреля?

По-видимому, под впечатлением успешного зимнего наступления армий Восточного фронта, боеспособность колчаковских войск была признана невысокой как Главным командованием Красной Армии⁸⁴, так и штабом Главного командования армий Антанты в Париже⁸⁵. Наступление армий Колчака расценивалось Антантой и им самим, как частная операция с целью «к началу апреля армиям занять выгодное исходное положение»⁸⁶, то есть к началу весенней распутицы и разлива рек, когда затруднено ведение военных действий значительного масштаба.

Ряд исследователей, например, Бобылев П., Дмитриев П.⁸⁷, главной причиной недооценки Восточного фронта в марте 1919 г. называют то, что главным и Полевой штаб РВСР допустили просчет в оценке обстановки, группировки сил и определении главного удара противника.

В то же время Бобылев П. делает вывод, противоречащий этой оценке. Он пишет: «Таким образом, неудачный для советских войск ход боевых действий на Западном фронте в течение почти всего марта заставлял советское командование держать наготове стратегические резервы для переброски их на этот фронт и принимать меры по его укреплению, несмотря на тяжелое положение на востоке. Только к концу марта вполне определилось место Западного фронта как второстепенного по отношению к Восточному»⁸⁸. На наш взгляд, эта оценка более точна.

К 14 апреля колчаковцы захватили Уфу и, стремясь развить достигнутый успех, прорвали центр Восточного фронта.

В связи с крахом планов интервентов и белогвардейцев на Украине, Дону и западном направлении и успехами Колчака, к первой половине апреля 1919 г. оформился новый стратегический план Антанты, где главная роль отводилась колчаковским войскам⁸⁹.

По скудным, отрывочным данным разведки, нередко лишь по косвенным признакам, с поразительным искусством руководитель обороны Советской республики безошибочно выявлял любые изменения в замыслах противника и в способах его действий. Это мастерство Ленин продемонстрировал и при оценке чрезвычайно сложной обстановки весной 1919 г.⁹⁰.

Еще 3 апреля⁹¹, как и в конце марта, Ленин подчеркивал, что антисоветские силы ведут наступление и с запада, и с востока, и высказывал серьезное беспокойство в связи с наступлением Колчака. Но вопросы об основной опасности, о направлении главного удара противника тут еще не ставятся. Прошла всего одна неделя и Владимир Ильич 10 апреля в письме петроградским рабочим дает предельно четкий ответ на эти вопросы: с востока надвигается грозная опасность, «там решается судьба революции»⁹².

В тот же день издан декрет о мобилизации в 9 губерниях пяти призывных возрастов⁹³. 11 апреля 1919 г.⁹⁴ В. И. Ленин написал «Тезисы ЦК РКП(б) в связи с положением Восточного фронта»⁹⁵, где указывал, что «победы Колчака на Восточном фронте создают чрезвычайно грозную опасность для Советской республики. Необходимо самое крайнее напряжение сил, чтобы разбить Колчака»⁹⁶.

На следующий день с трибуны пленума ВЦСПС В. И. Ленин огласил утвержденные Оргбюро ЦК партии «Тезисы»⁹⁷. Они содержали конкретную программу мероприятий по оказанию быстрой и действенной помощи Восточному фронту и были также стратегической директивой, которая определяла основную опасность, указывала направление главного удара и ставила конкретные задачи.

Провозгласив Восточный фронт главным фронтом Республики, ЦК РКП(б) не только разработал программу сосредоточения сил на этом фронте, но и непосредственно возглавил практические действия по выполнению намеченной программы. Об этом свидетельствуют и решения состоявшегося 13 апреля Пленума ЦК РКП(б). Заслушав доклад В. И. Ленина, Пленум наметил ряд практических мер по усилению Восточного фронта. Было решено максимально укрепить войска коммунистами. При этом Владимир Ильич особое внимание обращал на 3-ю армию, которая в предыдущих боях понесла тяжелые потери⁹⁸.

В телеграмме Реввоенсовету Восточного фронта 29 мая

1919 г. В. И. Ленин указывал: «Если мы до зимы не завоюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной. Напрягите все силы...»⁹⁹.

Для выполнения этого стратегического плана вождь партии дал целую программу действий. Наряду с чисто военными вопросами внимание РВС фронта было обращено на партийно-политическую работу¹⁰⁰.

В связи с этими указаниями РВС фронта направил циркулярное распоряжение Реввоенсоветам армий и политотделам соединений и частей. Совещание ответственных работников 3-й армии, например, постановило начать в печати и в устной пропаганде и агитации в тылу и на фронте широкую кампанию под лозунгом: «Весь Урал к зиме должен быть наш!»¹⁰¹.

Для ленинского стиля руководства характерно внимательное, бережное отношение к кадрам. Характерным является решение В. И. Ленина о командующем Восточным фронтом в мае 1919 г.

В разгар начавшегося наступления Восточного фронта распоряжением Троцкого 5 мая был, без всяких веских оснований, снят с должности командующего фронтом и отправлен в «отпуск» С. С. Каменев. В телеграмме ЦК РКП(б) члены РВС фронта С. И. Гусев, М. М. Лашевич и К. К. Юренев возражали против замены С. С. Каменева А. А. Самойло¹⁰².

Между 9 и 20 мая¹⁰³ Владимир Ильич беседует с С. С. Каменевым, приехавшим в Москву просить о новом назначении на службу, о положении дел на Восточном фронте¹⁰⁴. После беседы Ленин через ЦК добивается отмены распоряжения Троцкого и 25 мая С. С. Каменев был снова назначен на прежнюю должность.

Решение кадровых вопросов занимало одно из центральных мест в деятельности партии. Так, на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 18 апреля 1919 г. с участием В. И. Ленина обсуждались вопросы о командующем 2-й армии В. И. Шорине, о командовании Южной группой Восточного фронта¹⁰⁵.

Коллегиальное решение в ЦК РКП(б) вопросов военной стратегии ни в какой степени не подрывало централизации и единоначалия, не умаляло роли военных руководителей, а наоборот, помогало осуществлять единство воли и действий, придавало уверенность военачальникам в их деятельности. Ленин строго следил за тем, чтобы подготовка и принятие в ЦК решений и директив по военно-стратегическим и оперативным вопросам, а также по вопросам назначений и перемещений руководящих военных работников происходили в самом тесном, непосредственном контакте с Главным командованием.

Контролируя выполнение директив ЦК партии, В. И. Ленин в то же время оберегал самостоятельность и инициативу командующих войсками в пределах их компетенции и предоставленных

прав. Об этом можно судить, например, по его телеграмме командующему Южной группой Восточного фронта М. В. Фрунзе 12 мая 1919 г. Сообщив Фрунзе о просьбе оренбургских железнодорожников прислать им подкрепление, Владимир Ильич далее писал: «Сообщите немедленно, что предприняли и каковы Ваши планы. Разумеется, не рассматривайте моей телеграммы как нарушающей военной приказаний» ¹⁰⁶.

Важное значение для достижения побед над врагом имело и влияние личности В. И. Ленина, воздействие на воинов моральной поддержки вождя Коммунистической партии и Советского государства. В телеграмме от 15 июня 1919 г. к Ленину обратился М. В. Фрунзе: «Уральск уже пятьдесят дней выдерживает осаду. Необходимо продержаться еще минимум две недели. Мужество же гарнизона истекает. Полагал бы целесообразным посылку приветственной телеграммы лично Вами...» ¹⁰⁷.

В ответ на ленинское приветствие и поддержку в телеграмме ¹⁰⁸, защитники Уральска послали через командующего 4-й армией К. А. Авксентьевского телеграмму, в которой, в частности, говорилось: «От имени гарнизона благодарю за то внимание и заботу о заброшенных в уральских степях небольших, но верных пролетарской революции и стойких частях Красной Армии. Осмелюсь уверить Вас, дорогой товарищ, что части, обороняющие Уральск, до конца осады останутся такими же стойкими и бодрыми, как и до настоящего времени, и, пренебрегая всеми лишениями и нуждами, выдержат осаду...» ¹⁰⁹.

В июне 1919 г. положение Советской республики еще более усугубилось. Враг угрожал Петрограду и прорвал оборону на юге. Пришлось перебросить значительную часть войск с восточного на северное направление и южное.

В этих условиях В. И. Ленин в телеграмме от 3 июня обязал военное руководство провести поголовную мобилизацию населения всей прифронтовой полосы, в том числе спешную мобилизацию оренбургских казаков и башкир, в среду которых рекомендовал послать «...толкового, спокойного, знающего, опытного человека» ¹¹⁰.

Командование Сибирской армии Колчака попыталось помешать начавшемуся наступлению 2-й армии и подготовило удар в сторону Глазова. Потерпев поражение на южном участке в полосе наступления Западной армии, Колчак взял за основу северный вариант наступления — через Вятку и Вологду, где намеревался соединиться с армией Миллера ¹¹¹. 3 июня белые заняли Глазов.

В. И. Ленин внимательно следил за событиями на фронте. 4 июня он посылает Реввоенсовету фронта телеграмму: «Крайне

обеспокоен потерей Агрыза и особенно Глазова. Приняли ли экстренные меры? Выяснили ли причины?...»¹¹².

Через день Ленин посылает членам РВС фронта С. И. Гусеву¹¹³ и М. М. Лашевичу следующую телеграмму: «Положение на юге так тяжело, что едва ли сможем дать вам пополнения. Придется вам налечь изо всех сил на мобилизацию... Считаю величайшей опасностью возможное движение Колчака на Вятку для прорыва к Питеру. Обратите серьезнейшее внимание, извещайте чаще о фронте под Глазовом...»¹¹⁴.

Выполняя указания Ленина, Реввоенсовет фронта принял экстренные меры, чтобы остановить продвижение врага. Была объявлена мобилизация в прифронтовой полосе и в 3-ю армию влилось большое количество населения Удмуртии. Только 8 уездов Вятской губернии послали в эту армию около 6 тысяч коммунистов и сочувствующих¹¹⁵. Всего за апрель—июль Восточный фронт получил около 110 тысяч человек пополнения¹¹⁶.

С 9 июня 3-я армия перешла в контрнаступление почти на всем своем фронте. 13 июня был взят Глазов, а к середине июня была очищена вся территория Удмуртии¹¹⁷.

Владимир Ильич зорко следил за малейшими изменениями обстановки. 11 июня он дал Реввоенсовету фронта директиву удесятерить партийную энергию, улучшить политическую работу в частях, чтобы не допустить поражения под Уфой¹¹⁸. В. И. Ленин обращает внимание на необходимость подавления вспыхнувших белоказачьих восстаний в Оренбургской губернии и Уральской области. Он поддерживал предложение И. И. Ульянова сформировать «дивизию из казачьей пролетарской массы в районе Саратова и Покровска для действий в тылу противника, в степях за Уралом»¹¹⁹.

Уральская армия белых, упредив советские войска, 26 июня развернула большое наступление к Волге навстречу войскам Деникина¹²⁰. Развитие успехов противника в районе Николаевска (ныне Пугачев) вызывает беспокойство Владимира Ильича¹²¹.

Не позднее 29 июня В. И. Ленин поручает члену РВСР С. И. Гусеву в связи с предстоящим обсуждением положения на Восточном фронте Пленумом ЦК РКП(б), запросить у РВС фронта точные данные о состоянии войск фронта, о плане действий Реввоенсовета¹²².

Еще в мае 1919 г., как только на востоке страны обозначился успех контрнаступления советских войск, началась переброска частей с этого фронта на Южный фронт и под Петроград. Реввоенсовет Восточного фронта 30 мая в специальной докладной записке сообщил В. И. Ленину: «В течение последних двух недель с Восточного фронта снято и направлено на Южный

фронт и Западный фронт 20 полков и 5 батарей, из них 9 сформировано и пополнено фронтом»¹²³.

В этом документе, а также в докладной записке В. И. Ленину от 2 июня 1919 г., Реввоенсовет настойчиво возражал против снятия частей с Восточного фронта. Дело в том, что в начале июня, когда войска Южной группы быстро приближались к Уралу, РВС фронта предложил развернуть без всяких пауз общее наступление всех армий фронта с целью полного разгрома колчаковских войск.

Между тем главком Вацетис и разделявший его точку зрения председатель РВСР Троцкий считали необходимым остановить наступление Восточного фронта, чтобы высвободить его основные силы и перебросить их на юг и северо-запад для отражения наступления Деникина и Юденича¹²⁴.

Реввоенсовет Восточного фронта 10 июня в докладной записке выдвинул обоснованные возражения против такой постановки задач¹²⁵.

Устранить возникшие разногласия мог только высший орган руководства обороной страны. Пути решения наметил В. И. Ленин, снова проявив выдающееся искусство стратега революционной войны.

В телеграмме от 9 июня, адресованной членам Реввоенсовета и руководящим партийным работникам Восточного фронта, В. И. Ленин писал: «Сильное ухудшение под Питером и прорыв на юге заставляют нас еще и еще брать войска с вашего фронта. Иначе нельзя. Вам надо перейти к более революционной военной работе, разрывая привычное. Мобилизуйте в прифронтовой полосе поголовно от 18 до 45 лет..., ставя по два и по три человека на одну винтовку¹²⁶, призывая выгнать Колчака с Урала. Мобилизуйте 75 процентов членов партии и профсоюзов. Иного выхода нет, надо перейти к работе по-революционному». Перед основным текстом телеграммы Владимир Ильич написал: «Такую же директиву дать через ЦК»¹²⁷.

Новизна и смелость стратегического решения ЦК РКП(б) заключалась в том, что трудные наступательные задачи ставились фронту, из состава которого непрерывно изымались опытные и боеспособные войска. В соответствии с постановлением ЦК РКП(б) и указаниями Советского правительства Реввоенсовет Республики 13 июня принял решение признать Петроградский фронт важнейшим, требующим чрезвычайного сосредоточения сил¹²⁸. С этой целью с Восточного фронта кроме уже переброшенных в район Петрограда 27 полков общей численностью до 21 500 штыков и сабель были сняты и направлены под Петроград две крепкие боеспособные дивизии¹²⁹. Во исполнение постановлений директивных органов от 17 июня, в течение июня—ию-

ля 1919 г. с Восточного фронта были переброшены: 2-я стрелковая дивизия и бригада 5-й стрелковой дивизии под Петроград в 7-ю армию, 31-я стрелковая дивизия в 8-ю и 7-я в 14-ю армии Южного фронта ¹³⁰.

Таким образом, решительное наступление с использованием принципа «резервы впереди» (то есть на освобожденной территории), действительно ломало и разрывало привычные представления военной науки и являлось образцом ведения войны по-революционному.

Через 3 дня, 20 июня, Ленин снова указал Реввоенсовету Восточного фронта, что наступление на Урал надо, безусловно, усилить и ускорить ¹³¹.

Тем не менее главком И. И. Вацетис продолжал отстаивать свою точку зрения. В докладе о военном положении Советской республики 24 июня 1919 г. Вацетис прямо заявил, что «придется... на востоке перейти к активной обороне...» ¹³².

Более того Вацетис, действуя самочинно, без согласования с РВСР и Советом Обороны, стал оголять Восточный фронт и перебрасывать войска на Южный фронт. Имея указание ЦК партии перебросить с Восточного на Южный фронт лишь одну 31-ю стрелковую дивизию, Вацетис за май—июнь 1919 г. перебросил 42 полка ¹³³.

Июньский Пленум ЦК, не согласившись с мнением главкома, поправил его и дал ясную директиву о решительном наступлении на Урал. Считая, что расхождения тем самым устранены, Пленум решил оставить Вацетиса на посту. Когда же выяснилось, что Вацетис, вопреки директивам ЦК и В. И. Ленина, упорно ориентирует Восточный фронт на оборону, смена главкома стала необходимой и неизбежной.

Очередной Пленум ЦК РКП(б), созванный 3 июля 1919 г. в период, который В. И. Ленин охарактеризовал как «один из самых критических, по всей вероятности, даже самый критический момент социалистической революции» ¹³⁴, наряду с общеполитическими вопросами рассмотрел и решил 19 военных вопросов ¹³⁵.

Было решено освободить И. И. Вацетиса, подавшего в отставку, от обязанностей главкома, реорганизовать Реввоенсовет Республики ¹³⁶. Пленум обсудил также вопрос о назначении главкомом командующего Восточным фронтом С. С. Каменева ¹³⁷.

9 июля В. И. Ленин подписывает постановление СНК от 8 июля 1919 г. о назначении С. С. Каменева и о новом составе РВС Республики ¹³⁸. На принятие этого решения повлияло, видимо, и то, что в ночь с 8 на 9 июля была арестована группа лиц Полевого штаба, пытавшихся создать белогвардейскую организацию. Был подвергнут аресту и главком Вацетис, и жив-

ший с ним на одной квартире порученец, бывший капитан царской армии Исаев¹³⁹.

Следствие установило лишь неразборчивость Вацетиса в связях и решением ВЦИК от 7 октября 1919 г. его дело было прекращено¹⁴⁰.

Троцкий от участия в боевых делах Восточного фронта был фактически отстранен. Начальником Полевого штаба был назначен начальник штаба Восточного фронта П. П. Лебедев.

В ходе успешного наступления 1 июля 1919 г. части 3-й армии разгромили белогвардейскую группировку на левом фланге и освободили Пермь и Кунгур. В тот же день В. И. Ленин телеграфировал на Восточный фронт: «Поздравляю геройские красные войска, взявшие Пермь и Кунгур. Горячий привет освободителям Урала. Во что бы то ни стало, надо довести это дело быстро до полного конца»¹⁴¹.

Развивая наступление, 5-я армия 13 июля освободила крупный промышленный центр Урала г. Златоуст. В ночь на 15 июля 2-я армия вступила в Екатеринбург.

В. И. Ленин поздравил командование фронта с блестящими победами, но в то же время предостерег руководителей Реввоенсовета о возможности зарождения губительной «партизанщины» и разложения наступающих войск. В другой телеграмме, отправленной 19 июля, В. И. Ленин поставил задачу «подробно обсудить с политработниками и осуществить конкретные меры против партизанщины»¹⁴².

Командующим войсками Восточного фронта 13 июля 1919 г. назначается М. В. Фрунзе.

В ходе Челябинской операции (17 июля — 4 августа) удалось рассечь белогвардейский фронт на две части — северную и южную, лишив их тактической и даже оперативной связи¹⁴³.

29 июля 1919 г. «Правда» опубликовала коллективное письмо красноармейцев Южной группы армий Восточного фронта В. И. Ленину, где говорилось: «...Ты приказал взять Урал к зиме — мы исполнили твой боевой приказ. Урал наш. Мы идем теперь в Сибирь»¹⁴⁴.

Северная часть колчаковских войск начала поспешное отступление в глубь Сибири, а Южная армия — в Оренбургскую и Уральскую области.

Реввоенсовет Республики решил на основе войск туркестанского направления создать Туркестанский фронт, командующим войсками которого был назначен М. В. Фрунзе. В общей сложности Восточный фронт передал Туркестанскому около 8 дивизий, ряд отдельных частей и спецподразделений, а Южный фронт только в течение июня—августа 1919 г. получил от него три стрелковые дивизии¹⁴⁵.

Чтобы воодушевить красноармейцев и командиров на новые подвиги, 8 августа 1919 г. В. И. Ленин шлет поздравительную телеграмму Реввоенсовету 5-й армии Восточного фронта в связи с ее годовщиной ¹⁴⁶.

24 августа В. И. Ленин написал «Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком!» ¹⁴⁷, в котором дал четкую и ясную установку командованию Красной Армии, партийным и советским органам Сибири по разгрому врага и установлению революционного порядка на освобожденной сибирской земле. Эта ленинская работа имела большое программное значение не только для партийных, советских и военных органов Сибири, но и всей республики.

В многомесячных непрерывных боях войска фронта понесли значительные потери, испытывали серьезные трудности в боеприпасах, люди нуждались в отдыхе. Кроме того, тылы отстали от передовых частей на сотни километров. Всеми этими затруднениями попытались воспользоваться белогвардейцы и интервенты. Получая военную помощь стран Антанты, и в первую очередь США, Колчак провел новую мобилизацию в Сибири. Ему удалось подтянуть в междуречье Ишим—Тобол крупные силы. На этом рубеже белогвардейское командование сделало попытку разгромить передовые части советских войск, но безуспешно.

Правда, из-за нераспорядительности командующего фронтом Ольдерогге армии вынуждены были отступить на западный берег р. Тобол. И это произошло в тот момент, когда войска Деникина рвались к Москве, а генерал Юденич угрожал Петрограду.

16 сентября В. И. Ленин пишет Реввоенсовету Республики: надо «поставить главному на вид крайнюю неэнергичность Ольдерогге и необходимость принять меры, либо заменяя его более энергичным командиром (обсудить вопрос о Фрунзе), либо посылку надежнейших и энергичнейших комиссаров, либо и то и другое» ¹⁴⁸.

В тот же день в личной записке члену РВСР С. И. Гусеву В. И. Ленин дает еще более строгую оценку командующему фронтом Ольдерогге и члену РВС Позерну, подчеркивая при этом, что «выпускать из рук победу — позор...» ¹⁴⁹.

Таким образом, В. И. Ленин предлагает не только пересмотреть руководство фронта, поскольку оно не обеспечило руководство войсками, но, главным образом изменить стиль работы, найти новые, революционные способы, которые позволили бы довести успех наступающих войск до полной победы.

Однако Ольдерогге не был отстранен от командования фронтом. Было учтено, что он с первых дней войны находился на строевых должностях, доказал преданность Советской власти и

хорошо знал Западно-Сибирский театр военных действий (с 1908 г. по апрель 1912 г. служил заведующим передвижением войск Омского района). РВС и штаб фронта учли критику председателя Совнаркома: параллельно с отражением наступления противника началась энергичная подготовка к наступательной операции¹⁵⁰.

В период сентябрьских боев 3-й и 5-й армий на р. Тобол Ленин пишет Склянскому: «...надо усилить теперь отправку винтовок на Востфронт. Не дать ли Востфронту задание: обдумать и провести перегруппировку войск так, чтобы усилить все дивизии процентов на 15—30 и тем довести всю армию до прежнего состава»¹⁵¹.

17 октября 1919 г. В. И. Ленин получает телеграмму члена РВС 5-й армии, Председателя Сибирского ревкома И. Н. Смирнова с информацией о положении дел в Сибири и на Восточном фронте¹⁵².

Смирнов И. Н. запрашивает обмундирование на 30 000 человек и тогда, пишет он, «...мы мобилизуем в Челябинске и там, куда идем, немедленно это число бойцов. ... Организуя местные силы, с Колчаком справимся...»¹⁵³.

В. И. Ленин тотчас отдал распоряжение о выделении обмундирования и написал свои предложения по вопросам: помощь Южному фронту, план наступления на Восточном фронте и предлагает поручить главному рассмотреть и обсудить эти предложения¹⁵⁴.

Выполняя указание Ленина, Сибревком в тесном контакте с Реввоенсоветами фронта, 3-й и 5-й армий, а также с местными партийными и советскими органами сумели мобилизовать силы на окончательный разгром Колчака.

Но В. И. Ленин не переоценивал успехи. Не ранее 15 ноября он читает докладную записку члена РВС 5-й армии И. Н. Смирнова «Состояние 5-й армии перед зимней кампанией», составленную в ответ на телеграмму В. И. Ленина от 1 ноября 1919 г.¹⁵⁵. На предложение Смирнова о том, что «задача уничтожения остатков колчаковщины может выполнить небольшая 4—5 дивизий армия, набранная из местных крестьян», Владимир Ильич пишет: «плюс, а не 6 дивизий старых!»¹⁵⁶.

Освобождение Сибири продолжалось. 14 декабря 27-я дивизия 5-й армии комбинированным ударом освободила Новониколаевск (Новосибирск), а в первых числах декабря части 26 дивизии вступили в г. Барнаул.

У станции Тайга части 27-й дивизии разгромили главные силы польских легионеров, которые потеряли около 4 тыс. убитыми и ранеными¹⁵⁷.

Из всей огромной армии Колчака последним, наиболее бое-

способным отрядом оставались только белочехи, насчитывающие свыше 30 тысяч человек¹⁵⁸. При дальнейшем отступлении они могли вывести из строя Кругобайкальскую железную дорогу и тем самым надолго прервать связь Советской республики с Дальним Востоком. Приходилось учитывать и то, что восточнее Иркутска, в Забайкалье, стояли части японской армии. Следовательно, дальнейшее продвижение советских войск могло привести к вооруженному столкновению с японскими интервентами.

15 декабря 1919 г., поздравляя красные войска со взятием Новониколаевска, В. И. Ленин предупреждал: «Помните, что будет преступлением чрезмерно зарываться на Восток...»¹⁵⁹.

19 февраля 1920 г. Ленин вновь указывает Реввоенсовету 5-й армии, что надо «...потребовать, чтобы все в Сибири осуществили лозунг: «Ни шагу на восток далее, все силы напярчь для ускоренного движения войск и паровозов на запад в Россию». Мы окажемся идиотами, если дадим себя увлечь глупым движением в глубь Сибири, а в это время Деникин оживет и поляки ударят. Это будет преступление»¹⁶⁰.

По распоряжению В. И. Ленина дальнейшее продвижение войск 5-й армии было приостановлено на рубеже озера Байкал¹⁶¹.

Владимир Ильич приказал председателю Сибревкома И. Н. Смирнову выехать в Нижнеудинск для ведения переговоров с чехословацким командованием с целью заключить мир во что бы ни стало.

В течение 6—7 февраля 1920 г. на подступах к Иркутску разгорались бои между отступающими белогвардейцами и захватившими город рабочими. Встретив отпор и узнав, что 7 февраля расстрелян Колчак, белые во главе с генералом Сахаровым и Войцеховским в обход Иркутска бежали на восток.

Чехи подписали перемирие и 1 марта последний чешский эшелон покинул Иркутск. Части 30-й дивизии 7 марта 1920 г. вступили в город. Задача разгрома противника была выполнена.

Директивой Главного командования Красной Армии № 3 от 6 января 1920 г. 3-я армия была расформирована¹⁶².

13 января 1920 г. на заседании Совнаркома В. И. Ленин докладывает о предложении Реввоенсовета 3-й армии преобразовать армию во 2-ю Революционную армию труда, избирается в состав комиссии для выработки предложений о способах наиболее целесообразного использования армии¹⁶³.

Этой же директивой № 3 с 15 января 1920 г. предлагалось считать расформированными управления Восточного фронта¹⁶⁴.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции вождь партии и глава Советского государства В. И. Ленин уделял огромное внимание

делу организации разгрома сил контрреволюции на востоке страны. Он принимал самые решительные меры по укреплению Восточного фронта, мобилизации сил партии, рабочего класса и трудового крестьянства на разгром врага. На основе ленинских идей и указаний Главное командование Красной Армии разрабатывало оперативно-стратегические планы важнейших военных операций на Восточном фронте. Руководящая и направляющая роль В. И. Ленина, ЦК РКП(б), всей партии явилась решающим условием побед Красной Армии и советского народа над объединенными силами интервентов и внутренней контрреволюции как во всей гражданской войне, так и, в частности, на Восточном фронте.

Анализируя причины достигнутой всемирно-исторической победы, В. И. Ленин раскрыл решающее значение организаторской и руководящей деятельности партии большевиков: «...только благодаря тому, что партия была на страже, что партия была строжайше дисциплинирована, и потому, что авторитет партии объединял все ведомства и учреждения, и по лозунгу, который был дан ЦК, как один человек шли десятки, сотни, тысячи и в конечном счете миллионы, и только потому, что неслыханные жертвы были принесены — только поэтому чудо, которое произошло, могло произойти. Только поэтому, несмотря на двухкратный, трехкратный и четырехкратный поход империалистов Антанты и империалистов всего мира, мы оказались в состоянии победить»¹⁶⁵.

Эти слова в полной мере и в первую очередь можно отнести к истории деятельности ЦК РКП(б), В. И. Ленина по руководству боевой деятельностью Восточного фронта.

ПЕРЕЧЕНЬ ССЫЛОК

¹ См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза.— М.: Политиздат, 1986.— С. 168.

² См.: Материалы Всесоюзного совещания заведующих кафедрами общественных наук // Правда.— 1986, 2 октября.

³ См.: Спирин Л. М. Российская Коммунистическая партия (большевиков) в годы гражданской войны и интервенции (Историография. 1957—1972 гг.) // Из истории гражданской войны и интервенции. 1917—1922. Сб. статей.— М.: Наука, 1974.— С. 41—42.

⁴ Найда С. Ф., Петров Ю. П. Коммунистическая партия — организатор победы на Восточном фронте в 1918 году // Вопросы истории.— 1956.— № 10; Спирин Л. М. Коммунистическая партия — организатор разгрома Колчака // Вопросы истории.— 1956.— № 6 и другие.

⁵ Ненароков А. П. Восточный фронт. 1918.— М.: Наука, 1969.

⁶ Бакунин А. В. В. И. Ленин и Восточный фронт в 1918—1919 гг. // Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917—1922 гг.—Новосибирск: Наука, 1985.

⁷ Ненароков А. П. В. И. Ленин и создание Восточного фронта (1918 год) // Военно-исторический журнал.—1968.—№ 12; Сибельдин Н. П. Роль В. И. Ленина в создании перелома на Восточном фронте // Вопросы истории КПСС.—1962.—№ 3; Юницкая Р. З. В кольце фронтов: из истории военно-организаторской деятельности В. И. Ленина летом 1918 г. // Вопросы истории КПСС.—1968.—№ 4.

⁸ Шабалдин В. И. История двух телеграмм // История СССР.—1972.—№ 6.

⁹ Кладт А. П. Проблемы источниковедческого анализа документов о военно-организаторской деятельности В. И. Ленина // Автореферат канд. дисс.—М.: 1973; Он же. О некоторых новых фактах военно-организаторской деятельности В. И. Ленина // Военно-исторический журнал.—1974.—№ 8.

¹⁰ Бобылев П. Определение главного фронта весной 1919 г. // Военно-исторический журнал.—1974.—№ 7.

¹¹ Молоков И. Е. В. И. Ленин—организатор освобождения Сибири.—Омск, 1969.

¹² Колычев В. Г. Партийно-политическая работа в Красной Армии в годы гражданской войны 1918—1920.—М.: Наука, 1979; Петров Ю. П. КПСС—руководитель и воспитатель Красной Армии (1918—1920 гг.)—М.: Воениздат, 1961.

¹³ См. Азовцев Н. Н., Селяничев А. К. Основные этапы гражданской войны и Вооруженные Силы Советской республики // Из истории гражданской войны и интервенции.—М.: 1974.—С. 187—188.

¹⁴ См.: Спирин Л. М., Литвин А. Л. На защите революции: В. И. Ленин, РКП(б) в годы гражданской войны. Историографический очерк.—Л.: 1985.

¹⁵ Спирин Л. М., Литвин А. Л. Указ. соч.—С. 118.

¹⁶ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870—1924.—Т. 5—8—М.: Политиздат, 1974—1977; Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920): Сб. док.—М.: 1969; В. И. Ленин и ВЧК: Сб. док. (1917—1922 гг.)—М. 1975; М. В. Фрунзе на Восточном фронте.—Куйбышев, 1985 и другие.

¹⁷ Подсчитано по изданию: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника.—Т. 5—8.—М.: Политиздат, 1974—1977.

¹⁸ См.: Гражданская война в СССР.—Т. I.—М.: Воениздат, 1980.—С. 179

¹⁹ Ленин В. И. // Полн. собр. соч.—Т. 37.—С. 1.

²⁰ Ленин В. И. // Там же.—С. 69.

²¹ См.: Ненароков А. П. Восточный фронт 1918.—С. 113—120.

²² См.: Кляцкин С. М. На защите Октября. Организация регулярной армии и милиционное строительство в Советской республике. 1917—1920.—М.: Наука, 1965.—С. 205.

²³ Ленин В. И. // Полн. собр. соч.—Т. 50.—С. 83.

²⁴ См.: Ненароков А. П. Восточный фронт 1918.—С. 61, 63.

²⁵ См.: Там же.—С. 113.

- ²⁶ Декреты Советской власти.—Т. 2.—М.: 1959.—С. 408—411.
- ²⁷ См.: Зимин Я. Документы Главного командования Красной Армии // Военно-исторический журнал.—1970.—№ 6.—С. 81; Мальцев Н. А. Коммунистическая партия—организатор и руководитель Военных Советов Вооруженных Сил СССР. 1918—июнь 1941 г.—М.: 1980.—С. 64.
- ²⁸ См.: Кляцкин С. М. Указ. соч.—С. 207—209; Попов П. П., Буранов Ю. А., Шакинко И. М. По приказу революции (17-й Уральский полк).—Свердловск, 1966.
- ²⁹ Цит. по: Ненароков А. П. Восточный фронт 1918.—С. 71—72.
- ³⁰ См.: Директивы Главного командования Красной Армии.—С. 99—100; 100—101; 103—104; 104—105.
- ³¹ См. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника.—Т. 5.—С. 543.
- ³² См.: Ненароков А. П. Восточный фронт 1918.—С. 74—75.
- ³³ ЦГАОР, ф. 1029, оп. 1, ед. хр. 15, л. 121.
- ³⁴ См.: Мальцев Н. А. Указ. соч.—С. 68.
- ³⁵ См.: Декреты Советской власти.—Т. 2.—С. 429—430.
- ³⁶ См.: В. И. Ленин и ВЧК.—С. 85.
- ³⁷ Ленин В. И. // Полн. собр. соч.—Т. 50.—С. 116.
- ³⁸ См.: Декреты Советской власти.—Т. 3.—М.: 1964.—С. 9—10.
- ³⁹ См.: Ненароков А. П. Восточный фронт 1918.—С. 111—112.
- ⁴⁰ См.: Ленин В. И. // Полн. собр. соч.—Т. 50.—С. 125—125; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника.—Т. 5.—С. 640, 644, 650, 654.
- ⁴¹ См.: Липицкий С. В. Ленинское руководство обороной страны. Создание и деятельность высших органов руководства обороной Советской республики. 1917—1920.—М.: Политиздат, 1979.—С. 89—90.
- ⁴² Переписка секретариата ЦК РСДРП(б)—РКП(б) с местными партийными организациями. (Март—июль 1918 г.). Сб. док.—Т. 3.—М.: 1967.—С. 128.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Аникеев В. В. Деятельность ЦК РСДРП(б)—РКП(б) в 1917—1918 годах. Хроника событий.—М.: Мысль, 1974.—С. 349.
- ⁴⁵ Ленин В. И. // Полн. собр. соч.—Т. 50.—С. 146.
- ⁴⁶ Липицкий С. В. Указ. соч.—С. 95—96.
- ⁴⁷ См.: Ленин В. И. // Полн. собр. соч.—Т. 50.—С. 133.
- ⁴⁸ См.: Ленин В. И. // Полн. собр. соч.—Т. 50.—С. 133, 164; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника.—Т. 6.—М.: 1975.—С. 59—60, 124, 209.
- ⁴⁹ См.: Ленин В. И. // Полн. собр. соч.—Т. 50.—С. 255; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника.—Т. 6.—С. 40, 57, 202, 246;—Т. 7.—М.: 1976.—С. 181;—Т. 8.—М.: 1977.—С. 130.
- ⁵⁰ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника.—Т. 7.—С. 273, 289—290, 499, 613;—Т. 8.—С. 29, 97, 134, 201.
- ⁵¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5-и томах.—Т. 3.—М.: Политиздат, 1979.—С. 448.
- ⁵² Гражданская война в СССР.—Т. I.—С. 183.
- ⁵³ Дубленных В. В. Рождение первых дивизий РККА на Урале // Победа

Октябрьской революции и гражданская война на Урале / Тезисы докладов 2-й секции научной конференции «Октябрь на Урале: история и современность». 22—24 сентября 1987 г.—Свердловск, 1987.—С. 74.

⁵⁴ См.: Приложение 1.

⁵⁵ См.: Ленинский сборник XXI.—М.: 1933.—С. 134.

⁵⁶ См.: Ленин В. И. // Полн. собр. соч.—Т. 50.—С. 121, 167, 171—172.

⁵⁷ См.: Волжская военная флотилия в борьбе за власть Советов. (1918—1919): Сб. док.—Горький, 1979.—С. 9.

⁵⁸ См.: Кладт А. П. О некоторых новых фактах...—С. 86—92.

⁵⁹ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника.—Т. 6.—С. 57.

⁶⁰ Там же.—С. 113.

⁶¹ См.: Там же.—С. 123.

⁶² Ленин В. И. // Полн. собр. соч.—Т. 50.—С. 178.

⁶³ См.: Там же.—Т. 37.—С. 86.

⁶⁴ См.: Там же.—С. 96.

⁶⁵ См.: Ленин В. И. // Полн. собр. соч.—Т. 37.—С. 95; —Т. 50.—С. 197; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника.—Т. 6.—С. 202 и др.

⁶⁶ Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920).—С. 287.

⁶⁷ Ленин В. И. // Полн. собр. соч.—Т. 50.—С. 220.

⁶⁸ Там же.—С. 221.

⁶⁹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника.—Т. 6.—С. 339. Бакунин А. В. без ссылки на источник называет дату заседания Совета Обороны 8 декабря 1918 г. (См.: Бакунин А. В. Указ. соч.—С. 91).

⁷⁰ Ленин В. И. // Полн. собр. соч.—Т. 50.—С. 378.

⁷¹ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника.—Т. 6.—С. 339.

⁷² Там же.—С. 369.

⁷³ См.: Ленин В. И. // Полн. собр. соч.—Т. 50.—С. 466.

⁷⁴ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника.—Т. 6.—С. 371.

⁷⁵ См.: Ленин В. И. // Полн. собр. соч.—Т. 50.—С. 466.

⁷⁶ См.: Скробов В. С. Проблемы военной деятельности Коммунистической партии на Урале (октябрь 1917 г.—1920 г.).—Свердловск, 1971.—С. 163—165.

⁷⁷ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника.—Т. 6.—С. 409, 422, 428—429, 450, 475, 497.

⁷⁸ См.: Там же.—С. 422.

⁷⁹ Подробнее см.: Куликов К. И. В боях за Советскую Удмуртию.—Ижевск: Удмуртия, 1982.

⁸⁰ Подсчитано по: Восьмой съезд РКП(б). Протоколы.—М.: 1959.

⁸¹ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника.—Т. 6.—С. 603.

⁸² Там же.

⁸³ Там же.—Т. 7.—С. 14.

⁸⁴ См.: Директивы Главного командования Красной Армии.—С. 163, 168.

⁸⁵ См.: Из истории гражданской войны в СССР.—Сб. док.—Т. 2.—М.: 1961.—С. 19.

- ⁸⁶ Цит. по: Эйхе Г. Х. Уфимская авантюра Колчака (март — апрель 1919 год).— М.: 1960.— С. 80.
- ⁸⁷ См.: Бобылев П. Указ. соч.; Дмитриев П. Использование стратегических резервов Красной Армии в весенней кампании 1919 года // Военно-исторический журнал.— 1976.— № 9.
- ⁸⁸ Бобылев П. Указ. соч.— С. 75.
- ⁸⁹ См.: Из истории гражданской войны в СССР.— Т. 2.— С. 41.
- ⁹⁰ Подробнее см.: Липицкий С. В. Указ. соч.— С. 175—195.
- ⁹¹ См.: Ленин В. И. // Полн. собр. соч.— Т. 38.— С. 247—248.
- ⁹² Ленин В. И. // Полн. собр. соч.— Т. 38.— С. 268.
- ⁹³ См.: Декреты Советской власти.— Т. 5.— М.: 1971.— С. 63.
- ⁹⁴ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника.— Т. 7.— С. 71.
- ⁹⁵ См.: Ленин В. И. // Полн. собр. соч.— Т. 38.— С. 271—274.
- ⁹⁶ Там же.— С. 271.
- ⁹⁷ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника.— Т. 7.— С. 73.
- ⁹⁸ См.: Кузьмин Н. Ф. В. И. Ленин во главе обороны Советской страны (1918—1920 гг.)— М.: Воениздат, 1958.— С. 158—159.
- ⁹⁹ Ленин В. И. // Полн. собр. соч.— Т. 50.— С. 328.
- ¹⁰⁰ Там же.
- ¹⁰¹ Партийно-политическая работа в Красной Армии (март 1919—1920 гг.). Док-ты.— Т. 2.— М.: 1964.— С. 189.
- ¹⁰² См.: Ленин В. И. // Полн. собр. соч.— Т. 50.— С. 486—Прим. 374.
- ¹⁰³ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника.— Т. 7.— С. 181.
- ¹⁰⁴ См.: Ленин В. И. // Полн. собр. соч.— Т. 50.— С. 316, 486.— Прим. 374; Каменев С. С. Воспоминания о В. И. Ленине // Воспоминания о В. И. Ленине.— Т. 3.— М.: Политиздат, 1969.— С. 465—466.
- ¹⁰⁵ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника.— Т. 7.— С. 100.
- ¹⁰⁶ Ленин В. И.— Полн. собр. соч.— Т. 50.— С. 310; В кн. Ю. И. Кораблева (В. И. Ленин и защита завоеваний Великого Октября.— Изд. 2-е, перераб. и доп.— М.: Наука, 1979.— С. 511) М. Ф. Фрунзе назван командующим Восточным фронтом. Он стал им только 19 мая 1919 г.
- ¹⁰⁷ М. В. Фрунзе. Избранные произведения.— Т. I.— М.: 1957.— С. 205—206.
- ¹⁰⁸ См.: Ленин В. И. // Полн. собр. соч.— Т. 50.— С. 351.
- ¹⁰⁹ Пропаганда ленинского идейно-теоретического наследия в Вооруженных Силах СССР.— М.: ВПА, 1985.— С. 75.
- ¹¹⁰ Ленин В. И. // Полн. собр. соч.— Т. 50.— С. 336.
- ¹¹¹ См.: Куликов К. И. Указ. соч.— С. 241.
- ¹¹² Ленин В. И. // Полн. собр. соч.— Т. 50.— С. 337.
- ¹¹³ В кн. Куликова К. И. (см.: Указ. соч.— С. 241) С. И. Гусев назван членом Реввоенсовета Республики. Он стал им только по решению состоявшегося 15 июня 1919 г. Пленума ЦК РКП(б).
- ¹¹⁴ Ленин В. И. // Полн. собр. соч.— Т. 50.— С. 342.
- ¹¹⁵ Рябухин Е. И. В борьбе с контрреволюцией.— Киров, 1959.— С. 130.
- ¹¹⁶ См.: История Урала. В 2-х томах. Изд. 2-е.— Т. 2. Период социализма.— Пермь, 1977.— С. 123.

- 117 Куликов К. И. Указ. соч.— С. 243, 244.
- 118 См.: Ленин В. И. // Полн. собр. соч.— Т. 50.— С. 345
- 119 Там же.— С. 352.
- 120 См.: Агеев А. М. Героическая оборона Уральска в 1919 году // Военно-исторический журнал.— 1987.— № 6.— С. 72.
- 121 См.: Ленин В. И. // Полн. собр. соч.— Т. 51.— С. 3—4.
- 122 Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника.— Т. 7.— С. 339—340.
- 123 Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.).— Сб. док. в 4-х т.— Т. 2. Март 1919—апрель 1920 г.— М.: 1972.— С. 686
- 124 См.: Директивы Главного командования Красной Армии.— С. 342—343.
- 125 См.: Из истории гражданской войны в СССР.— Т. 2—С. 205.
- 126 Накануне В. И. Ленин сообщил, что фронту будут отправлены 10 тысяч винтовок (см.: Ленин В. И. // Полн. собр. соч.— Т. 50.— С. 336), а также предложил членам РВС «налесть из всех сил на сбор винтовок у населения». (Там же.— С. 342).
- 127 Ленин В. И. // Полн. собр. соч.— Т. 50.— С. 343—344.
- 128 См.: Директивы Главного командования Красной Армии.— С. 333.
- 129 Там же.— С. 584.
- 130 Дмитриев П. Н. Восточный фронт — источник стратегических резервов Красной Армии // Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917—1922 гг.— С. 114.
- 131 См.: Ленин В. И. // Полн. собр. соч.— Т. 50.— С. 355.
- 132 Директивы Главного командования Красной Армии.— С. 344.
- 133 См.: Кляцкин С. М. Указ. соч.— С. 418.
- 134 Ленин В. И. // Полн. собр. соч.— Т. 39.— С. 44.
- 135 Липицкий С. В. Указ. соч.— С. 215.
- 136 См.: Кляцкин С. М. Указ. соч.— С. 418.
- 137 Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника.— Т. 7.— С. 350.
- 138 Там же.— С. 364.
- 139 См.: В. И. Ленин и ВЧК: Сб. док.— С. 226, 236.
- 140 См.: Там же.— Прим. 1 к док. 214.— С. 237.
- 141 Ленин В. И. // Полн. собр. соч.— Т. 51.— С. 3.
- 142 Там же.— С. 15, 18.
- 143 Козлов М. М. Вклад М. В. Фрунзе в развитие советского военного искусства // Военная мысль.— 1985.— № 2.— С. 44.
- 144 Петров Ю. П. Строительство политорганов, партийных и комсомольских организаций армии и флота (1918—1969 гг.).— М.: Воениздат, 1963.— С. 83.
- 145 Дмитриев П. Н. Восточный фронт...— С. 114.
- 146 См.: Ленин В. И. // Полн. собр. соч.— Т. 51.— С. 330—331.
- 147 Там же.— Т. 39.— С. 151—159.
- 148 Там же.— Т. 51.— С. 51.
- 149 Там же.— С. 49—50.
- 150 Приказом РВСР № 350 от 19 декабря 1919 г. «За разгром армий Колчака и овладение Западной Сибирью» В. А. Ольдерогге был награжден

орденом Красного Знамени. (см.: Кавтарадзе А. Г. Хроника, факты, находки// Военно-исторический журнал.— 1981.— № 7.— С. 88—89).

¹⁵¹ Ленин В. И. // Полн. собр. соч.— Т. 51.— С. 53.

¹⁵² Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника.— Т. 7.— С. 575.

¹⁵³ См.: Ленин В. И. // Полн. собр. соч.— Т. 51.— С. 388.

¹⁵⁴ См.: Там же.— С. 61—62.

¹⁵⁵ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника.— Т. 7.— С. 619.

¹⁵⁶ См.: Там же.— Т. 8.— С. 29.

¹⁵⁷ Молоков И. Е. Указ. соч.— С. 17.

¹⁵⁸ Там же.— С. 16.

¹⁵⁹ Ленин В. И. // Полн. собр. соч.— Т. 51.— С. 92.

¹⁶⁰ Там же.— С. 137.

¹⁶¹ См.: Директивы Главного командования Красной Армии.— С. 598, 600.

¹⁶² См.: Там же.— С. 597—598.

¹⁶³ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника.— Т. 8.— С. 215.

¹⁶⁴ Директивы Главного командования Красной Армии.— С. 597—598.

¹⁶⁵ Ленин В. И. // Полн. собр. соч.— Т. 40.— С. 240.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Дата	Восточный фронт Красной Армии	Белогвардейские войска	Соотношение сил
Конец июля 1918 (к началу августовского наступления Восточного фронта 3—25 августа)	42 000 штыков 1500 сабель ок. 110 орудий ок. 700 пулеметов 19 пароходов	42 000 10 500 150—190 580—630 16—20 1).	1:1 1:7 1:1,3—1:1,7 1,2:1—1,1:1 1,2:1—1,1:1
К 5 сентября 1918 (к началу наступления Восточного фронта сент. 1918—февр 1919)	75 000 шт. и саб. 264 орудия 1130 пулеметов 7 бронепоездов 31 самолет 12 броневомобилей	70 000 шт. и саб. 165—220 590—720 4—5 6—8 2).	1,1:1 1,6:1—1,2:1 1,9:1—1,6:1 1,8:1—1,4:1 5,1:1—3,9:1
К 1 декабря 1918	76 820 штыков 10 030 сабель 376 орудий 1717 пулеметов 3).	100 302 18 360 110 291 4).	1:1,3 1:1,8 3,4:1 5,9:1
К 15 февраля 1919	84 970 шт. и саб. 5).	143 290 6).	1:1,7

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРИЛОЖЕНИЯ 1

Дата	Восточный фронт Красной Армии	Белогвардейские войска	Соотношение сил
Начало марта 1919 (к контрнаступле- нию Восточного фронта 28 апреля— 20 июня)	94800 штыков 9000 сабель 362 орудия 1882 пулемета 9 бронепоездов	91 000 26 000 210 1330 5 7).	1,1:1 1:2,1 1,7:1 1,4:1 1,8-:1
К 20 июня 1919 (к наступлению Восточ- ного фронта 21 ию- ня—7 января 1920)	130 000 шт. и саб. 500 орудий 2437 пулеметов 52 самолета 7 бронепоездов 28 бронеавтомо- билей	129 000 332 1230 15 7 12 8).	1:1 1,6:1 2:1 3,5:1 1:1 2,3:1
К середине октября 1919 (Петропавлов- ская операция 20 ав- густа—4 ноября)	55 000 штыков 6000 сабель 215 орудий 1091 пулемет	57 000 ок. 10 000 239 766 9).	1:1,1 1:1,7 1:1,1 1,4:1
К 1 ноября 1919 (Омская операция 4—16 ноября)	91 402 штыков 7296 сабель 304 орудия 1211 пулеметов 10).	36 600 17 100 126 908 11).	2,5:1 1:2,3 2,4:1 1,3:1

ПЕРЕЧЕНЬ ССЫЛОК

- 1). Гражданская война и иностранная военная интервенция. Энциклопедия.— М.: Энциклопедия, 1987.— С. 18.
- 2). Там же.— С. 381, 383.
- 3). Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920): Сб. док.— М.: 1969.— Док. № 13.
- 4). Там же.— Док. № 165.
- 5). Там же.— С. 60—61.
- 6). Там же.— Док. № 168.
- 7). Гражданская война и иностранная военная интервенция.— С. 285, 287.
- 8). Там же.— С. 383, 385.
- 9). Там же.— С. 461.
- 10). Директивы Главного командования Красной Армии.— Док. № 26.
- 11). Там же.— Док. № 175.

Дмитриев П. Н.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ИЖЕВСКО-ВОТКИНСКОМ РАЙОНЕ ВЕСНОЙ — ЛЕТОМ 1918 ГОДА

В советской историографии нет специальных работ, посвященных анализу процесса классовой борьбы в один из наиболее трудных и драматических периодов борьбы за Советскую власть в этом крупном аграрно-промышленном районе Приуралья.

Цель настоящей статьи — хотя бы отчасти восполнить существующий пробел в изучении указанной проблемы. Это тем более важно, что освещение данного вопроса позволяет не только глубже осмыслить особенности и закономерности процесса политической борьбы местных большевиков и их классовых противников (что безусловно само по себе существенно), но и полнее понять своеобразие хода первых социалистических преобразований и гражданской войны в Удмуртии.

Весной 1918 г. обстановка в стране резко ухудшилась. Советская Россия вынуждена была подписать навязанный ей германским империализмом «...наитягчайший, унижительный» Брестский мир¹. Интервенты и белогвардейцы захватили важнейшие аграрно-промышленные районы Советской республики, отрезав ее от основных сырьевых, топливных и продовольственных ресурсов. В кризисном состоянии находилось сельское хозяйство, в городах царил разруха и голод.

Ижевско-Воткинский район не был исключением. В конце мая 1918 г. председатель исполкома Ижевского Совета большевик И. Д. Пастухов сообщал в Уральский областной Совет о том, что в городе господствует «...продовольственная разруха и разруха вообще»². Усилились перебои в снабжении населения продовольствием и в Воткинске³. Одновременно росла безработица. В начале апреля—мае 1918 г. в Воткинске насчитывалось до 700, а в Ижевске более 7 тыс. только зарегистрированных безработных⁴.

Постоянно снижалась реальная заработная плата рабочих. В Ижевске весной 1918 г. среднемесячный заработок рабочего составлял лишь 40% от уровня 1913 г.⁵. Отрицательное воздейст-

вие материальных осложнений на отсталые элементы рабочего класса усиливалось прогрессирующим ухудшением качественного состава рабочих на Ижевском и Воткинском заводах. К лету 1918 г. более 8 тыс. революционных пролетариев покинули заводские коллективы. Одни были отозваны на партийную и советскую работу и не только в Ижевске и Воткинске, но и в другие населенные пункты Вятской губернии. Другие в составе красноармейских отрядов и боевых дружин ушли на фронт, а наиболее многочисленная группа иногородних рабочих вернулась в родные места. В этих условиях на заводах стали преобладать рабочие, зараженные мелкобуржуазной психологией: недавние выходцы из непролетарских слоев деревни и коренные ижевцы и воткинцы. Отличительной особенностью большинства последних являлось наличие собственных (преимущественно небольших) домов, коров, мелкого скота и птицы, а также лесных участков, сенокосов и выгонов, общей площадью в 3—6 дес. на двор⁶.

Взросшие трудности повлекли за собой негативные изменения в настроениях отсталых рабочих. Под их влиянием до крайности обострилась борьба между большевиками и мелкобуржуазными организациями максималистов, правых эсеров и меньшевиков.

Какова была численность местных организаций большевиков и их мелкобуржуазных противников, их социальная база и, что особенно важно, среди каких слоев рабочих каждая из них пользовалась преимущественным влиянием?

Большевики. К концу мая 1918 г. в Ижевской организации было около 400 чел.⁷. Гораздо сложнее оказалось определить численность воткинских коммунистов. Существующие источники позволили установить лишь совместную численность воткинской и яранской уездной парторганизаций. К августу 1918 г. в их рядах насчитывалось 130—150 чел.⁸. Большинство из них были членами более крупной воткинской организации.

Воткинская и ижевская организации большевиков почти полностью состояли из заводских рабочих⁹. О том, какие слои рабочих служили опорой большевиков, мы можем судить на основании данных о 16 руководителях и активистах ижевской организации РКП(б). 9 из них были станочниками (токарями и фрезеровщиками), 3 — слесарями, 1 — котельщиком, 1 — формовщиком, 1 — машинистом и 1 — столяром¹⁰. Другими словами, большинство из них принадлежали к рабочим-металлистам массовых квалифицированных профессий. Именно среди этой категории рабочих большевики весной—летом 1918 г. пользовались наибольшим влиянием и поддержкой в борьбе с мелкобуржуазными группировками. А борьба эта была трудной. Особенности социально-классового состава населения в Ижевско-Воткинском

районе: зараженность основной массы местных рабочих мелко-буржуазными иллюзиями, наличие в деревне большого слоя колеблющихся в политике средних крестьян от 26 до 40% всех крестьянских хозяйств в сочетании с высоким удельным весом кулацко-зажиточной верхушки в деревне — обусловили многочисленность и влияние организаций организаций максималистов, правых эсеров и меньшевиков.

Максималисты. Весной и летом 1918 г. максималисты имели в Ижевске и Воткинске сравнительно крупные организации и представляли значительную силу. Особенно большой была их численность в Ижевске. Только в отрядах местной Красной Гвардии, которые на 4/5 состояли из максималистов, насчитывалось в марте—апреле 1918 г. 700 чел.¹¹.

«Ультрареволюционные» лозунги максималистов завоевали им симпатии среди радикально настроенной части городской мелкой буржуазии, деклассированных элементов¹². Разочарование в соглашательской политике правых эсеров и меньшевиков привело в ряды максималистов большое количество рабочих, недавно пришедших из деревни¹³, часть квалифицированных рабочих Ижевского и Воткинского заводов. Типичным примером служит потомственный ижевский рабочий-токарь Ф. Ф. Кокоулин, который с 1917 г. возглавлял организацию ижевских максималистов. Рабочим Ижевского завода был эсер с 1905 г. максималист с 1917 г. П. А. Красноперов. В 1918 г. он возглавлял Сарапульский уисполком¹⁴. С их судьбами схожи жизненные пути многих рабочих, которые в 1917—1918 гг. были максималистами. Недостаточно высокий уровень классового сознания и отсутствие революционного опыта не позволили им подняться до понимания и поддержки политики большевиков.

Если в период осуществления Октябрьской революции максималисты в целом поддерживали большевиков, то с начала 1918 г. положение резко изменилось. Неприятие большевистской программы строительства нового общества, недовольство тяжелыми условиями Брестского мира привели к тому, что действия максималистов приобретают ярко выраженный антисоветский характер. Они вылились в апреле в Ижевске в антисоветский мятеж¹⁵. Готовились выступить против Советской власти с оружием в руках максималисты и в Воткинске. Решительные действия местных большевиков сорвали их замысел. Контрреволюционные выступления были подавлены. Но они до предела накалили отношения большевиков и максималистов.

Антисоветские действия максималистов ослабили их позиции на заводах. Однако им удалось сохранить значительную часть сторонников среди рабочих. В конце мая 1918 г. руководитель ижевских большевиков И. Д. Пастухов сообщал в Уральский об-

ластной Совет, что наблюдается «конкуренция... партии коммунистов (большевиков) и максималистов»¹⁶.

В мае—июне 1918 г. максималисты по-прежнему враждебно относились к большевикам, вели антисоветскую пропаганду¹⁷. Только в июле ухудшение обстановки на фронте, активизация местных правых эсеров и меньшевиков заставили руководителей максималистов на время забыть разногласия и выступить вместе с большевиками на защиту революционных завоеваний.

Противоречивая колеблющаяся политика максималистов объективно усиливала позиции правых эсеров и меньшевиков в борьбе с большевиками.

Правые эсеры и меньшевики. Многочисленными были эсеро-меньшевистские организации в Ижевске и Воткинске. В Воткинске накануне Октябрьской революции насчитывалось 900 эсеров и 1200 меньшевиков¹⁸. Численность ижевских меньшевиков к осени 1917 г. составляла 300 чел.¹⁹ В Ижевской организации правых эсеров, по сведениям отчетной карточки, представленной в ЦК этой партии к 1 мая 1918 г. числилось 534 чел.²⁰. Это была большая сила.

Правые эсеры и меньшевики пользовались влиянием не только среди зажиточного крестьянства, городской мелкой буржуазии и интеллигенции, но и среди части рабочих Ижевского и Воткинского заводов.

Какие же именно слои и группы в составе рабочих этих заводов служили опорой эсеров и меньшевиков? У нас нет данных о социальном составе местных организаций этих партий полностью, но мы располагаем сведениями о их руководящем ядре и некоторых активистах. Из 8 видных ижевских правых эсеров 5 чел. были рабочими, из них 2 — мастерами, 1 — машинистом парового отдела, 1 — установщиком, 1 — счетчиком. Все они принадлежали к числу наиболее высокооплачиваемых и высококвалифицированных рабочих. 3 чел. были заводскими служащими²¹. Из 10 руководителей и активистов ижевской организации меньшевиков 6 чел. были кадровыми рабочими, 2 — заводскими служащими, 2 — интеллигентами²². Наконец, из 7 членов руководства воткинской меньшевистской организации весной и летом 1918 г. 2 были интеллигентами, а 5 чел. — высококвалифицированными рабочими. Производственный стаж большинства из них исчислялся не одним десятилетием работы на заводе²³. Таким образом, правые эсеры и меньшевики опирались в рабочей среде, прежде всего, на привилегированную и высокооплачиваемую часть рабочих: рабочую аристократию, которую В. И. Ленин характеризовал как «полумещанскую, оппортунистическую», как «агентов буржуазии внутри рабочего движения»²⁴. Этот слой рабочих поставлял командные кадры и актив для местных правозерсовских и мень-

шевистских организаций, действовавших среди рабочих Ижевского и Воткинского заводов, поставлял тех вождей оппортунистического направления, которые, по словам Ленина, «на девяносто девять сотых являются представителями буржуазии, ее обмана, ее предрассудков»²⁵. Основную массу рядовых членов и беспартийных сторонников правые эсеры и меньшевики вербовали из отсталой части рабочих — уроженцев Ижевска и Воткинского и неквалифицированных рабочих, пришедших на заводы из деревни в годы империалистической войны. Среди них было много невежественных темных людей, а также известное число выходцев из кулацко-зажиточной части деревни²⁶.

Характеризуя антисоветскую деятельность меньшевиков и правых эсеров, В. И. Ленин писал весной 1918 г., что «...и меньшевики и правые эсеры ведут себя у нас, как наиболее подвижные, иногда даже как наиболее наглые, деятели контрреволюции, ведя против Советской власти борьбу гораздо более резко, чем они позволяли себе вести ее против реакционных и помещичьих правительств, и полагаясь на защиту ярлыком или названием своей партии»²⁷. Так было и в Ижевско-Воткинском районе, где в 1918 г. правые эсеры и меньшевики возглавили реакционные силы, выступившие против Советской власти.

Весной 1918 г. правые эсеры, меньшевики и другие мелкобуржуазные группировки в Ижевске и Воткинске, используя осложнившуюся обстановку, активизировали контрреволюционную деятельность. Уже тогда правым эсерам и меньшевикам удалось значительно укрепить позиции в Ижевском и Воткинском Советах. Если в конце февраля 1918 г. меньшевики имели в Ижевском Совете лишь 4—5 мест, а правые эсеры — ни одного²⁸, то в конце мая меньшевики располагали 23, а правые эсеры 22 мандатами из 193²⁹. Усилилось влияние фракций мелкобуржуазных партий и в Воткинском Совете. Об этом говорит, в частности, случай, который произошел на заседании Совета 9 марта 1918 г. При обсуждении вопроса о праздновании годовщины Февральской буржуазно-демократической революции большевикам, писал в губисполком один из их руководителей, председатель исполкома Ф. А. Баклушин, с большим трудом удалось отклонить предложение правых эсеров и меньшевиков, об устройстве праздничных торжеств, манифестаций, митингов в поддержку лозунга «Вся власть Учредительному Собранию». Примечательно, что Ф. А. Баклушин объединил меньшевиков и правых эсеров термином «правое течение»³⁰. Единым фронтом выступили против большевиков правые эсеры и меньшевики и в Ижевском Совете. Они проводили совместные заседания, вырабатывали общие проекты резолюций по наиболее важным вопросам и т. д.³¹.

Тактика единых действий усиливала позиции мелкобуржуаз-

ной контрреволюции в борьбе с большевиками. Если ижевские большевики в конце мая 1918 г. имели в Совете 47 мест, то правые эсеры и меньшевики — 45³². Опираясь на поддержку беспартийных сторонников, они получили реальную возможность противодействовать проведению в жизнь декретов советского правительства. Неслучайно представитель Ижевска рабочих Бычихин, выступая на 2-м губернском съезде Советов в апреле 1918 г., отмечал, что с увеличением представительства правых эсеров и меньшевиков в местном Совете саботаж усилился³³.

В конце мая 1918 г. должны были состояться очередные выборы в Ижевский Совет. Готовясь к ним, правые эсеры и меньшевики повели бешеную антисоветскую агитацию среди рабочих. Смыкались с ними в нападках на Советскую власть максималисты и анархисты. Руководители ижевских большевиков И. Д. Пастухов и Ф. В. Фокин сообщали в ЦК РКП(б) 25 мая 1918 г. о том, что под влиянием этой агитации усилился отход рабочих от большевиков³⁴. Недовольство рабочих перебоями в снабжении продовольствием и товарами первой необходимости, растущей безработицей умело подогревалось эсерами и меньшевиками клеветническими обвинениями большевиков в пособничестве бесчинствам максималистов. Им удалось склонить на свою сторону часть рабочих. Многие рабочие заняли выжидательную позицию и не приняли участия в выборах. По сведениям заместителя председателя Ижевского исполкома большевика С. И. Холмогорова, голосовало «...не более 20% всего числа рабочих»³⁵. Максималисты бойкотировали выборы. Их позиция помогла правым эсерам и меньшевикам укрепить свое положение в Совете. Большевики потерпели серьезное поражение, потеряв 25 мест из 47³⁶. Большинство членов Совета нового состава оказались беспартийными, занимавшими в политике примиренческие позиции.

27 мая 1918 г. на первом заседании Совета обсуждался лишь один вопрос: о признании либо республики Советов, либо буржуазно-демократической республики. Большевики предложили Совету: 1) признать единственной формой правления Федеративную рабоче-крестьянскую республику Советов; 2) признать Советы РС и КД как верховные революционные органы власти на местах; 3) признать власть Совета Народных Комиссаров как исполнительную центральную власть и ЦИК, выделенный 2-м Всероссийским съездом Советов, как законодательную центральную власть³⁷.

В резолюции, выдвинутой фракциями правых эсеров и меньшевиков, они потребовали отказа Советов рабочих депутатов от власти, отставки Совнаркома, передачи власти Учредительному Собранию, восстановления городского буржуазного самоуправления.

ния. Это были меры, направленные на реставрацию буржуазного строя.

Исход борьбы между большевиками и эсеро-меньшевистским блоком должна была решить позиция беспартийного большинства. Они одобрили 1 и 2 пункты большевистской резолюции. Однако, под очевидным влиянием эсеро-меньшевистского тезиса о так называемом «комиссародержавии» беспартийные делегаты в то же время заявили, что власть Совнаркома признается ими постольку, поскольку она выполняет «народную волю, т. е. постановления ЦИК..., а не единоличную волю какого-либо комиссара»³⁸. Такую колеблющуюся позицию беспартийные делегаты смогли отстаивать лишь до начала голосования. И в момент, когда логика классовой борьбы потребовала от них встать на сторону большевиков или соглашателей, среди этих людей произошел раскол. За Учредительное Собрание высказались 70, а за Советы — 64 члена Совета. Сразу же после объявления утром 28 мая результатов голосования, большевики заявили, что они выходят из состава Совета и будут бороться с ним «всеми имеющимися в их распоряжении средствами». После недолгих колебаний покинула зал собрания часть беспартийных депутатов и анархистов³⁹. 28 мая вопрос о власти обсуждался рабочими на заводе. 15 мастерских поддержали большевиков и высказались за Советы, а 14 — за Учредительное Собрание⁴⁰. Заметим, что в этих мастерских учредилловцы победили с небольшим перевесом⁴¹. Результаты обсуждения вопроса о власти в Совете и на заводе показали, что позиции правых эсеров и меньшевиков не так уж прочны.

В этих условиях контрреволюция предпочла отступить. Собрание правых депутатов Совета 31 мая приняло решение о самороспуске и передаче власти старому составу исполкома⁴². Повторные выборы в Совет в Ижевске состоялись в июне. Они вновь проходили без участия максималистов. Абсолютное большинство избранных в Совет оказались беспартийными, но теперь среди них преобладали сторонники правых эсеров и меньшевиков. Председателем исполкома стал лидер эсеров В. И. Бузанов, его заместителем — меньшевик П. Михайлов⁴³. К 17 июня 1918 г. победой меньшевиков и правых эсеров завершились перевыборы в Совет в Воткинске. Большевики вышли из правого Совета. Старый состав исполкома, возглавляемый ими, отказался сдать дела правым эсерам и меньшевикам⁴⁴.

Усилилось влияние меньшевиков и правых эсеров в местных профсоюзах металлистов. В мае 1918 г. секретарем правления ижевского союза был избран правый эсер В. Н. Зимин. 9 июня 1918 г. в Воткинске исполком закрыл эсеро-меньшевистскую газету «За народ», которая призывала к свержению Советской

власти. Два наиболее активных ее сотрудника были арестованы. Против них имелись улики, которые свидетельствовали о их антисоветской деятельности. Но меньшевики и правые эсеры взяли арестованных под свою защиту. В тот же день на заседании правления воткинского профсоюза металлистов они протасили резолюцию с протестом «против насилий над личностью и социалистической печатью»⁴⁵. Упрочили свои позиции правые эсеры и меньшевики и в таких массовых организациях, как рабочие кооперативы. 10 июня 1918 г. на общем собрании членов ижевского общества потребителей происходили выборы представителя от кооператива в местный Совет. Избран был меньшевик А. И. Сосулин, а его заместителем будущий председатель белогвардейской управы в Ижевске М. К. Данилов⁴⁶.

Итоги политической борьбы в Ижевске и Воткинске весной — летом 1918 г. свидетельствовали о том, что в настроениях большинства рабочих произошел сдвиг вправо. Причины его заключались прежде всего в ухудшении их материального и продовольственного положения, в усилении антисоветской деятельности правых эсеров, меньшевиков и анархо-максималистов. Сдвиг выразился не только в том, что некоторое число недостаточно сознательных рабочих отошло от большевиков и поддержало меньшевиков и правых эсеров⁴⁷. Они представляли меньшую, политически активную часть заколебавшихся рабочих. Гораздо большим оказалось число рабочих, занявших выжидательную позицию, отказавшихся от участия в политической жизни. Они доминировали среди 80% ижевских рабочих, которые не приняли участия в майских выборах в Совет. Яркую характеристику настроений, охвативших таких рабочих, оставили представители штаба 2-й армии Восточного фронта Галкин, А. П. Кучкин, И. С. Чернядьев, приезжавшие в Ижевск и Воткинск в конце июля 1918 г. для набора добровольцев в армию. 25 июля 1918 г. они телеграфировали из Ижевска в штаб армии о том, что среди рабочих и населения господствует «настроение мещанское и обывательское, безучастность...», рассчитывать на большое количество добровольцев нельзя»⁴⁸. И в Воткинске, по словам А. П. Кучкина, добровольцев в Красную Армию записалось мало, несмотря на то, что на заводском митинге резолюции о поддержке Советской власти «прошли значительным большинством голов»⁴⁹.

Стремление многих рабочих Ижевска, Воткинска уклониться от участия в политических событиях в момент крайнего обострения классовой борьбы сближало их по особенностям психологии и поведения с распространенным социальным типом мещанина, характеризую который, В. И. Ленин указывал, что это люди, «которые более способны отстраниться от острой борьбы, пройти

мимо или даже спрятаться (как бы тут, в драке-то, не влетело!)»⁵⁰. Такими настроениями отсталых рабочих воспользовалась мелкобуржуазная контрреволюция, развернув активную подготовку антисоветского мятежа.

* * *

Как и в городе, развертывание социалистической революции в деревне привело к обострению классовой борьбы между беднотой и сельской буржуазией. Однако этот процесс в Удмуртии, в т. ч. в Ижевско-Воткинском районе, протекал неравномерно. Еще весной 1918 г. стали центрами организации местной бедноты Арзамасцевский и Черновский волостные Советы Сарапульского уезда. Они безоговорочно признавали Советскую власть. «Только эта власть,— подчеркивалось в резолюции Черновского Совета от 28 апреля 1918 г.,— нам дает землю и волю и закрепит отвоюванную свободу»⁵¹. Советы этих волостей повели беспощадную борьбу с кулаками. Так, Арзамасцевский волисполком 26 апреля 1918 г. принял решение конфисковать у них излишки хлеба и яровых семян. По мере обострения продовольственного положения бедноты он и позднее действовал также⁵².

Действия Арзамасцевского и Черновского волостных Советов свидетельствовали о растущей политической зрелости местной бедноты. Деревенская буржуазия оказала им отчаянное сопротивление. Кулаки Арзамасцевской волости, например, неоднократно перекрывали и уничтожали постановления волисполкома, направленные в сельские Советы, убивали советских работников. В мае 1918 г. толпой богатых мужиков дер. Гремячие Ключи был растерзан секретарь волисполкома А. П. Горбунов⁵³.

Более высокий, нежели в большинстве других волостей Удмуртии, уровень классового размежевания в крестьянстве Арзамасцевской и Черновской волостях весной 1918 г. был обусловлен особенностями социально-экономического развития деревни в Удмуртии.

При незначительности помещичьего землевладения, помещичьи усадьбы располагались гнездами в сравнительно немногих районах Удмуртии⁵⁴. К числу их принадлежали Черновская и Арзамасцевская волости⁵⁵. До Октябрьской революции крестьяне этих волостей особенно страдали от малоземелья. Получив от Советской власти земли окрестных помещиков, они быстрее, чем крестьяне тех мест, где не было помещичьего землевладения, поняли преимущества Советской власти.

Такие волости имелись и в других уездах⁵⁶. В них Советская власть имела весной и летом 1918 г. более прочную социальную опору, нежели в других районах Удмуртии. Однако таких волос-

тей было немного и не они определяли тогда облик деревни Удмуртии.

Усиление классовой борьбы в деревне на большей части территории Удмуртии относится к началу лета 1918 г. Во многих бедняцких хозяйствах кончался хлеб, беднякам нечего было есть и это усиливало остроту классовых противоречий.

В начале июня 1918 г. крестьянский съезд Ижевского района в резолюции по продовольственному вопросу указал, что необходимо произвести учет хлеба во всех хозяйствах и распределить обнаруженные излишки между нуждающимися крестьянами⁵⁷. Это постановление было направлено прежде всего против кулаков, имевших большие запасы хлеба. Принятие его свидетельствовало о том, что в крестьянстве назрело новое, более глубокое, чем прежде классовое деление.

Борьба между беднотой и кулачеством повсеместно разгоралась с новой силой. 30 июля 1918 г. на 2-й губернской партийной конференции представитель глазовской организации РКП(б), характеризуя обстановку в деревне, указывал, что борьба бедноты против кулачества «приняла резкие формы»⁵⁸. Многие неимущие крестьяне Глазовского, Сарапульского и других уездов приходили в советские органы с просьбами о принятии мер против кулачества, помогали продотрядам⁵⁹.

Однако растущая общественно-политическая активность беднейшего крестьянства ограничивалась его неорганизованностью. Кулаки пользовались этим и верховодили во многих сельских Советах. 22 июля агитационно-вербовочный отдел уездного Сарапульского военкомата сообщал в губвоенкомат о том, что «...во многих местах волостные исполкомы состоят сплошь из нежелательных для нас элементов»⁶⁰.

Стремясь разобщить бедноту, кулачество использовало экономическое и политическое давление, террор. В селе Петропавловском Сарапульского уезда, например, в июле 1918 г. после неудавшейся попытки бедноты взять власть в местном Совете в свои руки, кулаки убили пять бедняков-активистов⁶¹.

Развитие классовой борьбы в деревне летом 1918 г. делало необходимым создание классовых организаций сельского пролетариата и полупролетариата для более эффективной борьбы с сельской буржуазией. 11 июня 1918 г. ВЦИК принял декрет о создании таких организаций — комитетов деревенской бедноты.

Кулаки оказали бешеное сопротивление созданию комбедов. Засилье кулаков и подкулачников в сельских Советах Удмуртии позволило им во многих случаях отклонять декрет об организации комитетов бедноты. Нецелесообразным признали, например, создание комбедов в июле 1918 г. Петропавловский и Галановский волостные Советы Сарапульского уезда⁶². Неудача не сло-

мила бедноту. С помощью сарапульских коммунистов ей удалось к концу июля создать в Петропавловской волости несколько комбедов⁶³.

В июле — начале августа комитеты бедноты были организованы и в отдельных волостях других уездов Удмуртии⁶⁴. Однако их было мало. Выступая 12 июля 1918 г. на заседании Вятского губпродкома, инструктор по Малмыжскому уезду, например, говорил, что в уезде из-за сильного противодействия деревенских богатеев «декрет об организации деревенской бедноты нигде почти не проведен»⁶⁵.

Массовое создание комбедов летом 1918 г. до возникновения эсеров-меньшевистского мятежа в Ижевско-Воткинском районе оказалось невозможным не только из-за сопротивления кулачества, но и по другим причинам. Среди важнейших из них следует выделить прежде всего нерешенность к лету 1918 г. остройшей проблемы малоземелья, от которого страдало трудовое крестьянство Удмуртии, особенно его беднейшие слои. На степени организованности крестьянской бедноты отрицательно сказались и более замедленные по сравнению с русским крестьянством темпы социально-политической дифференциации крестьян-удмуртов.

Важной причиной была слабость местных большевистских организаций. Они делали пока лишь первые шаги в организационном оформлении своего влияния среди трудящегося крестьянства. К началу августа 1918 г. в Удмуртии было лишь несколько сельских ячеек РКП(б)⁶⁶. Городские и уездные парторганизации испытывали остройшую нужду в подготовленных пропагандистах и агитаторах, особенно для работы среди удмуртского крестьянства, т. к. коммунистов-удмуртов было еще мало⁶⁷. Поэтому агитация среди сельского населения была нерегулярной. Председатель Ижевского комитета РКП(б) сообщал, например, в конце мая 1918 г. в Уральский областной Совет о том, что партийная пропаганда среди городского и сельского населения «ведется по мере возможности»⁶⁸. Такое же положение сложилось в тот период и в других городских и уездных организациях РКП(б) Удмуртии⁶⁹.

Интенсивность и регулярность агитационно-пропагандистской деятельности, которую проводили местные большевики среди крестьян, снижалась по мере удаления от городов. «На глубинке» летом 1918 г. было немало деревень, среди жителей которых большевистская агитация практически не велась. Политком 2-й армии Восточного фронта С. И. Гусев во второй половине октября 1918 г. писал в ЦК РКП(б) о том, что в Ижевско-Воткинском районе «во многих деревнях не было за все время революции ни единого митинга, газеты и литература сюда не проникали»⁷⁰.

Перечисленные факторы, усугубленные отдельными ошибками

и просчетами местных органов Советской власти⁷¹, явились причиной того, что большинство беднейших крестьян Удмуртии накануне эсеров-меньшевистского мятежа в Ижевско-Воткинском районе оставалось неорганизованным и в значительной части не было охвачено пролетарским влиянием.

Очень резко качнулось в сторону буржуазии летом 1918 г. среднее крестьянство Удмуртии. Основные причины его колебаний были те же, которые обусловили неорганизованность бедноты. Но особый размах колебаниям придало недовольство середняка установлением продовольственной диктатуры пролетариата. По сообщению председателя ижевского продотдела большевика И. Г. Ильина, декрет ВЦИК от 13 мая 1918 г. был встречен зажиточным крестьянством Сарапульского уезда «бурей негодования, протеста и угроз»⁷². О том же писали в Вятский губисполком в августе—сентябре 1918 г. исполкомы Глазовского и Малмыжского уездных Советов⁷³. Смыкаясь с кулачеством, середняки требовали отмены «однoboкой» монополии на хлеб, введения свободы торговли и продажи хлеба по рыночным ценам. Эти требования прозвучали на Сарапульском уездном и Воткинском районном съездах (июль 1918 г.). Их поддерживали многие деревенские Советы, среди членов которых преобладали кулацко-зажиточные элементы⁷⁴.

Стремясь воспользоваться неорганизованностью бедноты, колебаниями среднего крестьянства, ограниченностью влияния большевиков на деревню и привлечь трудовое крестьянство Удмуртии на свою сторону, правые эсеры и удмуртские буржуазные националисты развернули усиленную антисоветскую агитацию среди сельского населения. Они использовали для этой цели, в частности, довольно многочисленную местную периодическую печать эсеров-меньшевистского направления⁷⁵.

Возбуждая среди крестьян недовольство Советской властью, эсеров-меньшевистская и буржуазно-националистическая печать писала о неспособности большевиков справиться с разрухой и голодом, пресечь спекуляцию и бандитизм, утверждала, что большевики втягивают страну в гражданскую войну. На страницах этих изданий помещались статьи, направленные против продовольственной политики Советского государства, Брестского мира и т. д.⁷⁶.

Удмуртские националисты стремились посеять рознь между удмуртским и русским народами, проповедовали идею классового мира среди удмуртов. 11 июня 1918 г. газета «Виль Синь», например, писала, обращаясь к крестьянам-удмуртам: «Между собой борьбу не ведите и не скандальте. Надо между собой ладить, если же пойдут нелады — весь хлеб из деревни вывезут»⁷⁷.

Правые эсеры выпустили также ряд контрреволюционных воз-

званий, листовок с призывом к свержению Советской власти. В начале августа они распространялись в деревнях под Ижевском⁷⁸.

Вместе с правыми эсерами и буржуазными националистами интенсивную идеологическую обработку трудового крестьянства вела деревенская буржуазия. 22 июля 1918 г. в докладе агитационно-вербовочного отдела Сарапульского увоенкомата в губвоенкомат подчеркивалось, что кулачество ведет «усиленную антисоветскую агитацию»⁷⁹.

Массированная идеологическая обработка, которую развернули в деревне сельская буржуазия и ее сторонники, способствовала тому, что кулачество сумело сохранить доминирующее идейно-политическое влияние на крестьянские массы. В телеграмме, направленной в начале июня 1918 г. председателями Вятского губернского, уездного и городского исполкомов в ЦК РКП(б) и наркомпрод указывалось, что «в южных уездах (в т. ч. в уездах, вошедших позднее в состав Удмуртии.— П. Д.) господствует кулачество»⁸⁰. В организованных ими антисоветских выступлениях, волна которых прокатилась по Удмуртии накануне эсеро-меньшевистского мятежа в Ижевско-Воткинском районе, участвовала значительная часть среднего крестьянства, а кое-где и группы бедноты. Только в Глазовском уезде летом 1918 г. произошло около 80 контрреволюционных волнений и вооруженных выступлений⁸¹.

Кулацко-эсеровское засилье требовало от местных большевиков активизации политико-организаторской работы в деревне. Однако весной—летом 1918 г. им не удалось вырвать у контрреволюции инициативу в борьбе за трудящееся крестьянство, т. к. многие большевистские организации Удмуртии, прежде всего ижевская и воткинская, переживали серьезные трудности.

В конце весны — начале лета 1918 г. под влиянием ухудшившейся обстановки и усиленной антисоветской агитации мелкобуржуазной контрреволюции многие рабочие заколебались и отошли от большевиков. Отражением этих колебаний стали разброд и шатания среди незакаленных коммунистов в Ижевске и Воткинске и выход многих из них из партии⁸². Особенно значительно уменьшилась к началу лета 1918 г. численность ижевских коммунистов. 25 мая 1918 г. председатель Ижевского комитета партии И. Д. Пастухов и секретарь Ф. В. Фокин писали в ЦК РКП(б): «Мы, рабочие, сознаем: без вашей поддержки предотвратить это (отход рабочих от большевиков.— П. Д.) не в силах (пример: в нашей партии в апреле было 1700 членов и с мая выбыло около 1300...)»⁸³. Массовый уход малодушных людей из партии в Ижевске и Воткинске указывал на уменьшение авторитета большевиков среди рабочих. О том, что он был ослаблен

очень значительно, свидетельствовали поражения большевиков на упомянутых выше выборах в Ижевский и Воткинский Советы в мае—июне 1918 г. и укрепление позиций правых эсеров и меньшевиков в рабочих организациях.

Среди причин, которые обусловили падение авторитета местных парторганизаций в рабочей среде, следует выделить сокращение сравнительно небольшого слоя передовых рабочих, которые сплачивали, цементировали производственные коллективы. В. И. Ленин говорил 23 июня 1920 г.: «...действительно сознательные рабочие во всяком капиталистическом обществе составляют лишь меньшинство всех рабочих»⁸⁴. На этих рабочих прежде всего опирались коммунисты в своей деятельности, у них находили поддержку в трудные дни, из них черпали самые стойкие кадры членов партии⁸⁵.

Другая причина заключалась в том, что из-за недостатка подготовленных пропагандистов и агитаторов, перегруженности многих опытных большевиков советской и хозяйственной работой местные парторганизации не смогли уделить достаточно внимания агитационно-массовой работе среди рабочих и населения. Она велась нерегулярно, от случая к случаю. В письме ижевских большевиков в ЦК РКП(б) 25 мая 1918 г. отмечалось, что в городе «со дня революции на нашу тему (очевидно, о социализме.— П. Д.) не было прочитано ни одной лекции, в то время как меньшевики, правые эсеры и анархисты устраивают митинги, лекции и т. д.». Руководители местной парторганизации просили ЦК РКП(б) прислать подготовленных работников⁸⁶. Аналогичная просьба содержалась в письме Воткинского комитета РКП(б) от 18 мая 1918 г. Она мотивировалась тем, что «организация очень слабая и нуждается в партийных лекторах»⁸⁷. Ослаблению влияния ижевской парторганизации способствовало также то обстоятельство, что некоторая часть членов партии приняла участие в антисоветском анархо-максималистском мятеже в апреле 1918 г. Эти люди, случайно оказавшиеся в рядах большевиков, были исключены из партии, но своим поведением они нанесли большой ущерб авторитету ижевской организации РКП(б).

Трудности, переживаемые ижевской и воткинской большевистскими организациями, породили у вышестоящих партийных органов тревогу и озабоченность за судьбу Советской власти в Ижевско-Воткинском районе. Они приняли ряд мер к нормализации положения. Своего представителя послал в начале июня для организации партийной школы в Ижевске ЦК РКП(б)⁸⁸. Пристально следили за развитием событий в Ижевске и Воткинске Уральский областной и Вятский губернский комитеты партии. В конце мая в Воткинске побывал член областного комитета партии Н. Толмачев⁸⁹, а в июле по просьбе Вятского губкома

в Ижевск приехал с отрядом красноармейцев видный большевик, член обкома партии А. П. Спундз⁹⁰. Из Вятки в Ижевск были посланы агитаторы⁹¹. Тогда же в Воткинск для укрепления большевистской организации Уральский областной комитет партии направил группу питерских рабочих-большевиков⁹². С их помощью местные большевики активизировали деятельность на заводах.

В своей агитационно-массовой работе большевики учитывали зараженность части рабочих парламентскими иллюзиями, их веру в Учредительное Собрание и, в так называемый, «гражданский мир»⁹³. Особое внимание уделялось разъяснению буржуазной сущности лозунга «Вся власть Учредительному Собранию» и разоблачению соглашательской политики меньшевиков и правых эсеров. С этой целью Ижевский и Воткинский комитеты РКП(б) устроили ряд собраний и митингов-лекций. В них участвовали лучшие силы местных организаций и приезжие партийные работники.

24 мая 1918 г. состоялся митинг на Базарной площади в Воткинске. Перед рабочими выступил член Уральского обкома партии Н. Толмачев. Обращаясь к собравшимся, писал в отчете о митинге местная газета «Путь», он особо подчеркнул, что «в период напряженной классовой борьбы не может быть средней линии: либо диктатура пролетариата, либо диктатура капитализма (буржуазии.— П. Д.)»⁹⁴. С аналогичными докладами выступили перед рабочими в Ижевске представитель ЦК РКП(б) Аксенов, член Уральского обкома А. П. Спундз, видные местные коммунисты. Им приходилось вести ожесточенную борьбу с меньшевиками, правыми эсерами и их подголосками. Накал ее был таков, что митинги и собрания доходили нередко до рукопашных схваток⁹⁵.

Энергичные действия большевиков дали им возможность добиться сдвига в настроении части колеблющихся рабочих в пользу Советской власти. Это показали массовые митинги, которые состоялись 17 и 25 июля в Ижевске. В первом из них участвовало не менее 3000 и во втором — около 2000 рабочих⁹⁶. Несколько дней спустя многотысячные митинги рабочих были проведены и в Воткинске⁹⁷. Участники митингов приняли резолюции о поддержке Советской власти и беспощадной борьбе с буржуазией, правыми эсерами и меньшевиками⁹⁸. В резолюции, принятой 25 июля на митинге ижевских рабочих, в частности, говорилось: «...в момент, когда чехословаки и белогвардейцы... уже под стенами нашего завода, наших жилищ, в этот грозный момент в наших рядах... расхлябанности и безучастности больше не место... И в этот час мы оставляем станки и идем в решительный бой»⁹⁹. Наметившийся сдвиг в политических настроениях

отсталых рабочих позволил большевикам в блоке с максималистами между 17 и 21 июля вооруженным путем разогнать правый Совет в Ижевске. Власть была передана вновь сформированному исполкому, в состав которого вошло 15 человек, 5 из них — коммунисты, занявшие наиболее ответственные посты, 5 — максималисты, 1 — левый эсер и 4 — беспартийных, стоящих на платформе Советской власти¹⁰⁰. Правые эсеры и меньшевики в конце июля были выведены из состава Совета и в Воткинске¹⁰¹. Конечно, это был успех, но частный, т. к. добиться перелома в настроении большинства рабочих и привлечь их на сторону большевикам не удалось. Успехи большевиков оказались ограниченными прежде всего потому, что у отсталых рабочих не было опыта, который позволил бы им безоговорочно принять Советскую власть, а без этого большевистская агитация оказалась недостаточно действенной. «Отсталые массы,—указывал В. И. Ленин,— не проймешь теорией, им нужен опыт»¹⁰².

Ряд изменений, которые произошли в состоянии ижевской и воткинской парторганизаций, были связаны с разгоравшейся в стране гражданской войной. В майских обращениях к членам партии ЦК РКП(б) подчеркнул исключительную остроту переживаемого момента, потребовал очистить партийные ряды от разложившихся элементов, укрепить дисциплину среди коммунистов, перестроить деятельность парторганизаций на военный лад¹⁰³. В соответствии с этими решениями, ижевская и воткинская организация РКП(б) провели в июне 1918 г. перерегистрацию коммунистов¹⁰⁴. Она позволила улучшить их качественный состав, но в то же время потребовала от коммунистов определенных затрат сил и времени, необходимых для агитационно-массовой работы среди населения.

Часть своих сил местные парторганизации направили в Красную Армию. 7 июля 1918 г. воткинские большевики послали на борьбу с белочехами партийную дружину в 68 чел., в июле из Ижевска был отправлен под Казань отряд рабочих и коммунистов в 7 чел. в создаваемый в Вятке отряд особого назначения¹⁰⁵. В результате значительно уменьшилась численность большевиков. В последней декаде июля в Ижевске оставалось 250—270 коммунистов¹⁰⁶.

Если «чистка» позволила отсечь от ижевской и воткинской парторганизаций все наносное, лишнее, вредное, то уход многих стойких коммунистов на фронт серьезно ослабил их. 23 июля 1918 г. заместитель председателя Ижевского исполкома большевик С. И. Холмогоров писал наркомку внутренних дел РСФСР о том, что ижевская организация РКП(б) «располагает очень слабой реальной и еще слабее политической и идейной силой... , в данный момент она не в силах справиться самостоятельно

с надвигающейся угрозой (со стороны мелкобуржуазной контрреволюции.— П. Д.)»¹⁰⁷. О серьезном ослаблении влияния воткинских большевиков на заводе и в окрестных деревнях в июле 1918 г. пишет в своих воспоминаниях старый коммунист А. Д. Постников¹⁰⁸.

В конце июля — начале августа 1918 г. резко обострилась обстановка на фронте. Ожесточенные бои шли на подступах к Казани. Ижевско-Воткинский район оказался в полосе действий 2-й армии Восточного фронта, штаб которой находился в Сарапуле. Части армии пополнялись за счет мобилизованных крестьян. «Но,— писал в 1929 г. А. П. Кучкин, который летом 1918 г. возглавлял политотдел 2-й армии,— этого мало. Нужно было проназвать ряды крестьян-бойцов прослойками рабочих»¹⁰⁹. В штабе армии родилась мысль призвать в ее ряды часть рабочих Ижевского и Воткинского заводов. Армейское командование не имело разрешения правительственных органов на проведение обязательной мобилизации на этих заводах. Оно приняло решение провести добровольческий набор среди рабочих и частичную мобилизацию коммунистов¹¹⁰. Поступая так, штаб армии допустил серьезную ошибку. Он недооценил крайней обостренности положения в Ижевске и Воткинске, пренебрег предостережениями местных большевиков о возможности контрреволюционного выступления, не учел слабости ижевской и воткинской парторганизаций. 11 лет спустя Кучкин прямо признал допущенную ошибку. Он писал: «Нам тогда надо бы вникнуть глубже в заявление парткома, изучить особенности Ижевска и, может быть, отказаться от обескровления его, или же сначала помочь ликвидировать контрреволюционное гнездо в Ижевске, а затем осуществлять свою задачу (мобилизацию в армию.— П. Д.)»¹¹¹. Доля вины, несомненно, лежит на Ижевском и Воткинском комитетах РКП(б), которые, зная о подготовке «демократической контрреволюции» к свержению Советской власти и понимая исключительную роль Ижевского завода в снабжении оружием Красной Армии, все же позволили себя убедить в целесообразности предложенных штабом армии мер.

После мобилизации в Ижевске и Воткинске,— говорил А. П. Кучкин, выступая на совещании зав. политотделами армий Восточного фронта 20—23 сентября 1918 г.,— в армию влилось 2 тыс. большевистски настроенных рабочих¹¹². Кроме того, многие передовые пролетарии и коммунисты Воткинска пополнили ряды соседней 3-й армии¹¹³.

Принятые меры укрепили 2-ю и 3-ю армии, но местные большевистские организации были обессилены до крайности. Ижевская организация, например, направила на фронт 3/4 своего

состава. В день эсеро-меньшевистского выступления в Ижевске осталось лишь 73 коммуниста ¹¹⁴.

Критическое положение, в котором оказалась Ижевская организация РКП(б) накануне мятежа, усугублялось тем, что среди ее руководителей не было единства в оценке сложившейся обстановки, и прежде всего, в оценке того, насколько опасен для Советской власти сдвиг вправо в настроении отсталых рабочих. Делегат от ижевской парторганизации на 2-й Вятской губернской конференции РКП(б) (30.VII—3.VIII.1918 г.) В. Л. Сергеев в своем выступлении категорически заявил, что «...контрреволюционных выступлений со стороны рабочих быть не может» ¹¹⁵. Эту точку зрения разделили многие ижевские большевики, в т. ч. председатель комитета партии И. Д. Пастухов ¹¹⁶.

Гораздо менее оптимистически оценивал создавшееся положение в докладе наркому внутренних дел Республики 23 июля 1918 г. член Ижевского комитета партии С. И. Холмогоров. Отметив значительное усиление позиций правых эсеров и меньшевиков, он пришел к выводу о том, что они, «свив прочное гнездо в Ижевске», могут «создать там базу для контрреволюции» и распространить свои действия по всей Вятской губернии, как только, конечно, представится случай» ¹¹⁷.

Дальнейшие события подтвердили правоту С. И. Холмогорова, показали, что И. Д. Пастухов, В. Л. Сергеев и др. допустили очень серьезный промах, т. к. часть отсталых рабочих выступила на стороне мятежников против Советской власти.

Отсутствие единства в оценке обстановки отрицательно сказалось на действиях ижевских большевиков. Оно породило колебания и непоследовательность именно в тот момент, когда как никогда ранее требовалась сплоченность. Об этом свидетельствовали серьезные разногласия, возникшие среди членов комитета в вопросе об аресте лидеров мелкобуржуазной контрреволюции, который неоднократно обсуждался ими в июле — начале августа 1918 г. Часть из них (С. И. Холмогоров, В. С. Жечев и др.) настаивала на немедленном аресте этих людей, другая более influential и многочисленная во главе с И. Д. Пастуховым считала, что арест несвоевременен, т. к. он оттолкнет от большевиков многих рабочих и настаивала на применении каких-либо других мер ¹¹⁸. Разногласия оказались настолько острыми, что в первой половине июля на заседании комитета, по словам одного из его членов С. Комлева, «произошел большой конфликт». Точка зрения И. Д. Пастухова и его сторонников победила ¹¹⁹. Воспользовавшись этой оплошностью большевиков, многие правые эсеры и меньшевики успели скрыться. И хотя вскоре комитет пересмотрел свое ошибочное решение, ижевской ЧК удалось арестовать лишь некоторых второстепенных деяте-

лей контрреволюции¹²⁰. Но спустя несколько дней 15 заговорщиков неожиданно были освобождены¹²¹. Их освобождение свидетельствовало о том, что разногласия среди руководителей большевиков не были изжиты до конца. Серьезной ошибкой Ижевского комитета РКП(б) явилось ослабление идейно-политической работы среди рабочих: перед мятежом на заводе осталось лишь несколько коммунистов¹²².

Большой промах совершили воткинские большевики. Они не арестовали своевременно руководителей правых эсеров и меньшевиков¹²³. Ошибки местных большевиков, допущенные прежде всего из-за недостатка опыта, ослабили их влияние на заводах, еще более обострили политическую обстановку в Ижевске и Воткинске.

Анализ итогов политической борьбы в городах и деревне Ижевско-Воткинского района весной—летом 1918 г. позволяет сделать вывод о том, что сложившаяся к этому времени расстановка классовых сил создавала для правых мелкобуржуазных партий и кулачества благоприятные условия по подготовке к свержению Советской власти в августе 1918 г., сильно сказавшись на ходе гражданской войны в Удмуртии.

Уроки событий «жаркой» весны и лета 1918 г. в Ижевско-Воткинском районе весьма поучительны. Они наглядно свидетельствуют насколько труден и противоречив был процесс борьбы за власть Советов на местах, каким нелегким путем через преодоление собственных ошибок и сомнений шли большевики к окончательной победе над умными, убежденными, сильными идейными врагами марксизма, постигая непосредственно в ходе классовых боев нелегкую науку политической борьбы. Недаром В. И. Ленин подчеркивал, «что политика есть наука и искусство, которое с неба не сваливается, даром не дается»¹²⁴. Одной из важных граней нелегкого, горького, но драгоценного опыта местных коммунистов является понимание того, что недостаточно решительная борьба с контрреволюцией, отсутствие единства среди членов партии, колебания и непоследовательность в осуществлении пролетарской линии особенно в моменты резкого обострения классовой борьбы ведут к тяжелым политическим последствиям, падению влияния коммунистов среди трудящихся, ослабляют организующую и мобилизующую силу марксистско-ленинской партии. Этот вывод сохраняет в полной мере свою правоту и в наши дни.

ПЕРЕЧЕНЬ ССЫЛОК

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч.—Т. 36.—С. 17.
- ² ГАКО.—Ф. Р 876, оп. 1, д. 79, л. 357/об.
- ³ ЦГА УАССР.—Ф. 212, оп. 1, д. 23819, л. 163.
- ⁴ ГАКО.—Ф. Р 1041, оп. 1, д. 15, л. 88; Труженик (Сарапул).—1918, 21 мая.
- ⁵ Александров А. А. В борьбе и труде.—Ижевск, 1972.—С. 29.
- ⁶ Подробнее об изменениях качественного состава рабочих коллективов Ижевского и Воткинского заводов см.: Дмитриев П. Н. Численность и качественный состав рабочих Ижевского и Воткинского заводов к лету 1918 г.// Проблемы истории СССР.—Вып. VII.—М.: Из-во МГУ, 1978.—С. 235—244.
- ⁷ Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными большевистскими организациями.—Т. 3.—М., 1967.—С. 245.
- ⁸ Подсчитано по кн.: Очерки истории Кировской организации КПСС.—Ч. 2 (1918—1968).—Горький, 1969.—С. 18. ГАКО.—Ф. Р 876, оп. 1, д. 77, л. 14/об; Ф. Р 885, оп. 1, д. 41, л. 19/об.
- ⁹ Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии // Сб. документов и материалов (1917—1918).—Ижевск, 1957.—С. 89; Переписка Секретариата ЦК РКП(б)...—Т. 3.—С. 245.
- ¹⁰ Подсчитано по кн.: Очерки истории Удмуртской организации КПСС.—С. 37; Сергеева А. Товарищи.—Ижевск, 1969.—С. 108—114; Сергеев В. Ижевск в огне гражданской войны.—Ижевск, 1927.—С. 11; ЦГА УАССР.—Ф. Р 390, оп. 1, д. 30, л. 133/об; Ф. Р 1061, оп. 1, д. 19, л. 17.
- ¹¹ Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России. 1917—1920.—М., 1968.—С. 169.
- ¹² ЦГА УАССР.—Ф. Р 1061, оп. 1, д. 17, л. 5.
- ¹³ Макаров Ф. П. Октябрь и гражданская война в Удмуртии.—Ижевск, 1932.—С. 43—44.
- ¹⁴ ЦГАОР.—Ф. 393, оп. 3, д. 133, л. 89.
- ¹⁵ Александров А. А. Указ. соч.—С. 31.
- ¹⁶ ГАКО.—Ф. Р 876, оп. 1, д. 77, л. 357/об.
- ¹⁷ Переписка Секретариата ЦК РКП(б)...—Т. 3.—С. 245; ЦГА УАССР.—Ф. Р 543, оп. 13, д. 113, л. 170; Труженик.—1918, 6 июня.
- ¹⁸ Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии // Сб. документов.—Киров, 1957.—С. 187. Известия Вятского губкома РКП(б).—1923, 14 марта.—С. 29.
- ¹⁹ К пятой годовщине пролетарской революции в Прикамье.—Ижевск, 1922.—С. 16.
- ²⁰ Соболева П. И. Борьба большевиков против меньшевиков и эсеров за ленинскую политику мира.—М., 1965.—С. 124.
- ²¹ ЦГА УАССР.—Ф. 4, оп. 1, д. 4089, л. 16.—Вятская речь.—1917, 19 октября. РФ УдНИИ 142—Л. 205.
- ²² РФ УдНИИ 52.—С. 180. Вятская речь.—1917, 19 октября. Сергеева А.

Семья рабочего.— Ижевск, 1966.— С. 104, 106; Сергеев В. Ижевск в огне гражданской войны. 1917—1918.— Ижевск, 1927.— С. 12.

²³ Очерки истории Удмуртской организации КПСС...— С. 27, 43; ЦГА УАССР.— Ф. 212, оп. 1, д. 23379, л. 88; д. 23819, л. 3206; Путь (Воткинск).— 1918, 26 мая; Воткинская жизнь.— 1918, 21 сентября; Гутман-Ган А. Два восстания // Белое дело. Летопись белой борьбы.— Берлин, 1927.— Т. 3; Уловалов И. Как мы потеряли свободу // Заря (Берлин).— 1923, № 3.— С. 79.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 41.— С. 25, 170.

²⁵ Там же, л. 40.

²⁶ Сергеев В. Указ. соч.— С. 4; Макаров Ф. П. Указ. соч.— С. 28. К пятой годовщине пролетарской революции в Прикамье.— С. 16; ЦГАОР.— Ф. 393, оп. 1, д. 40, л. 316.

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 36.— С. 129.

²⁸ ЦГАОР.— Ф. 393, оп. 1, д. 140, л. 316.

²⁹ ГАКО.— Ф. Р 876, оп. 1, д. 77, л. 357.

³⁰ ГАКО.— Ф. Р 875, оп. 1, д. 139, л. 436.

³¹ ЦГА УАССР.— Ф. Р 343, оп. 2, д. 41, л. 25.

³² ГАКО.— Ф. Р 876, оп. 1, д. 79, л. 357.

³³ ГАКО.— Ф. Р 875, оп. 1, д. 4, л. 40/об.

³⁴ Переписка Секретариата ЦК РКП(б)...— Т. 3.— С. 245.

³⁵ ЦГАОР.— Ф. 393, оп. 1, д. 40, л. 317.

³⁶ ЦГАОР.— Ф. 393, оп. 1, д. 40, л. 317; ГАКО.— Ф. Р 876, оп. 1, д. 79, л. 357.

³⁷ Труженик.— 1918, 5 июня.

³⁸ Там же.

³⁹ ЦГАОР.— Ф. 399, оп. 1, д. 40, л. 317/об.; Труженик.— 1918, 5 июня.

⁴⁰ Всего на заводе было 30 мастерских.— Труженик.— 1918, 6 июня.

⁴¹ Макаров Ф. П. Указ. соч.— С. 48.

⁴² Труженик.— 1918, 6 июня.

⁴³ ЦГАОР.— Ф. 399, оп. 1, д. 40, л. 318; ГАКО.— Ф. Р 876, оп. 1, д. 53, л. 174.

⁴⁴ ЦГА УАССР.— Ф. 212, оп. 1, д. 23819, л. 352; ГАКО.— Ф. Р 1585, оп. 8, д. 9, л. 242.

⁴⁵ ЦГА УАССР.— Ф. 212, оп. 1, д. 23819, л. 325, 326.

⁴⁶ ЦГА УАССР.— Ф. 90, оп. 1, д. 7, л. 37.

⁴⁷ ЦГАОР.— Ф. 393, оп. 1, д. 40, л. 316.

⁴⁸ ЦГАСА.— Ф. 169, оп. 1, д. 114, л. 86.

⁴⁹ Кучкин А. П. К истории Ижевского восстания // Пролетарская революция.— 1929, № 6.— С. 159, 161.

⁵⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 41.— С. 383.

⁵¹ ЦГА УАССР.— Ф. Р 563, оп. 1, д. 2, л. 30/об.

⁵² Там же, л. 40.

⁵³ Там же, л. 19, 32, 36.

⁵⁴ Тронин А. А. Исторический опыт перехода удмуртского народа к социа-

лизму (1917—1937) // Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук.— М., 1975.

⁵⁵ ЦГА УАССР.— Ф. Р 563, оп. 1, д. 2, л. 1, 42.

⁵⁶ ГАКО.— Ф. Р 885, оп. 1, д. 5, л. 26.

⁵⁷ ГАКО.— Ф. Р 876, оп. 1, д. 9, л. 15/об.

⁵⁸ Итоги 2-й Вятской губернской конференции РКП(б).— Вятка, 1918.— С. 3.

⁵⁹ ГАКО.— Ф. Р 876, оп. 1, д. 79, л. 396; Есть у партии сын молодой.— Ижевск, 1970.— С. 39.

⁶⁰ ГАКО.— Ф. Р 1585, оп. 1, д. 86, л. 230.

⁶¹ ЦГАОР.— Ф. 393, оп. 3, д. 133, л. 15.

⁶² ЦГА УАССР.— Ф. Р 400, оп. 1, д. 2, л. 48/об.— 49; ЦГАОР.— Ф. 393, оп. 3, д. 133, л. 214.

⁶³ ЦГАОР.— Ф. 393, оп. 3, д. 133, л. 15, 220.

⁶⁴ Там же, л. 157/об.; д. 23, л. 424; д. 31, л. 203; д. 33, л. 208; ГАКО.— Ф. Р 875, оп. 1, д. 141, л. 376.

⁶⁵ ГАКО.— Ф. Р 875, оп. 1, д. 141, л. 376.

⁶⁶ Очерки истории Удмуртской организации КПСС.— С. 114; Красная мысль.— 1919, 17 января; Есть у партии сын молодой.— С. 42; Итоги 2-й Вятской губернской конференции РКП(б).— С. 2.

⁶⁷ Очерки истории Удмуртской организации КПСС.— С. 121.

⁶⁸ ГАКО.— Ф. Р 876, оп. 1, д. 77, л. 357/об.

⁶⁹ Там же, д. 4, л. 104/об.; Переписка Секретариата ЦК РКП(б)...—Т. 3.— С. 236; Итоги 2-й Вятской губернской конференции РКП(б) — С. 2.

⁷⁰ Переписка Секретариата ЦК РКП(б) .—Т. 4.— М., 1969.— С. 467; Известия Вятского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов — 1918, 28 июля; ЦГА УАССР.— Ф. Р 390, оп. 1, д. 12, л. 13; д. 52, л. 5.

⁷¹ Об этом подробнее см.: Советская Удмуртия.— Ижевск, 1940 — С. 58

⁷² ЦГА УАССР.— Ф. Р 390, оп. 1, д. 46, л. 3.

⁷³ ГАКО.— Ф. Р 876, оп. 1, д. 79, л. 150, 396.

⁷⁴ Труженик — 1918, 4 июля; ЦГАОР.— Ф. 393, оп. 3, д. 133, л. 170; ЦГА УАССР.— Ф. Р 29, оп. 1, д. 1, л. 15, 25; Ф Р 437, оп. 1, д. 1.

⁷⁵ РФ УдНИИ 52.— С. 270; ЦГА УАССР.— Ф. 212, оп. 1, д. 23819, л. 325. Известия Пермского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и армейских депутатов.— 1918, 27 апреля; Никольский Н. В. Сборник исторических материалов о народностях Поволжья.— Казань, 1919 — С. 131—132; Удмуртия за 40 лет Советской власти — Ижевск, 1957 — С. 51.

⁷⁶ Воля (Сарапул).— 1918, 30 (17) марта; Вятский кооператор.— 1918. № 6—7; РФ УдНИИ 52.— С. 269—271; Виль Синь — 1918, 16 апреля и др.

⁷⁷ Виль Синь.— 1918, 7 февраля, 11 мая. Перевод с удмуртского В Вахрушева.

⁷⁸ ГАКО.— Ф. Р 876, оп. 1, д. 92, л. 100; Известия Ижевского Совета рабочих и крестьянских депутатов — 1918, 3 августа.

- ⁷⁹ ГАКО.—Ф. Р 1585, оп. 1, д. 8, л. 230; ЦГА УАССР.—Ф. Р 41, оп. 1, д. 65, л. 218.
- ⁸⁰ ГАКО.—Ф. Р 875, оп. 1, д. 144, л. 76.
- ⁸¹ ГАКО.—Ф. Р 876, оп. 1, д. 77, л. 13/об.; ЦГА УАССР.—Ф. Р 1061, оп. 1, д. 21, л. 188, 193, 204; Ф. Р 41, оп. 1, д. 65, л. 199.
- ⁸² РФ УдНН 52.—С. 271.
- ⁸³ Переписка Секретариата ЦК РКП(б)...—Т. 3.—С. 245.
- ⁸⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч.—Т. 41—С. 236.
- ⁸⁵ К лету 1918 г. многие из них по различным причинам уехали из Ижевска и Воткинска.
- ⁸⁶ Переписка Секретариата ЦК РКП(б)...—Т. 3.—С. 245.
- ⁸⁷ Там же.—С. 236.
- ⁸⁸ Деятельность ЦК РСДРП(б)—РКП(б) в 1917—1918 гг. Хроника событий.—М., 1974.—С. 300.
- ⁸⁹ Путь // Орган исполкома Воткинского Совета рабочих и крестьянских депутатов.—1918, 26 мая.
- ⁹⁰ Спундз А. В борьбу за пролетарскую революцию // За власть Советов.—Киров, 1957.—С. 41.
- ⁹¹ ГАКО.—Ф. Р 1585, оп. 1, д. 109, л. 134.
- ⁹² Постников А. Д. Партизанский отряд воткинских коммунистов // Питерцы на фронтах гражданской войны.—Л., 1970.—С. 33.
- ⁹³ Гусев С. И. Гражданская война и Красная Армия.—М., 1958.—С. 73.
- ⁹⁴ Путь — 1918, 26 мая.
- ⁹⁵ ГАКО.—Ф. Р 1585, оп. 1, д. 10а, л. 296; Известия Пермского губернского исполнительного комитета.—1918, 19 июля; Сергеева А В семье рабочего — С. 123—124.
- ⁹⁶ Известия Пермского исполнительного комитета.—1918, 19 июля; ЦГАСА.—Ф. 169, оп. 1, д. 114, л. 85.
- ⁹⁷ Кучкин А. П. Указ. соч.—С. 161.
- ⁹⁸ Там же; ЦГАСА.—Ф. 169, оп. 1, д. 114, л. 85—90; Известия Пермского губернского исполнительного комитета.—1918, 13 июля.
- ⁹⁹ ЦГАСА.—Ф. 169, оп. 1, д. 114, л. 89—90.
- ¹⁰⁰ ЦГАОР.—Ф. 393, оп. 1, д. 31, л. 185; ЦГАСА.—Ф. 8, оп. 1, д. 344, л. 127.
- ¹⁰¹ ЦГАСА.—Ф. 169, оп. 1, д. 114, л. 353.
- ¹⁰² Ленин В. И. Полн. собр. соч.—Т. 1.—С. 256.
- ¹⁰³ Спирин Л. М. Указ. соч.—С. 125.
- ¹⁰⁴ Итоги 2-й Вятской губернской конференции РКП(б).—С. 27.
- ¹⁰⁵ ГАКО.—Ф. Р 1585, оп. 8, д. 119, л. 308; Александров А. А. В борьбе и труде.—С. 35.
- ¹⁰⁶ Итоги 2-й Вятской губернской конференции РКП(б).—С. 27. ГАКО.—Ф. Р 876, оп. 1, д. 77, л. 14/об.
- ¹⁰⁷ ЦГАОР.—Ф. 393, оп. 1, д. 40, л. 319.
- ¹⁰⁸ Постников А. Д. Указ. соч.—С. 33.
- ¹⁰⁹ Кучкин А. П. Указ. соч.—С. 153.

¹¹⁰ Там же.—С. 154—155, 157.

¹¹¹ Там же.—С. 157.

¹¹² Ненароков А. П. Восточный фронт. 1918.—М., 1969.—С. 169.

¹¹³ ЦГА УАССР.—Ф. Р 1061, оп. 1, д. 8, л. 1.

¹¹⁴ Очерки истории Удмуртской организации КПСС.—С. 132.

¹¹⁵ Итоги 2-й Вятской губернской конференции РКП(б).—С. 27.

¹¹⁶ Спундз А. П. Указ. соч.—С. 41. Нельзя согласиться с мнением К. И. Куликова, фактически отождествляющего позицию И. Д. Пастухова и С. И. Холмогорова. Это не подтверждается фактами. См.: Куликов К. И. В боях за Советскую Удмуртию.—Ижевск, 1982.—С. 17.

¹¹⁷ Удмуртия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны // Сборник документов.—Ч. I.—Ижевск, 1959.—С. 66—69; ЦГАОР.—Ф. 393, оп. 1, д. 40, л. 316—319.

¹¹⁸ Спундз А. П. Указ. соч.—С. 41—42; ЦГА УАССР.—Ф. Р 1061, оп. 1, д. 21, л. 66/об.; РФ УдНИИ 142.—С. 152.

¹¹⁹ РФ УдНИИ 142.—С. 152.

¹²⁰ Там же.—С. 152, 153.

¹²¹ Гутман-Ган А. Указ. соч.—С. 151; Спундз А. П. Указ. соч.—С. 42.

¹²² Спирин Л. М. Указ. соч.—С. 262. Сергеев В. Указ. соч.—С. 56.

¹²³ Уповалов И. Указ. соч.—С. 79.

¹²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч.—Т. 41.—С. 65.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В УДМУРТИИ И ТАКТИКА БОЛЬШЕВИКОВ В БОРЬБЕ ЗА МАССЫ

Стержневой линией, определившей ход гражданской войны в Удмуртии, явилось ижевское контрреволюционное восстание. Путем захвата мятежниками прилегающей территории оно разрослось вширь и охватило четыре основных города: Ижевск, Воткинск, Сарапул и Камбарку, а также сельские районы. Половина территории Удмуртии, на которой проживало более 60 процентов населения, была захвачена мятежниками.

По своей продолжительности — полных три месяца (с 8 августа — 7 ноября 1918 г.) это восстание было самым длительным в молодой Советской России, а по силе и упорству — самым крепким контрреволюционным гнездом, собравшим и вооружившим около 30 тысяч солдат и офицеров, отразившим около десятка наступательных операций разных отрядов Красной Армии.

По своей политической сущности и направленности восстание было антибольшевистским, антисоветским актом, составным звеном общей цепи контрреволюционного заговора, но руководители его пытались использовать различные уловки и приемы для скрытия этой сущности. В начальной стадии, когда позиции еще не были укреплены, они действовали под лозунгом демократии, возрождения парламентаризма — Учредительного Собрания и даже сохранения Советов (но без большевиков). В дальнейшем они пришли к своему логическому завершению — установили военную диктатуру и развернули всеобщий террор.

Непосредственными организаторами и проводниками этого восстания явились белогвардейские офицерские силы, а идейными вдохновителями их — контрреволюционеры всех мастей: монархисты, кадеты, но в первую очередь меньшевики и эсеры. Социально-классовой опорой восстания были буржуазия, техническая интеллигенция, зажиточная часть мастеровых заводов — рабочая аристократия и кулацкая верхушка крестьянства.

В стратегическом отношении это восстание принесло Восточному фронту огромный урон. Оно произошло в тылу только что сформированных 2-й и 3-й армий Восточного фронта, ведущих

кровопролитные сражения с чехословаками и белогвардейцами на Урале. Между частями этих армий был вбит глубокий клин и образовался разрыв в сотню километров, нависла опасность перехвата магистрали Вятка — Пермь, что привело бы к краху всю 3-ю армию. Положение усугублялось и тем, что за 3 месяца мятежа белогвардейцы и белочехи из Ижевска получили около 60 тысяч винтовок¹. Восстание лишило Восточный фронт поступления из Среднего Прикамья людских и материальных ресурсов. Более того, оно оттянуло на себя несколько тысяч штыков и сыграло основную роль в поражениях и развале 2-й армии в начале осени 1918 года.

Последствия восстания отражались не только на характер первого периода гражданской войны в Удмуртии (май — ноябрь 1918 г.), но и во втором периоде (декабрь 1918 г. — июнь 1919 г.), поскольку в качестве агрессоров и интервентов выступали в числе многих сибирских дивизий и «свои родные» Воткинская и Сарапульская дивизии, Ижевская бригада Колчака, т. е. была такая обстановка, когда не только пришлые силы были врагами, но и нередко отец шел на сына, брат на брата. И как бывает во всяком человеческом противоборстве, противостояние и разделение по разные стороны окопов происходило не только по идейным принципам, но и по воле случая. Поэтому мы не можем утверждать, что весь состав трех крупных воинских соединений Колчака был убежденно антисоветским. Это было доказано и ими самими. Например, бунтом солдат Ижевской бригады на ст. Чишма в марте 1919 г. (Эйхе Г. Х. Уфимская авантюра Колчака. — М., 1960, с. 194) и последующими репрессивными мерами, примененными к ним Колчаком.

В силу особой специфики этого восстания буржуазные идеологи и социал-реформисты, ревизионисты всех мастей обратили на него особое внимание. Уже в ходе его различные идеологические махинаторы вроде Макдональдов (Джеймс Рамсей Макдональд — 1866—1937 — один из основателей и лидеров лейбористской партии в Великобритании) и Шейдеманов (Филипп Шейдеман — 1865—1939 — один из правых лидеров социал-демократической партии Германии) использовали его в идеологической обработке рабочих Европы. Под покровительством и вдохновлением одного из лидеров русского меньшевизма П. Б. Аксельрода по европейским странам разъезжали И. Уповалов (один из организаторов Ижевского восстания) и Г. Струмило — члены ЦК меньшевистской партии и развернули сбор денег среди рабочих Германии, труд-юнионов Англии и Шотландии в помощь ижевским повстанцам.

Немало внимания уделила этому восстанию и буржуазная историография. О нем писали А. Я. Гутман (Ган) — «Белое дело.

Летопись белой борьбы».— Берлин, 1927; Д. В. Лехович. «Белое против красного».— Нью-Йорк (на англ. языке); Джордж Стюарт. «Белые Армии России».— Нью-Йорк (на англ. языке) и др. В библиотеке института Войны, Мира и Революции им. Гувера (Стэнфорд, шт. Калифорния) имеется неопубликованная рукопись полковника Д. И. Федичкина — первого главнокомандующего мятежной армией Прикамского Комуча (на русском и английском языках).

Во всех трудах буржуазных историков, да и организаторов этого восстания, оно представляется как явление стихийное, рожденное в гуще народных масс, недовольных идеями Октябрьской революции и большевистскими действиями, как яркое свидетельство того, что рабочие России не желали Октября.

Что касается советской историографии, то она в основном ограничивается констатацией факта Ижевского контрреволюционного восстания, притом нередко оно называется ижевско-воткинским, что неправомерно, поскольку сам Воткинск был занят штурмом ижевскими мятежниками, хотя и не без помощи местных контрреволюционеров. В большинстве публикаций современности идет только описание поверхностных данных восстания. Небольшая часть трудов, изданных в 20—30-е годы (Н. Сапожников. Ижевско-воткинское восстание. «Пролетарская революция», № 8—9, 1924; Сергеев В. Л. Ижевск в огне гражданской войны.— Ижевск. 1927; Максимов В. А. Кулацкая контрреволюция и ижевское восстание.— Ижевск, 1933) более или менее подробно описывает ход восстания и некоторые причины, вызвавшие его и сопутствующие ему. В какой-то степени попытка расширить познания об истоках восстания, тактике контрреволюционеров сделана в книге Куликова К. И. «В боях за Советскую Удмуртию»². И все же уровень разработки данной проблемы нельзя признать достаточным и соответствующим современным требованиям. Слабо еще раскрыты социально-экономические, идейно-политические, моральные, межэтнические и внешнеполитические факторы восстания и совершенно не изучена тактика партии большевиков в борьбе за массы, особенно удмуртское население, с учетом этих факторов.

Опыт борьбы партии большевиков за национальные меньшинства, в особенности за удмуртский народ, в период революции и гражданской войны требует самостоятельного исследования. Этот опыт является ярким свидетельством того, как с первых же дней рождения Советской власти партия начала претворять в жизнь ленинскую национальную политику, как приобщала она национальные меньшинства к активной политической деятельности, поднимала их на революционные преобразования и защиту заво-

еваний Октября, сплавивая их в единую интернациональную семью. Все это имеет непреходящее значение и в наши дни.

Рассмотрим некоторые особенности социально-экономической, политической и межнациональной ситуации в Удмуртии в дооктябрьский период и ряд факторов, сопутствующих восстанию после Октября.

В экономическом отношении Удмуртия, с одной стороны, (сельская экономика) была крайне отсталой, а с другой стороны, (промышленное производство), представленное двумя основными заводами-гигантами (Ижевским и Воткинским) было довольно высокоразвитым с большой концентрацией капитала и рабочих. Вопреки установившемуся вульгарно-социологизированному мнению о том, что Удмуртия была отсталой окраиной царской России, все же она представляла из себя довольно высокоразвитый в промышленном отношении край. Всего на ее территории в 1909 г. был 51 завод с общим количеством работающих 57 тыс. человек с суммой производства в 57,8 млн. рублей. При этом на Ижевском казенном военного ведомства заводе тогда работало 6,7 тыс. человек, на Воткинском казенном — 5,4 тыс. чел.³. Концентрация капитала и рабочих на этих двух заводах была выше, чем в других уральских городах. До первой мировой войны только на ижевских заводах работало 12—15 тыс. человек, а в период войны число рабочих достигло до 40 тыс. человек⁴.

Рабочий класс по имущественному положению был весьма неоднородным. Царское правительство делало все, чтобы создать в среде коренных рабочих свою опору — рабочую аристократию. По специальному указу царя верноподданные рабочие, отслужившие 25 лет, награждались кафтаном, медалью и денежной премией. Большинство рабочих имело собственные дома, мелкокустарные мастерские, разводило домашний скот, имело покосы и лесные угодья. Население рабочих поселков Ижевского и Воткинского заводов по официальным данным считалось крестьянским. На этих заводах к концу XIX века имелось 8498 дворов мастеровых и оружейников (так называемых сельских обывателей). В их распоряжении находилось 18 373 десятины земли, т. е. по 2,4 десятины на хозяйство⁵. В 1899 г. для населения Ижевского и Воткинского заводов подворно-наследственное землепользование было подтверждено официально. По мере роста населения поселков этих заводов увеличивалось количество владельцев земель. По подворной переписи Вятского губернского земства в 1912 г. на Ижевском заводе было 6380 дворов, в которых проживало 47 438 чел.⁶. Коренные рабочие кроме заработной платы на казенном заводе имели различные доходы от домашнего ремесленного труда, от содержания скота и птицы. Многие рабочие содержали не только продуктивный скот, но и рабочих и выездных

лошадей, имели обширные покосы и дачные участки. Традиционно излюбленным праздником в Ижевске считались выезды на лошадях и скачки. Во время повышения заказов на военные заводы и притока рабочих с других мест рабочие-домовладельцы сдавали внаем жилплощадь и даже организовывали столование, беря за все это немалую плату. Общее число домовладений, в которых были квартиры, составляло в 1912 г. в Ижевске 5290, что равнялось почти половине квартир, которые имели все города Вятской губернии⁷. В. И. Ленин, анализируя положение рабочих Урала в своей работе «Развитие капитализма в России», ссылаясь на В. Д. Белова, приводит следующие слова: «Урал силен рабочим, которого воспитала «самобытная» история. Рабочий на других заграничных или даже петербургских фабриках и заводах чужд интересам этих заводов: сегодня он здесь, а завтра в другом месте, фабрика идет и он работает; барыши сменились убытками — он берет свою котомку и уходит также скоро и легко, как и пришел. Он и хозяин завода — два извечных врага... Совсем в другом положении рабочий уральских заводов: он местный житель, имеющий тут при заводе и свою землю, и свое хозяйство, и наконец, свою семью. С благосостоянием завода тесно, неразрывно связано и его собственное благосостояние. Идет завод хорошо — и ему хорошо; идет плохо — ему плохо, а уйти нельзя (sic!): тут не одна котомка (sic!); уйти — значит разрушить весь свой мир, бросить и землю, и хозяйство, и семью... И вот, он готов переживать годы, готов работать из половины рабочей платы, или, что то же, половину своего рабочего времени оставаться без работы... Словом, он готов идти со своим хозяином на всякие соглашения, «лишь бы только остаться при заводе»⁸.

Немаловажным обстоятельством в определении политической позиции ижевского рабочего было и то, что на этом заводе существовали полувоенные порядки. Начальником завода являлся обычно генерал, его помощниками — полковники, начальники мастерских также имели воинские звания. Местные рабочие имели бронь от призыва в армию, но при этом считались на царской службе и при неисполнении ими служебных обязанностей они могли быть подвергнуты наказанию по закону военного времени. Многие другие рабочие Ижевского завода были направлены сюда после призыва в армию и их пребывание на заводе считалось военной службой.

Первая империалистическая война привела к тому, что состав рабочего класса Ижевска довольно сильно изменился. Из воинских частей сюда было откомандировано 8447 солдат — бывших квалифицированных рабочих других (в основном центральных, питерских и украинских) заводов. Эта масса принесла с собой революционное настроение, играла положительную роль в разви-

тии революционного процесса в Ижевске. Одновременно на этот же завод прибыло почти такое же количество крестьян окрестных районов, оставленные от призыва в армию и получившие бронь. В составе этой части рабочих было большое количество мелкобуржуазных, кулацких элементов, которые путем различного рода действий добивались убежища от фронта. Материальные возможности этих кулаков, протекционизм и взяточничество, так сильно развитое в царской России, позволяли им занимать «теплые» места на заводе. Начальник жандармского управления по Сарапульскому уезду доложил в Вятку, что с началом войны на Ижевском заводе в качестве чернорабочих уже в июле 1914 г. оказались торговец бакалейными товарами М. О. Смоленцев, ижевский торговец мясом М. И. Евсеев, сын ижевского торговца скобяными и москательными товарами П. Ф. Шардаков, торговец села Кильмезь П. Е. Стяжкин. И все они приняты на завод «за вознаграждение при содействии мастеров»⁹. Одним словом, в годы империалистической войны вместе с оставленными на учете коренными рабочими Ижевска на заводе оказалось военнообязанных до 24 тыс. чел.¹⁰.

Такой разномастный состав рабочих явился той питательной средой, на которой сильно развивалось эсеро-меньшевистское движение. В 1918 г. в партии эсеров и меньшевиков в Ижевске насчитывалось около 3 тыс. человек.

Немалую роль сыграло и то, что ижевские заводы, как основные производители оружия, были объектом пристального внимания организованной российской контрреволюции. Еще в 1917 г. после свержения царя в Ижевск и Воткинск из центра было направлено несколько человек монархистов, которые после удачно проведенной операции по освобождению царя должны были поднять здесь восстание в поддержку монарха. В числе их был и ярый монархист, бывший полицмейстер Орла и Ельца, бывший агент петербургской полиции, награжденный лично царем золотыми часами, Г. Н. Юрьев (Бимман), который впоследствии стал командующим войсками мятежного Прикамского Комуча, а еще позднее командиром Воткинской дивизии Колчака, который наградил его Георгиевским крестом. Среди монархистов был и А. Я. Гутман (Ган), бывший редактор столичного «Биржевого Курьера», ставший редактором воткинской газеты.

Ввиду неудавшейся операции по освобождению царя после его расстрела монархисты вошли в союз с агентами Б. В. Савинкова, которые действовали в Ижевске и Воткинске под видом Союза фронтовиков. Этот Союз только в Ижевске насчитывал 3500 членов и более 425 из них были бывшие царские офицеры, подвизавшиеся на заводе на различных должностях¹¹. Вокруг Союза фронтовиков как наиболее реальной и мощной силы в борьбе с

большевиками объединились эсеры и меньшевики, представители и члены Центрального комитета которых также в немалом количестве прибыли в Ижевск и Воткинск и исподволь готовили мятеж.

Восстание в Ижевске, как подтверждают его участники и руководители А. Я. Гутман (Ган) и Д. И. Федичкин¹², исподволь готовилось по всем правилам военной науки. Так, Федичкин Д. И. в своей рукописи пишет: «В целом ряде конспиративных собраний наиболее деятельных членов организации (подпольная фракция «Союза фронтовиков», состоящая в основном из старших офицеров — К. К.) было решено: подчиниться мобилизации лишь в том случае, если мобилизованным тут же дадут вооружение и обмундирование, чтобы затем поднять вооруженное восстание». Другие иностранные исследователи обращают внимание на социально-классовую основу ижевского мятежа. Так, Дмитрий В. Лехович в книге «Белое против красного» (Нью-Йорк, Нортон и К^о) пытается представить жизнь рабочих и крестьян в Удмуртском крае до революции как идиллическую картину: «Крестьяне этого района работали на заводах, но в свободное время занимались сельским хозяйством и ручным ремеслом. Когда эти трудолюбивые и преуспевающие люди взялись за оружие, они оказались самыми стойкими отрядами борцов против коммунизма. Эти подразделения были единственными во всех белых армиях, которые полностью состояли из заводских рабочих¹³. Хотя утверждение слишком категорично и написано больше с пропагандистской целью, но с буржуазным автором можно согласиться в том, что основную часть мятежных войск все же составляли рабочие, входящие в привилегированную касту (рабочая аристократия) и бывшие крестьяне — сынки кулаков, скрывшиеся на заводе от войны по брони.

Имелось некоторое своеобразие и в экономическом положении коренного населения Удмуртии. В начале XX века удмуртов насчитывалось около 400 тысяч человек. В пределах будущей Удмуртской автономной области они составляли 55% населения. Русских здесь было около 30%, остальную часть составляли бесермяне, говорящие на удмуртском языке и находящиеся по своему политическому и социально-экономическому положению на одном уровне с удмуртами. Небольшое количество татар, проживающих здесь, были в более привилегированном положении, чем сами коренные жители.

Абсолютное большинство удмуртов (99,9%) было занято земледелием и проживало в деревнях и починках. Потомственных дворян-удмуртов не было, но были дворяне личные и им близкие по сословию — потомственные и почетные граждане и купцы. Число удмуртов-дворян и почетных граждан по переписи

1897 г. составляло 6 чел., купцов — 3 чел., духовных лиц — 4 чел. В торговле было занято всего 77 человек, мелких ремесленников — 317 чел. Рабочего класса и интеллигенции у удмуртов не было. Учебной и воспитательной деятельностью были заняты 53 человека, врачебно-санитарной — 14¹⁴.

Классовое расслоение в деревне происходило почти также, как и в других губерниях России. В конце XIX века в 4-х уездах Вятской губернии, входящих ныне в Удмуртию, арендующих дворов было 48 575, арендовано ими 184 259 десятин земли. Наибольшее количество арендующих дворов было в Сарапульском уезде — 17 534, они арендовали 100 753 десятины земли¹⁵. В. И. Ленин в работе «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» писал: «Такое явление, как сдача крестьянами наделной земли, еще более наглядно показывает капиталистические отношения внутри общины, разорение бедноты и обогащение меньшинства за счет этой разоряющейся массы»¹⁶.

Перед первой империалистической войной экономическое и классовое расслоение удмуртского крестьянства еще более усиливалось. Из 164 тыс. хозяйств 4 уездов Вятской губернии более 8 тысяч было безземельных, 7,5 тыс. имели от 1 до 5 десятин (9%), более 3 тыс. хозяйств вообще не имело скота, 6,4 тыс. были без лошадей и 8 тыс. — без коров, однолошадных хозяйств было 20,4 тыс. (13%)¹⁷.

Анализируя это положение крестьян, В. И. Ленин писал: «...Известно, что такое безлошадный крестьянин в России... Известна также нужда и нищета крестьянина однолошадного... все это население — пауперы, нищие, наделенные ничтожными клочками земли, с которых нельзя жить, на которых можно только умирать голодной смертью»¹⁸.

Империалистическая война тяжелым бременем легла на плечи удмуртского крестьянства. По мобилизации в армию Вятская губерния стала на третьем месте в России¹⁹. В результате первой мобилизации, объявленной 14 мая 1914 г. по пяти уездам Вятской губернии, в т. ч. по Глазовскому, Елабужскому, было мобилизовано 45 тыс. чел., а через неделю призвано около 70 тыс. человек, из которых 90% составляли крестьяне. Менее чем за месяц вятская деревня потеряла более 100 тысяч человек, или до 28% мужской рабочей силы²⁰.

Для многих бедняцко-середняцких хозяйств уход основного работника на фронт означал быстрое и полное разорение. Вместе с мобилизацией людей проходила военно-конская мобилизация, реквизиция повозок и упряжи. Это под корень подкашивало и без того нищенскую базу бедняцко-середняцких хозяйств²¹.

В 1916 г. на территории, которая вошла в административные пределы Удмуртии, было 105 тыс. хозяйств. 25 тыс. из них оста-

лись без работника, с одним работником — 51 тыс. хозяйств, 5,7 тыс дворов вообще не имели скота²². Таким образом, две трети хозяйств в Удмуртии были на грани полной нищеты. Но несмотря на это, царское правительство проводило усиленные реквизиции зерна и скота. По разнарядке на 1916 г. уезды, которые вошли в состав Удмуртии, должны были поставить 18,8 тыс. голов скота. Во второй половине 1916 г. наряд на скот был увеличен в три раза. Реквизиции зерна привели к тому, что только по Глазовскому уезду в 1915 г. недоставало 172 тыс. пудов семенного овса.

В связи с тем, что в Удмуртии находилось два крупных завода, работающие на войну, крестьянское население всех четырех уездов было приписано к этим заводам на принудительные работы по заготовке леса, где было занято свыше 10 тысяч удмуртских крестьян. Работа в лесу была равносильна каторжной. Она не прекращалась ни зимой, ни летом и вконец разорила крестьян, доводила до актов отчаяния, столкновений с полицией. Вятский губернатор по этому поводу инструктировал: «При отказе населения от выполнения принудительных нарядов, виновные должны нести суровую ответственность по законам военного времени»²³.

Дополнительно ко всему этому правительство давило удмуртских крестьян непомерно большими налогами. Если в 1913 г. налоги в Вятской губернии составляли 3,6 млн. рублей, то в 1915 г. — 12 млн. рублей²⁴.

Война принесла массовые эпидемические болезни. Только в деревнях Вятской губернии в 1914 г. умерло около 50 тыс. детей, а в 1915 г. — 105 тыс. детей²⁵.

Царское самодержавие проводило в отношении инородцев дискриминационную политику, которая распространялась на все области жизни. Например, вследствие запретов приема удмуртов в учебные заведения грамотность среди них в конце XIX века была на крайне низком уровне: среди мужчин — 5%, а женщин — 0,2%. Получивших образование выше начального было 23 мужчины и 9 женщин. Грамотность среди русского населения края была тоже на довольно низком уровне, но она составляла в общей среде населения 17,5%, а получивших образование выше начального было почти 18 тыс. чел.

В связи с развитием капитализма производство нуждалось в грамотных людях и царское правительство вынуждено было открывать школы. К концу 1914 г. в Вятской губернии уже работало 2590 начальных народных училищ, в которых обучалось 155 тыс. учащихся обоего пола и среди них 22 тыс. удмуртов, в церковно-приходских школах было 27,5 тыс. удмуртов, высших начальных училищах и женских прогимназиях — 177 удмуртов, средних учебных заведениях обучалось уже 19 мужчин и 44 жен-

щины, профессиональных учебных заведениях было 70 удмуртов. Таким образом, в 1914 г. обучалось всего почти 50 тыс. удмуртов²⁶. До революции грамотность среди мужчин удмуртов составляла уже 14 %, а среди женщин — 0,04 %²⁷.

Существовала и экономическая дискриминация. Лучшие сенокосные и лесные угодья в Удмуртии царскими указами были отобраны для заводов. Всего несколько тысяч человек из рабочей аристократии — заводских мастеровых имело 191 тыс. десятин. Остальная часть из 1,2 млн. десятин леса принадлежала казне²⁸. При наличии огромного количества лесов крестьяне нередко вынуждены были заготавливать дрова за 60 и более километров от дома.

Царские власти искали различные способы «выпускания пара» из котла народного возмущения, противодействовали сплочению трудящихся различных национальностей в революционной борьбе. Наглядным свидетельством этой политики явилось печально знаменитое Мултанское дело по обвинению удмуртов в человеческом жертвоприношении, всколыхнувшее не только удмуртский край, но и всю Россию. Начало этому судебному процессу было положено местными жителями русскими, которые намеревались этим путем изгнать коренных жителей удмуртов с плодородных земель, чтобы занять их. Земельные раздоры между национальными группами, особенно в Елабужском уезде, были явлениями нередкими даже после Октябрьской революции²⁹.

В межэтнических отношениях все еще продолжали проявляться остатки феодального крепостничества. В Глазовском уезде, например, татарская деревня Кестым собирала оброк с окружающего удмуртского населения в радиусе нескольких десятков километров. Это было наследием бесправного права феодального владычества бывших каринских мурз. Оброк собирался и поддерживался только террором, угрозами и при любом неповиновении наступала расправа. В апреле 1918 г. кестымские татары совершили боевой набег на удмуртскую деревню Трубашур, побили скот, сожгли дома и усадьбы. Были даже человеческие жертвы. И все это делалось под видом «защиты ислама»³⁰.

Официальная царская политика национальной дискриминации и угнетения обострялась действиями многочисленных чиновников царского режима, которые считали, что они могут творить в среде удмуртского народа почти все, что им вздумается. Свидетель такого полубытового, полуофициального явления политссыльный А. И. Герцен в свое время писал: «Настоящий клад для земской полиции — это вотяки, мордва, чуваш... Исправники дают двойной окуп губернаторам за назначение их в уезды, населенные финнами. Полиция и чиновники делают невероятные вещи с этими бедняками. Землемер ли едет с поручением через вотскую дерев-

ню, он непременно в ней останавливается, берет с телеги астролябию, вбивает шест, протягивает цепь. Через час вся деревня в смятении».

Поскольку у удмуртов часто отбирали земли, они привыкли появление фигуры землемера олицетворять с этим бедствием. Шли по дворам и собирали, чтобы откупиться. Землемер забирал свою астролябию и переходил в другую деревню, чтобы повторить подобное.

«Попадется ли мертвое тело исправнику со становым,— пишет далее А. И. Герцен,— они его возят две недели, пользуясь морозом, по вотским деревням, и в каждой говорят, что сейчас подняли и что следствие и суд назначены в их деревне. Вотяки откупаются». «Даже поп,— продолжает А. И. Герцен,— превращается здесь «в духовного квартального». «Года через два-три исправник или становой отправляются с попом по деревням ревизовать, кто из вотяков говел, кто нет и почему нет. Их теснят, сажают в тюрьму, секут, заставляют платить требы... духовный сыщик и земский миссионер делают «черные дня», потом уезжают, оставляя все по-старому, чтоб иметь случай через год-другой снова поехать с розгами и крестом»³¹.

Даже такое безобидное и полезное дело, как оспопрививание,— писал Н. Е. Салтыков-Щедрин,— земскими фельдшерами превращено в особый спектакль с устрашением неграмотных людей, когда последние предпочитают откупиться, но не делать прививки. В. Г. Короленко утверждал, что любой человек — русский, одетый в сапоги, может обобрать до нитки удмуртскую деревню путем угроз и шантажа.

В такой обстановке удмурт-крестьянин видел, что любой представитель власти, жандарм, землемер, да и священник, любой русский и татарин могут с ним делать что угодно: ограбить, оклеветать, осудить, побить и даже убить. И среди основной массы политически неграмотного удмуртского населения, порой неспособного провести в межнациональных отношениях разграничительную линию между царским самодержавием или его наследием и русским народом, проявлялось и антирусское настроение, боязнь и неприятие многого, что исходило от русских или других наций, желание уединиться и укрыться в своей общине, аполитичность и национальная ограниченность.

На характер производственных и общественных отношений в удмуртской деревне оказывали большое влияние остатки патриархально-родовых отношений удмуртов и то, что местное кулачество, усиливающееся с каждым годом, весьма умело использовало в своих целях орган местного самоуправления — кенеш (совет старейшин), который состоял из глав семейств (кузё) и ведал административно-хозяйственными и судебными делами общины,

существова с официальными государственными органами подавления: судами, прокуратурой, земством. Удмуртский крестьянин безропотно подчинялся кенешу по многим причинам. Во-первых, кенеш явился продолжением родового совета, освященного канонами языческой, а затем и христианской веры; во-вторых, в этом народе издревле воспитывалось уважительное отношение к трудолюбивым хозяевам, которые были в основном состоятельными. Эти хозяева, как правило, выбирались в кенеш; в-третьих, кенеш помогал слабым хозяйствам в нужде при стихийных бедствиях, содержал сирот, имел всегда под своей властью общественный фонд зерна (магазею) и денег; в-четвертых, кенеш хоть в какой-то степени помогал в защите удмуртов от национальной дискриминации, или путем вынесения общественного приговора. т. е. написания протокола и обращения к царским властям с жалобой на обидчика, что бывало довольно редко; или сбора денег для откупа и подачек, что практиковалось чаще.

Кенеш распространял свою власть только на одну деревенскую общину, но в необходимых случаях, например, при устройстве общих дорог, мостов, изгородей могли собираться и советы старейшин нескольких деревень и принять общее решение. Все решения кенеша были обязательными для каждого удмурта и при неподчинении кенеш мог подвергнуть человека жесточайшему наказанию — публичной порке или изгнанию из общины, лишению всяких имущественных прав. Особо тяжкими преступлениями считались воровство и изнасилование, за что устраивалось общее избиение вплоть до смерти. В начале XX века и, особенно в годы первой империалистической войны, в связи с усиливающимся классовым расслоением в удмуртской деревне кенеш все больше превращался в классовый орган. Хотя по принципу он был выборным, но традиционно избирался из состоятельных хозяев-кулаков. Именно благодаря решениям этих кенешей беднейшая часть удмуртского крестьянства была отправлена в армию на передовые позиции, а сынки зажиточного кулачества оказались на ижевских военных заводах. При переделах земли кенеш в основном применял принцип дележа сообразно с состоянием членов общины. Кто мог платить податей больше, тому и земли давалось больше, что внешне выглядело вполне логичным, ибо подати правительством налагались в целом на всю деревню.

Даже после Октябрьской революции в большинстве волостей Глазовского, Сарапульского уездов кенешы противостояли организации комитетов бедноты, установлению Советской власти. Так, на IV уездном съезде в Глазове, открывшемся 20 января 1918 г., по докладам с мест было установлено, что в 11 волостях уезда власть находилась в руках волостных земских управ³², поддерживаемых кенешами в деревнях. 7 июля население Балезинской

волости, собравшись в селе Балезино в количестве около 1500 человек, единогласно постановило: «Деревенские комитеты и делегатов волостного совета упразднить... Наложенный на разных лиц чрезвычайный налог по Балезинской волости сложить, взысканные деньги возвратить обратно по принадлежности... Учрежденные должности военных комиссаров упразднить...»³³. При распределении чрезвычайного налога почти повсеместно кулацкая верхушка стремилась основную часть его взвалить на плечи середняков и бедняков. Наряду с такими скрытыми формами борьбы против Советской власти в начале 1918 г. в Удмуртском крае наблюдались уже открытые выступления. На первых порах они были направлены прежде всего на дискредитацию Советской власти. Контрреволюционные элементы организовывали шайки бандитов, грабивших крестьянское население. Эти банды носили на рукавах красные повязки, называли себя красногвардейцами и открыто грабили население. У кулачества появился формальный повод для организации самообороны населения от «красных бандитов».

Противниками Советской власти использовались любые приемы в борьбе с нею, особенно допущенные ошибки. Они повели атаку на Советы, обвиняя их в том, что они грабят Удмуртский край, отнимают весь хлеб. Для этого были некоторые основания. В августе 1918 г. губернское продовольственное совещание отмечало, что «...только за 2 недели собрано 308 тыс. пудов хлеба, из них 81 вагон отправлен в Москву, в Сарапульском уезде — 65 тыс., в Елабужском — 15 тыс., в Глазовском — 58 939 пудов. В целом по Вятской губернии за это время собрано около полутора миллиона пудов, что составляло четвертую часть хлеба, заготовленного по стране»³⁴.

Такой интенсивный сбор хлеба не мог не оказать влияния на настроение крестьян и их отношение к Советской власти. А достаточной агитационной работы в крае не было. Большевистские идеи распространялись небольшим отрядом учителей и солдат, прибывающих с германского фронта. Но повлиять на сознание удмуртского народа, в основном безграмотного, в массовом масштабе они не могли. Позднее член Реввоенсовета 2-й армии С. И. Гусев, анализируя положение в Удмуртском крае, напишет, что «во многих деревнях не было за все время революции ни единого митинга, газеты и литература сюда не проникали»³⁵.

В то же время в Вятской губернии, особенно в Удмуртском крае, довольно сильное влияние имели социал-революционеры.

Эсеры в тактике работы использовали не только приемы заигрывания с крестьянством, но и по национальным вопросам. Используя вековую мечту удмуртов о национальном освобождении и нерешенность проблем национального развития, в первые месяцы после Октябрьской революции они нападали на партию

большевиков, на Советскую власть, утверждая, что она не стремится улучшить положение удмуртского народа.

Уже в середине 1917 г. по отдельным уездам Удмуртского края проводятся съезды и конференции национальных меньшинств, в том числе удмуртов, начинает организовываться печатное дело, открываются первые национальные школы. Во многих вновь создаваемых органах главенствующее положение занимали представители зажиточных слоев населения, интеллигенции, примыкающей к партии эсеров. Эсеры организовали выпуск газеты «Виль Синь» («Новое Око») — средство идеологической обработки крестьянства с явно выраженной антирусской и даже антисоветской направленностью. Так, в № 8 за 16 апреля 1918 г. газета писала: «Когда появилась свобода, мы были рады и думали, что действительно заживем свободной жизнью. Нам дадут землю, наши налоги пойдут на наши же нужды, по-своему будем молиться, по-своему будем просвещаться. Прошел год, ни того, ни другого нет... Нас обманывали, чтобы тянуть за собой. Поставили нас в худшие условия, чем это было даже при Николае II». Газета призывала к классовому примирению удмуртов и давала весьма продуманные советы противодействия продналогу и продразверстке. «Если излишки от имущих возьмет государство, то беднота будет обречена на голод, так как государство их все равно продовольствием не обеспечит,— писала газета.— Поэтому богачи должны сейчас же свои запасы распределить среди бедноты взаимобразно... Живите между собой в мире, договоритесь на «кенеше». Если будет между вами вражда, то останетесь без хлеба»³⁶. Далее газета уже давала указания о необходимости вооружения и создания боевых дружин для самозащиты. И когда в начале августа в Ижевске произошло контрреволюционное восстание, возглавляемое Союзом фронтовиков и поддержанное меньшевиками и эсерами, вся эта пропагандистская работа возымела свое воздействие и мятеж за считанные дни распространился далеко за пределы Ижевска. На севере он достиг Игры, на западе — до Селтов и Сюмсей, на юге — до г. Камбарка, а на востоке — до линии р. Камы.

Но для того, чтобы выступить в открытой схватке с Советской властью, необходимы были более весомые силы и уверенность в том, что будет одержана победа. Для того, чтобы реализоваться субъективным факторам, как это нередко бывает в истории того или иного явления, необходимо было наступление ряда сопутствующих факторов, которые в истории гражданской войны в Удмуртии и ее характере стали по существу не побочными, а главными. Эти факторы: наступление армии Дутова в начале 1918 г., мятеж чехословацкого корпуса весной 1918 г., активизация русской контрреволюции, начало белого движения и объединение его

с иностранной контрреволюцией, серия мятежей, организованных Союзом защиты родины и свободы Савинкова, падение Казани 6 августа 1918 г., вследствие всего этого направление нескольких коммунистических отрядов по 500 и 1000 человек на Дутова, на чехословаков и под Казань, ослабление революционного ядра рабочего класса за счет мобилизации на фронт, а также за счет ухода почти 8 тыс. рабочих центральных областей из Ижевского завода, работавших с момента первой мировой войны и вплоть до революции по воинскому призыву.

Какую же работу проводили большевики в борьбе за массы в Удмуртском крае в ходе гражданской войны?

Известно, что ленинская тактика и стратегия в отношении к нациям и народностям России в контексте тактики и стратегии революционной работы РСДРП была разработана задолго до Октябрьской революции. В. И. Ленин рассматривал национальный вопрос как подчиненный общему вопросу о социально-политическом прогрессе общества и исходил из того, что главным в этом вопросе является объединение трудящихся вне зависимости от национальной принадлежности в борьбе против царского самодержавия, за революционное преобразование общественно-политического строя России.

Еще в «Проекте программы Российской социал-демократической рабочей партии» (1902) в качестве основы решения национального вопроса В. И. Лениным, как стратегическая задача партии, была выдвинута идея о праве нации на самоопределение, т. е. свободное установление каждой из них различных форм отношений с другими народами (добровольное объединение в едином государстве, автономия, федерация и другие, вплоть до отделения и образования независимого государства), а также самостоятельное решение всех вопросов своего внутреннего устройства (общественный строй, форма правления и т. д.).

Вторым основополагающим принципом в стратегии партии по национальному вопросу было то, что в такой многонациональной стране, как Россия, решение национального вопроса являлось неразрывной составной частью общеполитической задачи борьбы пролетариата за власть. В свою очередь, эта задача тесно увязывалась и с общемировым революционным процессом. Позднее В. И. Ленин об этом принципе писал так: «Было бы непростительным оппортунизмом, если бы мы накануне выступления сотен миллионов народов Азии, которой предстоит выступать на исторической авансцене в ближайшем будущем, вслед за нами... подрывали свой авторитет среди него малейшей хотя бы грубостью и несправедливостью по отношению к нашим собственным инородцам»³⁷.

При решении практических задач по подъему национальных меньшинств на борьбу за защиту завоеваний революции В. И. Ле-

нин требовал от партийных и государственных органов, а также руководителей создающейся Красной Армии проявления максимальной чуткости, выдержки и терпения.

«Для пролетария,— писал В. И. Ленин,— не только важно, но и существенно необходимо обеспечить его максимумом доверия в пролетарской классовой борьбе со стороны инородцев. Что нужно для этого? Для этого нужно не только формальное равенство. Для этого нужно возместить так или иначе своим обращением или своими уступками по отношению к инородцу то недоверие, ту подозрительность, те обиды, которые в историческом прошлом нанесены ему правительством «великодержавной» нации»³⁸.

В ходе подъема и приобщения национальных меньшинств на революционные преобразования партия должна была решать одновременно ряд практических задач. В первую очередь, необходимо было довести до сознания инородцев суть революции. Поскольку у них в основном отсутствовал собственный рабочий класс и совершенно малочисленной была прослойка членов большевистской партии, ведущую роль в этом деле должен был сыграть русский рабочий класс и выступать при этом как подлинная интернациональная сила, поднимающая и классовое, и национальное самосознание инородцев.

Главной политической и экономической предпосылкой были ликвидация частной собственности, системы капиталистической эксплуатации, а вместе с этим и национального гнета, формирование социалистического образа жизни наций. Достижение этих целей могло быть только при установлении диктатуры пролетариата, что могло сыграть в сознании удмуртского крестьянства не только положительную роль, именно в силу того, что для уяснения глубинных задач этой диктатуры нужна была не только огромная разъяснительная работа, но и практическая деятельность положительно отражающаяся в жизни удмуртского крестьянства.

Одной из самых действенных мер явилось то, что без малого 2 млн. десятин земли, числящейся за крестьянами в соответствии с Советским декретом о земле были переданы крестьянам в бесплатное пользование. Кроме того, крестьяне получили 304 тыс. десятин частновладельческих, церковно-монастырских земель и земель кулацкого банка. Они были освобождены от уплаты недоимок прошлых лет по государственным окладным земским сборам и выкупным платежом за землю. Только по двум уездам (Глазовский и Сарапульский) было списано 939 423 рубля недоимок³⁹.

И все же эти меры коренным образом не могли еще повлиять на сознание удмуртского народа. Анализируя социально-экономическое положение в этом крае, член Реввоенсовета 2-й армии С. И. Гусев писал: «Помещичьего землевладения здесь не было,

а потому и революция не внесла в жизнь этого района крупных изменений»⁴⁰. В основном удмуртские крестьяне землей пользовались общинным способом. Послереволюционный передел земли не был произведен. А если где-то он по инициативе деревенских активистов начинался, встретив активное сопротивление зажиточных слоев и кулаков, не доводился до конца.

Вторым наиболее существенным фактором и условием подъема революционного сознания удмуртов было решение национального вопроса, удовлетворение вековой мечты этого народа иметь свою государственность, развивать национальную культуру, встать в один ряд со всеми другими нациями и народностями.

Для осуществления национального строительства партия нашла небывалую в истории народов форму промежуточной власти между новым государством и национальными меньшинствами.

Основным органом, при помощи которого большевистская партия проводила свою национальную политику среди инородцев России, явился Народный Комиссариат по делам национальностей (Наркомнац), созданный на следующий же день после Октябрьской революции, т. е. 8 ноября 1917 г., декретом 2-го Всероссийского съезда Советов. Он был призван реализовать национальную политику Советской власти, основы которой были изложены в Декларации прав народов России, объединить трудящиеся массы разных национальностей на борьбу с врагами Советской власти, вести работу по советскому национально-государственному строительству.

В апреле 1918 г. Наркомнац установил непосредственную связь с удмуртскими коммунистами, в результате чего была разработана конкретная программа действий по возрождению удмуртского народа. Во исполнение этой программы 26—27 июня 1918 г. в г. Елабуге состоялся I Всероссийский съезд удмуртов, на котором присутствовало 78 делегатов от 9 уездов Вятской, Казанской, Пермской и Уфимской губерний⁴¹.

Горячо приветствуя национально-освободительную политику Советской власти, съезд единодушно выразил желание трудящихся масс удмуртского народа войти в состав РСФСР. В специальном решении по этому вопросу указывалось, что удмурты, входя в состав РСФСР, должны соблюдать единение с русским народом и составлять с ним единое государство.

Идея образования автономной государственности стала огромной притягательной и мобилизующей силой для удмуртского народа. В материалах съезда говорилось: «Все народы, и крупные, и мелкие, многочисленные и малочисленные, составят общий союз, и тогда земля наша (российская) будет землей союза народов, где у каждой народности, каждой нации будет свое управление (внутреннее), свой суд, свои законы, свой язык, свое образование

и свое правительство. Только тогда, когда каждой народности будет предоставлено свое полное самоуправление (внутреннее), проснутся спящие народы и быстрыми шагами пойдут по пути прогресса, только тогда все народы и мы, удмурты, в частности, быстрыми шагами пойдем вперед по пути цивилизации...

Пришла свобода, пришла федерация, пришли самоопределение и самоуправление. Какие великие, святые слова на знамени Великой Революции! Так проснитесь же угнетенные народы! Эти великие лозунги великих людей касаются нас, и наша святая обязанность осуществить их не только на словах, но и на деле. Своя школа, своя культура! Вдумайтесь, сколько радости в этих словах»⁴².

31 июля 1918 г. на заседании Наркомнаца было принято постановление об образовании Удмуртского отдела, а заведующим его был утвержден один из стойких большевиков, интернационалист М. П. Прокопьев.

Задачи Удмуртского отдела определяло специальное Положение, в котором указывалось, что «Учрежденный при Наркомнаце Вотский отдел в своей деятельности преследует цель создания тесного союза вотского народа со всеми национальностями, живущими в РСФСР, устранения всякого недоверия к русским, которое могло быть порождено политикой царского правительства, вовлечения масс в политическое, культурное строительство и к выполнению в полной мере задач республики наравне со всем трудящимся народом РСФСР»⁴³.

Нельзя сказать, что эта работа проходила без борьбы, с полным пониманием всех слоев населения. На VI Малмыжском уездном съезде, где ряд волостей имели 50—70% населения удмуртов, были выступления и такого рода: «Прежде чем создавать особый отдел по национальным делам вотяков, нужно было деятелям поработать над поднятием культурного самосознания вотяков. ...Поставьте первоначально эту национальность на ноги, а потом уже говорите о представительстве»⁴⁴.

И все же удмуртские отделы в уездах были созданы.

Опираясь на «Положение о Вотских организациях Наркомнаца», программные документы, Удмуртский отдел развернул широкую и разностороннюю работу среди удмуртского населения. Инструкторы, делегаты I Всероссийского съезда удмуртов, агитаторы-коммунисты, учителя разъясняли населению решения Всероссийского съезда, политику большевистской партии по национальному вопросу, вовлекали массы в хозяйственное и культурно-политическое дело. Выпускались книги и брошюры на удмуртском языке. Но литературы не хватало. Удмуртский отдел Наркомнаца при непосредственной помощи местных партийных и советских организаций начал выпускать газету «Гудыри» («Гром»)

на удмуртском языке в г. Елабуге. В Ижевске на русском языке выходила «Ижевская правда», тоже большое внимание уделяющая национальной политике Советской власти, ведущая непримиримую борьбу с проявлениями великодержавного шовинизма.

К осени 1918 г. деятельность Удмуртского отдела Наркомнаца приходит в некоторый упадок, связанный прежде всего с развернувшейся в крае гражданской войной, а затем и интервенцией. 8 августа 1918 г. белогвардейцы и эсеры в союзе с меньшевиками в Ижевске подняли мятеж, который в считанные дни распространился и вширь и вглубь и захватил более половины будущей территории Удмуртии с населением почти 0,5 млн. человек.

Основной задачей большевиков края стало создание частей регулярной Красной Армии для восстановления Советской власти, борьба за массы, особенно удмуртское население, которое усиленно обрабатывалось белоэсерами в антибольшевистском духе.

Вятский губисполком принял решение о создании Особой Вятской дивизии, назначил ее командиром губвоенкомиссара С. И. Малыгина. Формирование дивизии шло в неимоверно трудных условиях, Ижевское восстание быстро разрасталось, захватывая одну волость за другой и лишая большевиков резервной базы. Малыгин принимает решение перебраться с небольшим отрядом в г. Глазов, вокруг которого в основном проживает удмуртское население, и провести там мобилизацию. В это время вокруг Глазова одно за другим происходят контрреволюционные выступления. Ижевские белогвардейцы доходят до с. Святогорья, что в 40 километрах от Глазова, в Афанасьевской и Понинской волостях, расположенных севернее города, также происходят контрреволюционные восстания. Кулачье — это, по определению В. И. Ленина, самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплуататоры — повсюду поднимало теперь голову и нужно было против них принимать быстрые и решительные меры. Удмуртское население в силу многих причин, рассмотренных нами выше, было не в состоянии создать отряды самообороны и организовать достойный отпор белогвардейцам и кулакам. В силу своей психологии оно на первых порах относилось ко всем происходящим событиям выжидательно, а порой склонялось к поддержке контрреволюционных сил. Этому в немалой степени служили и вол-исполкомы, куда в большинстве своем пробрались контрреволюционные и кулацкие элементы, а также удмуртские кенеши.

Немалую роль играло, очевидно, и то обстоятельство, что ижевские белогвардейцы за короткое время сумели собрать и поставить под ружье большую армию. К началу сентября белогвардейцам удалось вооружить и обучить формирования общей

численностью до 12 тыс. человек, а к 20 октября — до 20 тыс. Притом 6 тыс. из них были в Воткинске. У ижевцев, по данным разведки, было 12 орудий, у воткинцев — 3 ⁴⁵.

Такая внушительная сила оказывала большое психологическое воздействие, что и определило позицию и поведение многих местных жителей. Тем более неоднократные попытки освободить Ижевск и Воткинск силами отрядов А. М. Чеверева со стороны Агрыза, В. А. Антонова-Овсеенко — со стороны Гольян и Ю. Ю. Аплока — со стороны Бабок и Степанова оканчивались поражением.

Мятежники вели усиленную агитационную работу среди местного населения, запугивали его, рассказывая о зверствах, якобы творимых большевиками, особенно латышами, мадярами и китайцами.

Ухудшение дел на фронте 2-й и 3-й армий вынуждает вести в Удмуртском крае усиленную мобилизацию наиболее активных сторонников Советской власти на фронт, для ведения партизанской борьбы и для партийно-политической работы как в армии, так и на местах.

Ввиду того, что в связи с приближением чехов, а затем с мятежом в Ижевске комитеты бедноты в Удмуртии, как и деревенские партийные ячейки, в большинстве волостей не были созданы, в местные советские органы пробрались многие кулацкие элементы. Алнашская, Б.-Кибинская, Ильинская, Александровская волости, расположенные на юге Удмуртии, переживали хаос и безвластие. Пользуясь этим, здесь также захватили власть кулаки и контрреволюционные элементы ⁴⁶.

В этих условиях тактика большевиков в отношении органов Советской власти на местах была изменена. Крестьянские совдепы были разогнаны и заменялись комитетами деревенской бедноты ⁴⁷. Организация комитетов шла усиленно и без особых препятствий. К 27 октября 1918 г. в 31 волости Глазовского уезда было создано 1062 деревенских комитета бедноты ⁴⁸. К концу 1918 г. они были созданы по всей Удмуртии, взяли на себя всю работу по мобилизации населения на фронт, заготовке и отправке хлеба, ведение массово-политической работы, а также решение национальных проблем.

В середине ноября 1918 г. в Вятке, поскольку национальных кадров для работы среди удмуртского населения остро не хватало, губернским отделом управления были открыты курсы для удмуртов и мари. Притом на курсы направлялись не менее чем по одному представителю от каждой волости ⁴⁹.

Особенно активизировалась политработа среди местного населения после создания Политотдела 2-й армии во главе с А. П. Кучкиным. За короткий срок, 3 недели, Политотдел создал 197 коми-

тетов бедноты. В каждом комитете создавались библиотеки. В Елабуге и Сарапуле были созданы подотделы Политотдела. В Политотделе армии учреждены национальные секции: татарская, марийская и удмуртская. Изданы брошюры: три на татарском и по одному — на удмуртском и марийском языках по 10 тыс. экз. В октябре 1918 г. Политотдел армии ежедневно распространял по 10 тыс. экз. газет и свыше 2 тыс. экз. брошюр⁵⁰. Только за 1 месяц, с 4 ноября по 4 декабря было распространено свыше 1 млн. экз. газет, воззваний и брошюр⁵¹. На удмуртском языке издавались газеты «Горд солдат», «Горд гырлы» («Красный колокол»). Политотдел оказывал всяческое содействие в продолжении работы по созданию ведущей удмуртской газеты «Гудыри» («Гром»). Среди местного населения армейские комиссары готовили грамотных, политически зрелых партийных работников, отлично знающих местные условия, обычаи, язык, пользующихся доверием, для работы в местных советских органах, комитетах бедноты.

4 декабря 1918 г. в Вятских Полянах прошла 1-я общеармейская конференция РКП(б) 2-й армии. Конференция детально обсуждала тактику Красной Армии в отношении местного населения. В резолюции подчеркивалось: «Политотдел должен разработать более конкретный план организационной работы как среди Красной Армии, так и среди местного населения, создавая для этой работы активных работников с помощью партийных школ, специальных курсов, которые должны быть немедленно организованы»⁵².

Для ликвидации сплошной неграмотности, особенно среди удмуртов, Политотдел армии вместе с Советами создавал краткосрочные курсы. Были открыты две школы политических инструкторов и совпартшкола.

Для ведения политико-воспитательной работы в Удмуртском крае из Москвы, Петрограда, из 3-й армии были направлены видные партийные работники Гусев С. И., Штернберг П. К., Сокольников Г. Я., Кузьмин Н. Н., Азарх Р. М. и другие. Десять опытных политработников-большевиков с дореволюционным стажем партийной работы были направлены во 2-ю армию. Среди них Пылаев Г. Н., Маленков Е. М., Сергеев В. И., Аронштам И. Н. и другие. Все партийные работники, хотя и были прикреплены к определенным дивизиям и полкам, как комиссары, вели политработу не только в частях армии, но и в партизанских отрядах, среди местного населения. Так, Григорий Яковлевич Сокольников участвовал в создании партизанского отряда под названием «Чертова дюжина» (командир Иван Родионович Журавлев), действовавшего севернее г. Воткинска на стыке Особой Вятской дивизии Малыгина и Особого отряда Аглока. Отряд, состоявший в момент

организации из 13 человек, в результате умелой политической и организаторской работы вырос до 1 тыс. человек, и в основном за счет местного населения. Впоследствии он превратился в ударную группу 2-й армии, вошел в славную 21-ю дивизию Г. И. Овчинникова.

О том, как преобразовывалась обстановка в местности, где действовал отряд, один из участников партизанского движения М. А. Мухин писал так: «Едем между домов — никаких признаков жизни, тишина до звона в ушах. Оказалось, что жители, напуганные рассказами о «зверствах» большевиков, забились по чердакам, погребам и дальним сараюшкам. Пытаемся извлечь их из укрытий и завести разговор. Качают головами и страшно коверкая русский язык, объясняют, что они — вотяки, по-русски не понимают. Только с помощью их односельчанина Тропинина, добровольно взявшего на себя роль переводчика, удалось завязать беседу. А потом смысл слов комиссара Журавлева стал понятен вотякам и без перевода. Так была пробита брешь в стене недоверия, которую сумели выстроить кулаки и белогвардейцы между трудовой деревней и Советской властью»⁵³.

Сокольников Г. Я. и Журавлев И. Р. во всех деревнях проводили митинги, разъясняли политику большевиков, помогали создавать новые органы власти. М. А. Мухин писал, что «огромное впечатление на местных жителей произвел сам Иван Родионович. Для безграмотного воятка новая власть была такой, каким был комиссар, красный начальник. Скромный и деликатный, Журавлев не прощал любого проявления несправедливости и зла. В результате на одном из волостных собраний по воле самих участников была принята резолюция «считать журавлевский партизанский отряд своим родным, кровным отрядом». Его содержание во время нахождения на территории Петропавловской волости целиком и полностью крестьяне брали на себя. Без малого двадцать лет спустя бывшие красные партизаны писали: «Журавлев своей правильной линией и тактикой оберегал нас не только от белобандитов воткинско-ижевской своры, но и от наших местных неактивных руководителей...»⁵⁴.

Еще задолго до организации Особой Вятской дивизии в глухие удмуртские селения был направлен рабочий московского завода «Динамо» Николай Кузьмичев. Он поселился в с. Зура, провел выборы в Советы, организовал деревенскую бедноту, подобрал себе в помощники надежных людей. Удмурты, хотя и плохо понимали русский язык, но слово рабочего человека доходило до них, а когда в помощь Кузьмичеву пришли переводчики — местная учительница и телеграфист, он повсюду находил отклик в сердцах простых удмуртов.

В районе Чутыря действовал партизанский отряд, состоявший

в основном из удмуртов. Командиром этого отряда был бывший крестьянин, ставший ижевским рабочим, Яков Михайлович Широ-боков. Агитационная работа отряда, и особенно его командира, помогала не только укреплению Советской власти в удмуртских деревнях, но и созданию национальных воинских подразделений.

По решению Реввоенсовета 2-й армии Николай Николаевич Кузьмин выехал в Особую Вятскую дивизию. В Дебессах он провел совещание командиров и политработников, на котором указал на необходимость усиления разъяснительной работы в войсках, среди населения, а также в среде противника.

Для широкого развертывания политической работы Вятский губком партии помог Особой Вятской дивизии в издании дивизионной газеты. Кроме того, ЦК партии помог установить связи дивизии с издательством ВЦИК, которое взяло на себя снабжение Особой Вятской и занимаемой ею территории газетами и брошюрами.

Результаты политической работы вскоре сказались на деле. Володарский полк пополнял свои ряды в основном за счет местных жителей, и к середине октября он насчитывал уже 1200 штыков⁵⁵.

Повседневную политическую работу среди местного населения, перебежчиков и пленных вела комиссар Особой Вятской дивизии Раиса Моисеевна Азарх. Она разъясняла перебежчикам и пленным о целях партии, за что воюют красные и направляла их по окрестным деревням как агитаторов. В итоге ряды полков Вятской дивизии росли с каждым днем. Так в Володарский полк прибыла Якшур-Бодьинская удмуртская добровольческая дружина, насчитывающая 75 штыков⁵⁶. Ранее в полк им. Володарского прибыло пополнение численностью в 250 человек под командой коммуниста Даровских и из нее была создана 3-я рота. Она состояла наполовину из местной удмуртской молодежи⁵⁷.

Таким образом, к концу сентября — к началу октября 1918 г. благодаря большой работе армейских политработников, комиссаров и коммунистов, а также местных активистов был совершен поворот в создании удмуртского населения в сторону симпатии к Красной Армии. Население все больше убеждалось в антинародном, антиудмуртском характере Прикомуча. Хотя в пропагандистских целях в состав руководящего органа Прикомуча и был введен представитель удмуртов Н. Евсеев, но ни одного акта, ни одного директивного документа по национальному вопросу Прикомуч не принял. Наоборот, он уничтожил все национальные институты, введенные большевиками.

Рабочие и крестьяне постепенно стали понимать, что суть мятежа и новой власти целиком и полностью белогвардейская, реакционная. Не помогло делу и то, что Юрьев ввел на территории

Прикомуча смертную казнь, а исполком продажного эсерово-меньшевистского Совета утвердил эту меру; в конце октября 1918 г. он принял следующую резолюцию: «Признавая, что для поддержания дисциплины необходимы не только меры убеждения, но и меры наказания для трусов и изменников, предающих общенародное дело,— до смертной казни включительно, Совет Рабочих и Солдатских Депутатов считает правильным распоряжения штаба народной армии, направленные к поддержанию строгой дисциплины...»⁵⁸.

В результате мятежный район Прикамья оказался в полном окружении истинно народных войск. Массы от пассивного наблюдения, а в ряде случаев и поддержки восставших, перешли к активному противоборству с мятежниками, создавали отряды и группы сопротивления, вливались в регулярные войска Красной Армии. Уже в сентябре месяце мятежная армия Прикомуча оказалась заблокированной со всех сторон: с севера ее сдерживали части Особой Вятской дивизии, которым помогали партизанские отряды И. Р. Журавлева и Я. М. Широбокова; с востока вел бои Особый отряд Ю. Ю. Аплока; с юга полностью заблокировал партизанский отряд А. М. Чеверева; на левом берегу Камы — в районе Сарапула и Камбарки — партизанский отряд П. И. Деткина; на западе действовали отряды М. Н. Горелова и Г. А. Савинцева. Численность только этих отрядов (без Особой Вятской дивизии) достигла 5 тысяч человек. И они росли и крепили с каждым днем. Хотя на первом этапе, ввиду отсутствия централизованного руководства, они не могли действовать по единому плану и в рамках одной объединенной операции, но свою роль в основном они сыграли в том, что не позволили мятежникам захватывать новые территории и усиливаться за счет мобилизации новых людских и материальных ресурсов.

Самостоятельное возникновение этих отрядов является ярким свидетельством того, что партизанское движение исходило из народных глубин, и оно явилось бесспорным доказательством поворота сознания народа на сторону революции.

Регулярные части Красной Армии так же пополнялись за счет местного населения и не только по мобилизации, но и добровольно. Так, 2-я сводная дивизия В. М. Азина в середине сентября 1918 г. насчитывала в своих рядах всего 3,5 тыс. человек, а в конце октября — 17,5 тыс. чел. Только 13 октября 1918 г. дивизия приняла из окружающих деревень до 1000 чел.⁵⁹.

В своем докладе на совещании представителей политотдела фронта о состоянии политработы в армии (г. Симбирск, 21—24 октября 1918 г.) заведующий Политотделом 2-й армии А. П. Кучкин говорил, что «большевистски настроенные 2000 рабочих примкнули к нам»⁶⁰.

Это был результат большой политической работы в массах. Только с 20 сентября по 17 октября 1918 г. Политотдел 2-й армии Восточного фронта издал брошюр, воззваний, газеты «Известия Второй армии» и других видов пропагандистской литературы, в том числе листовки «Воззвания к ижевцам» в количестве 146,5 тыс. экземпляров⁶¹. Были изданы брошюры на татарском, удмуртском и марийском языках. Выпущена брошюра Карпинского на удмуртском языке в количестве 10 тыс. экземпляров⁶².

Итогом всей этой массово-политической и организаторской работы явилось то, что в ноябре 1918 г. вся Удмуртия была освобождена от белогвардейских войск. Но большевики не приостановили борьбу за массы. Основой всей политработы было ленинское положение о том, что государство сильно сознательностью масс, оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно.

По-прежнему большую работу проводили Политотделы 2-й и 3-й армий, которые создали у себя крестьянские секции. Это было совершенно новое явление в практике военно-революционной работы, сближающее и сплачивающее армию и крестьянские массы. Только крестьянской секцией 29-й дивизии 3-й армии с января по ноябрь 1919 г. было создано 5 уездных ревкомов, 135 волостных и 757 сельских Советов, проведено более 600 митингов и лекций среди крестьян и рабочих, роздано населению свыше 500 тысяч экземпляров агитационной литературы и около 1,5 млн. газет, листовок, воззваний⁶³.

Большую работу развернул культурно-просветительный отдел губернского военного комиссариата, особенно его агитбригады, состоящие из агитаторов, лекторов, театральных групп, а также культпросветотделы уездных исполкомов, которые создавали народные дома, клубы, массовые библиотеки, избы-читальни.

Особой армией агитаторов стали продармейцы. Известный большевик бывший депутат IV Государственной Думы от фракции большевиков А. Е. Бадаев в своих воспоминаниях писал, что «...каждый член отряда, работавший в Вятской губернии, ежедневно выступал на каком-либо собрании крестьян» и «...только что ушедшие от станка петроградские рабочие превратились в заправских ораторов, читали доклады на самые различные темы»⁶⁴.

Анализируя состояние политической работы в Вятской губернии, представитель ЦК партии С. И. Мицкевич писал: «...Из местных организаций особенно энергично ведет работу агитационно-просветительный отдел губернского комиссариата как среди военных частей, так и граждан, и Москве можно многому поучиться у местного агитпросвета»⁶⁵.

Но по мере развития гражданской войны политработа не свер-

тивалась, а, наоборот, усиливалась. Политотдел 2-й армии 25 февраля 1919 г. писал в своем докладе: «Чтобы поднять бое-способность армии и для политической работы среди войсковых частей, были мобилизованы коммунисты из Сарапула, Ижевска, Воткинска и Агрыза и из учреждений штаба. Эти коммунисты отправлены на фронт в качестве рядовых красноармейцев, дабы они могли там постоянно вести политическую работу среди красноармейцев»⁶⁶.

С целью проведения планомерной политико-просветительной работы среди населения при Политотделах армии и дивизий были созданы крестьянские секции. Большую работу среди населения вели политотделы дивизий, которые первыми соприкасались с рабочими и крестьянами освобожденных от белогвардейцев районов. Они сразу же восстанавливали Советскую власть, создавали ревкомы, во главе которых ставились комиссары дивизий, немедленно доводили до сведения освобожденного населения декреты Советской власти, вводили его в курс внутренних и между-народных событий.

Не прекращалась работа и по национальному строительству в Удмуртском крае. В феврале 1919 г. по указанию губернского комитета РСДРП(б) в Малмыже был проведен губернский съезд национальных меньшинств, поставивший ряд задач по развитию процесса национального возрождения. Съезд решил создать в деревнях коммунистические ячейки и Союзы молодежи. Были намечены также мероприятия по организации крестьян для социалистического землеустройства. Для подготовки кадров культпросвет-работников съезд решил открыть курсы учителей и агитаторов⁶⁷.

Губернский и уездные отделы по делам национальностей спланировали представителей нацменьшинств вокруг Советов, а также воспитывали красноармейцев-удмуртов, снабжая их литературой, выступая перед ними с лекциями и докладами, ставя концерты и спектакли. Таким образом, проведенная на первых порах, т. е. в середине 1918 г. в основном армейскими политотделами работа действительно отразилась не только на политическом положении на местах, но и в самой армии. Трудовое удмуртское крестьянство на собственном опыте убедилось в том, что Советская власть является единственной властью, защищающей его интересы. Это отражалось и в многочисленных резолюциях волостных, уездных съездов крестьянской бедноты.

Большое внимание обращали большевики и созданию коллективных хозяйств, кооперативов и товариществ в Удмуртии. Они начали создаваться весной 1918 г. В июне 1918 г. были созданы коммуны в Святогорской и Быковской волостях, а в июле того же года коммуны организовались в Поломской, Ключевской, Лемской и Пудемской волостях. К 1 февраля 1919 г. в Глазовском

уезде было организовано 19 коммун, в Малмыжском — 3. На приобретение машин, сортовых семян, племенного скота государством коллективным хозяйствам Вятской губернии было выделено 500 000 рублей. В конце 1918 г. и в начале 1919 г. в коллективные хозяйства начали вступать и середняки⁶⁸.

Большею вниманием уделяли большевики обучению и воспитанию детей. Еще в апреле — мае 1918 г. во всех уездах и волостях создаются отделы народного образования, которые учитывали детей школьного возраста и оказывали помощь детям бедноты. При народных домах и школах были организованы столовые для детей бедняцко-батрацкой части населения.

Особенно усилилась культурно-просветительная и воспитательная работа после изгнания из Удмуртии колчаковцев. В городах Ижевске, Воткинске, Сарапуле и Глазове были открыты рабочие клубы. В Глазове возобновил работу первый удмуртский театр, созданный еще в ноябре 1918 г.

Заведующий агитационно-информационным отделом Ижевского реввоенкома в своем отчете к 7 июня 1919 г. писал: «в течение 8 дней было организовано 20 библиотек-читален в деревнях и селах Старовеньинской, Завьяловской, Ягульской, Июльской, Больше-Норьянской, Нылги-Жикьинской, Кыйлудской, Люкской волостей. При отделе создана экспедиция, которая занята снабжением литературой Ижевска и всех библиотек, читальных изб, его окрестностей. В настоящее время отправлено по всем библиотекам периодической литературы: «Ижевская правда» 12 000 экз., «Красный набат» — 1000 экз., центральных газет разных наименований — 3000 экз., мусульманских газет — 5000 экз., плакат и листовок — 3700 экз.»⁶⁹.

Второй период гражданской войны в Удмуртии (нашествие Колчака) характеризуется тем, что удмуртское крестьянство в абсолютном своем большинстве поднялось на защиту Советской власти. В немалой степени этому способствовала и сама политика Колчака, антинародная, грабительская, реакционная по всем направлениям. Колчаковские войска с корнем уничтожали не только все, что связано с Советами, но и с национальным строительством.

Но особенно большое влияние на поведение крестьянства Удмуртии оказали решения VIII съезда партии в марте 1919 г. Съезд провозгласил политику прочного союза с середняком. А в Удмуртии подавляющее большинство хозяйств было середняцким. Разъяснение решений съезда вновь осуществлялось как партийно-советскими органами на местах, так и политработниками армии. Результаты этой работы вскоре сказались на деле.

Выступая на митинге в народном доме в Петрограде 13 марта 1919 г. В. И. Ленин сделал очень важный политический вывод о

повороте значительных масс крестьян на сторону Советской власти. «Всего несколько дней тому назад ко мне явилась делегация крестьян от 5-и волостей Сарапульского уезда,— тех самых волостей, которые сумели в самое последнее время отправить по 40 тысяч пудов хлеба Москве и Петрограду. Когда я спросил у этой делегации об отношении крестьян к Советской власти, депутация мне ответила: «Да, чехословаки нас научили, и теперь никто не отклонит нас от Советской власти»⁷⁰.

Сближение удмуртских крестьян с Советской властью проявилось не только в продовольственной помощи Красной Армии и голодающим центрам России. С еще большей силой оно проявилось в активном участии удмуртского населения в боях против интервентов. По всем волостям развернулось добровольческое движение крестьян по вступлению в ряды Красной Армии. Из добровольцев были сформированы при штабе 2-й армии Сарапульский запасной полк и Ижевско-Воткинский добровольческий гарнизон. Для работы в армии добровольно вступили в нее все работники Наркомнаца, губернского отдела по делам национальностей, местных секций.

В результате этой работы во многих полках и бригадах 2-й и 3-й армий количество воинов-удмуртов составляло значительную долю. Так, в начале августа 1919 г. в 1-й бригаде 30-й стрелковой дивизии удмуртов было 514 чел., а в 3-й бригаде этой же дивизии — 339 человек. Только в одном 267-м полку 2-й бригады 30-й дивизии насчитывалось 254 удмурта⁷¹. Во многих воинских подразделениях 2-й и 3-й армий доля воинов-удмуртов доходила до 30 и более процентов. Эти воины получили настоящую боевую и революционную закалку, познали силу интернационализма, прошли политическую школу и впоследствии явились основным кадровым костяком для социалистического преобразования удмуртской деревни и создания органов Удмуртской автономии.

По указанию ЦК партии сразу же после освобождения Удмуртии от колчаковских войск и восстановления органов Советской власти началась подготовка Удмуртской автономии. Уже летом 1919 г. вновь стал функционировать Удмуртский отдел Наркомнаца, где дело погибшего на полях гражданской войны М. П. Прокопьева продолжил другой видный деятель — большевик Т. К. Борисов. Губернский национальный отдел уже к августу 1919 г. восстановил национальные секции при исполкомах Советов. Прошли съезды национальных меньшинств Сарапульского, Глазовского, Малмыжского, Яранского и Уржумского уездов. Затем в сентябре 1919 г. в г. Сарапуле прошел II Всероссийский рабоче-крестьянский съезд удмуртов, на котором присутствовало 102 делегата от удмуртов Вятской, Казанской, Уфимской, Пермской и Самарской губерний.

Съезд единодушно выразил горячую благодарность Советской власти за освобождение Удмуртии из-под ига белогвардейщины и подтвердил еще раз решительный поворот широких слоев крестьянства на сторону Советов. «Самый малосознательный,— подчеркивалось в резолюции,— теперь проникся идеей Советской власти. Только одна Советская власть может поднять удмуртов до культурного уровня других национальностей»⁷².

Рассмотрев некоторые вопросы хода и характера гражданской войны в Удмуртии, можно сделать вывод о том, что население этого края в силу субъективных и объективных обстоятельств пережило несколько этапов вовлечения в эту войну и участия в ней. На первом этапе оно оказало частичную поддержку и в основном пассивное сопротивление повстанческой армии Прикамского Комуча. На втором этапе, по мере раскрытия и распознавания хорошо замаскированной сути повстанческого движения, часть этого населения включилась в открытую борьбу с мятежниками. На третьем этапе оно добровольно и в основном по мобилизации вошло в состав 2-й армии Восточного фронта и участвовало в подавлении мятежа белоэсеров. Но самым массовым и активным участием удмуртов в гражданской войне характеризуется 4 этап — борьба против колчаковских войск. В этот период по 2-й и 3-й армии Восточного фронта происходит огромный приток добровольцев и призывников, взявших в свои руки оружие для защиты Советской власти. Повсеместную помощь получает в этот период Красная Армия от местного крестьянского населения и гужевым транспортом, и размещением войск, и их продовольственным обеспечением.

Рост революционности удмуртского народа в ходе гражданской войны является действенным и наглядным результатом истинно верного отношения партии большевиков к национальным меньшинствам, свидетельством проведения такой политики, которая целиком и полностью отвечала интересам, надеждам и чаяниям удмуртского народа не только в получении политических и экономических свобод, но и решением национального вопроса.

Удмуртский народ в гражданской войне прошел настоящую политическую школу классовой борьбы. Удмурты получили урок единения как в рамках национальных, так и многонациональных боевых подразделений — рот, батальонов, полков и дивизий. Красная Армия явилась совершенно новым типом межнациональной боевой организации, в которой решались не только боевые задачи, но и политические, межнациональные. Армия стала ведущей силой нового общества, при ее непосредственном участии проводилась в жизнь принципы диктатуры пролетариата в интересах большинства трудящегося населения. В удмуртском крае она по сути дела восполнила собой отсутствие национального пролета-

риата. Заменяв собой рабочий класс, взяв его функции в свои руки, она стала ведущей революционизирующей силой для удмуртского народа, в результате чего произошел серьезный прогресс в сознании этого народа и поворот его к активным революционным действиям.

Огромный авторитет, завоеванный Красной Армией в удмуртском народе — это еще и результат того, что эта армия на втором этапе гражданской войны была уже наиболее дисциплинированной, не допускала малейшего несправедливого поступка своих солдат к местному населению, она в условиях приближенности фронта и даже боевых действий брала на себя все функции и задачи Советской власти, а также органов Наркомнаца, эта армия явилась по сути дела лучшим агитатором за Советскую власть. Именно через нее произошло единение партии и народа, единение разных наций в одну советскую семью. Так оправдалась тактика большевиков, которые через армейских и местных политработников преподавали армии ленинские принципы решения национального вопроса, разработанные вождем партии как до революции, так и в ходе ее, а также в период защиты Советской власти от внутренних и внешних врагов.

Удмуртский народ через Красную Армию по существу практически подготовился к созданию своей автономной государственности, которая была осуществлена ленинским декретом 4 ноября 1920 г.

Такой политики, которую осуществили большевики в ходе гражданской войны, мировая история еще не знала. И те принципы и методы, которые применялись в решении национального вопроса в ходе революции и гражданской войны, а также в первые годы Советской власти имеют непреходящее значение и для нашей страны, и для международного коммунистического и рабочего движения.

ПЕРЕЧЕНЬ ССЫЛОК

¹ От Зимнего до Перекопа.— М.: Воениздат, 1978.— С. 133.

² Куликов К. И. В боях за Советскую Удмуртию.— Ижевск, 1982.

³ Фабрично-заводские предприятия Российской империи. Сост. Л. К. Езюранский.— СПб, 1909. Подсчеты проведены к. и. н. Лигенко Н. П.

⁴ Обзор Вятской губернии за 1914 г.— Вятка, 1915.— В приложении № 2 «Ведомость о фабриках и заводах в Вятской губернии за 1914 г.»; Максимов В. А. Кулацкая контрреволюция и ижевское восстание.— Ижевск, 1933, 68 стр.— С. 4.

- ⁵ Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX — начале XX вв.— Ижевск, 1981 // Сб. статей НИИ при СМ УАССР — С. 15.
- ⁶ Памятная книжка Вятской губернии. Календарь на 1914 г., изд. губерн. ЦСУ.— Вятка, 1914.— С. 78, 119.
- ⁷ Памятная книжка Вятской губернии. Календарь на 1914 г., изд. губерн. ЦСУ.— Вятка, 1914.— С. 78.
- ⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 3.— С. 486—487.
- ⁹ Садаков М. А. Удмуртия в годы первой мировой империалистической войны. В кн.: Записки УдНИИ.— Вып. 16.— Ижевск, 1954.— С. 67.
- ¹⁰ Коротков. Февральская забастовка рабочих ижевских заводов. РФ НИИ при СМ УАССР, д. 106, л. 106.
- ¹¹ Р. Ф. НИИ при СМ УАССР, д. 106, л. 171.
- ¹² Гутман (Ган) А. Я. Бело дело. Летопись белой борьбы.— Берлин, 1927.— с. 153; Федичкин Д. И. «Ижевское восстание». Неопубликованная рукопись, фонд библиотеки института Войны, Мира и Революции им. Гувера.— Стэнфорд, Калифорния, США.
- ¹³ Dimitry V. Lehovich. White against red Norton New Jork. P. 308.
- ¹⁴ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вятская губерния. 1904 г., ред. Н. Тройницкого, с. 173.
- ¹⁵ Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX — начале XX вв.// Сб. НИИ при СМ УАССР.— Ижевск, 1981.— С. 22.
- ¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 17.— С. 90—91.
- ¹⁷ Земские подворные переписи 1889—1913 гг. Поуездные итоги. ЦСУ СССР.— М., 1926.— С. 66, 144.
- ¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 17.— С. 69.
- ¹⁹ Россия в мировой войне 1914—1918 гг. ЦСУ, 1925.— С. 49.
- ²⁰ Записки УдНИИ.— Вып. 16.— Ижевск, 1954.— С. 57, ст.: М. Садаков. Удмуртия в годы первой мировой империалистической войны.
- ²¹ Журнал Вятская жизнь, № 2, 1923.— С. 31.
- ²² Материалы по статистике Вотской автономной области. Итоги сельскохозяйственной переписи 1916 г.— Ижевск, 1926.— С. 12—13; 58—59.
- ²³ Записки УдНИИ.— Вып. 16.— Ижевск, 1954, ст.: М. Садаков. Удмуртия в годы первой мировой империалистической войны.— С. 59—63.
- ²⁴ Там же.— С. 65.
- ²⁵ Там же.— С. 66.
- ²⁶ Обзор Вятской губернии за 1914 г.— Вятка, 1915.— С. 162—165, 167, 170.
- ²⁷ Очерки истории Удмуртской АССР.— Т. 1.— Ижевск, 1958.— С. 267.
- ²⁸ Максимов В. А. Октябрь в Удмуртии.— Ижевск, Удгиз, 1935.— С. 7. (всего 84 с.).
- ²⁹ Максимов В. А. Кулацкая контрреволюция.— С. 28.
- ³⁰ Максимов В. А. Указ. соч.,— С. 31.
- ³¹ Герцен А. И. Былое и думы.— Ленинград, 1946.— С. 140—142.
- ³² Максимов В. А. Кулацкая контрреволюция и ижевское восстание. Парт-издат.— Ижевск, 1933.— С. 22—23.
- ³³ Там же.— С. 24.

- ³⁴ По ленинскому пути.— Ижевск, 1970.— С. 72.
- ³⁵ 2-я армия в боях за освобождение Прикамья и Приуралья.— Ижевск. Сб. док., 1987.— С. 247.
- ³⁶ Максимов В. А. Кулацкая контрреволюция и ижевское восстание.— Ижевск, 1933.— С. 29.
- ³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 45.— С. 362.
- ³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 45.— С. 359.
- ³⁹ Садаков М. А. Ст. Социалистическое строительство в Удмуртии в период гражданской войны и иностранной военной интервенции. В кн.: Записки УдНИИ.— Вып. 15.— Ижевск, 1951.— С. 6.
- ⁴⁰ 2-я армия в боях за освобождение Прикамья и Приуралья. Сб. док.— Ижевск, 1987.— С. 247.
- ⁴¹ Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии. Сб. док. 1917—1918 гг.— Ижевск, 1957.— С. 328—332.
- ⁴² Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии.— С. 330—331.
- ⁴³ Тридцать лет Советской Удмуртии.— Ижевск, 1950.— С. 37.
- ⁴⁴ Макаров Ф. П. Октябрь и гражданская война в Удмуртии.— Ижевск, 1932.— С. 70, 123.
- ⁴⁵ 2-я армия в боях за освобождение Прикамья и Приуралья. Док.— Ижевск, 1987.— С. 86.
- ⁴⁶ Макаров Ф. П. Октябрь и гражданская война в Удмуртии.— Ижевск, 1932.— С. 72.
- ⁴⁷ 2-я армия в боях за освобождение Прикамья и Приуралья. 1918—1919. Док.— Ижевск, 1987.— С. 248.
- ⁴⁸ Удмуртия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. Ч. 1.— Ижевск, 1960.— С. 134.
- ⁴⁹ Там же.— С. 155.
- ⁵⁰ 2-я армия в боях за освобождение Прикамья и Приуралья. 1918—1919. Сб. док.— 1987.— С. 250—251.
- ⁵¹ Там же.— С. 256.
- ⁵² 2-я армия в боях...— С. 254.
- ⁵³ От Зимнего до Перекопа. Воениздат.— М., 1978.— С. 139.
- ⁵⁴ ЦГАСА.— Ф. 188, оп. 3, д. 36, л. 63.
- ⁵⁵ Алексеев А. А. Страницы из гражданской войны.— Ижевск, 1959.— С. 22.
- ⁵⁶ Алексеев А. А. Страницы из гражданской войны.— Ижевск, 1959.— С. 22.
- ⁵⁷ Там же.— С. 17.
- ⁵⁸ Ижевск в огне гражданской войны.— Ижевск, 1927.— С. 76, 97.
- ⁵⁹ 2-я армия в боях за освобождение Прикамья и Приуралья. Сб. док.— Ижевск, 1987.— С. 245.
- ⁶⁰ 2-я армия в боях за освобождение Прикамья и Приуралья. Сб. док.— Ижевск, 1987.— С. 249.
- ⁶¹ Там же.— С. 238—239.
- ⁶² Там же.— С. 250.
- ⁶³ Морозов П. М. Коммунистическая партия — организатор политической работы в массах в годы гражданской войны.— М., Знание, 1959.— С. 35—36.

⁶⁴ Журнал «Вопросы истории КПСС», 1958, № 9.— С. 127.

⁶⁵ Газета «Известия», 1919, 8 июня.

⁶⁶ Сарапул. Документы и материалы.— Ижевск, 1987.— С. 99. Удмуртия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. Сб. док. Ч. I.— Ижевск, 1960.— С. 281.

⁶⁷ «Жизнь национальностей», 1919, 6 апреля.

⁶⁸ Садаков М. А. Ст. Социалистическое строительство в Удмуртии в период гражданской войны и иностранной военной интервенции. В кн.: Записки УдНИИ.— вып. 15.— Ижевск, 1951.— С. 23.

⁶⁹ Центральный Государственный архив Советской Армии (ЦГАСА).— Ф. 169, оп. 1, д. 26, л. 29.

⁷⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 38.— С. 31—32.

⁷¹ Удмуртия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. Ч. II.— Ижевск, 1963.— С. 92—94.

⁷² Попов В. Н. Деятельность удмуртских секций при местных Советах в первые годы Советской власти.— Ижевск, 1960. 40 с.— С. 25.

Дмитриев П. Н.

**ВРЕМЕННЫЙ ПРИКАМСКИЙ КОМИТЕТ
ЧЛЕНОВ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ *—
ОРГАН ВЛАСТИ МЕЛКОБУРЖУАЗНОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ
В УДМУРТИИ В 1918 ГОДУ
(очерк возникновения и деятельности)**

Продолжая разрабатывать сюжетные линии, намеченные в первой статье **, автор намерен обратиться к таким важным для понимания подлинных причин возникновения и краха, характера эсеров-меньшевистского мятежа в Ижевско-Воткинском районе (август—ноябрь 1918 г.) страницам его истории, как организация и осуществление «демократической» контрреволюцией заговора по свержению Советской власти, классовая сущность созданного ею аппарата власти и его социальной политики.

Степень изученности этих вопросов различна. Настойчивыми усилиями нескольких поколений советских исследователей¹ удалось установить, что мятеж в Ижевско-Воткинском районе возник как результат целенаправленной, организующей мелкобуржуазную стихию деятельности правых эсеров, меньшевиков, белогвардейских военных организаций и их зарубежных покровителей. Новые документы, найденные в последние годы, позволяют расширить и углубить представление о тайной деятельности контрреволюции, показать особенности поведения различных слоев рабочих непосредственно в период вооруженного выступления мятежников.

Вопрос о структуре, составе, принципах, на основе которых создавался мятежниками аппарат власти Прикомуча и его местных органов не поднимался еще в советской литературе. Проблема создания эсерами армии, хотя и освещалась, но очень слабо². Более подробно рассматривался такой важный элемент социальной политики Прикомуча, как «белый» террор³, но в изучении его преобладала описательность. Кратко освещались и отдельные

* Сокращенно Прикомуч. Это был филиал Самарского комуча в Ижевско-Воткинском районе Удмуртии летом — осенью 1918 г.

** См. с. 33—56 данного сборника.

фрагменты рабочей политики Прикомуча и его политики в деревне⁴. Но как нечто единое и цельное социальная политика учредителей не становилась еще объектом специального исследования.

Анализ поставленных в статье вопросов, несомненно, поможет ответить на вопрос, чем обернулось стремление правых эсеров и меньшевиков осуществить на практике в условиях крупного аграрно-промышленного района пресловутый «третий» путь, найти среднюю линию между буржуазной диктатурой и диктатурой пролетариата.

В мае 1918 г. в Москве состоялся VIII Совет партии социалистов-революционеров, который принял решение о свержении Советской власти⁵. Для практического осуществления этого решения ЦК партии правых эсеров следующим образом распределил свои силы: 8 членов ЦК оставались в Москве, 4 — направлялись в Поволжье, 2 — в Приуралье, 1 (кандидат в члены ЦК И. И. Тетеркин) — на Ижевский и Воткинский заводы, 1 — на Украину, 2 — в Петроград. Два члена ЦК были направлены за границу для установления контактов с союзниками. Одновременно в районы подготовки восстания командировались группы видных эсеров⁶. Местным эсеровским организациям была направлена директива о политической и военной подготовке антисоветского восстания⁷. Правые эсеры установили связи с белогвардейскими подпольными организациями, такими как «Союз возрождения», «Союз защиты родины и свободы» и др., которые также вели подготовку к свержению Советской власти и с представителями стран Антанты, субсидировавшими их планы⁸. Таким образом, замысел мятежа в Ижевско-Воткинском районе был одним из звеньев заговора международной и российской реакции против Советской власти, который возглавили правые эсеры, действовавшие по заданию стран Антанты.

Правые эсеры и их союзники неслучайно избрали Ижевско-Воткинский район в качестве одного из центров подготовки антибольшевистского мятежа. Решающее значение имели особенности классового состава местного населения: зараженность основной массы ижевских и воткинских рабочих мелкобуржуазной психологией, наличие в деревне большого слоя средних крестьян, подверженных колебаниям и частой смене политических настроений, высокий удельный вес кулацко-зажиточных элементов. Закономерно поэтому, что в городах и сельской местности действовали активные и влиятельные организации правых эсеров и меньшевиков. Интерес контрреволюции подогревало наличие в районе крупнейших оборонных предприятий России: Ижевского оружейного и Воткинского машиностроительного заводов. Возможность лишить Советскую Республику крупнейших поставщиков оружия и других предметов, жизненно необходимых для защиты страны,

превратить эти заводы в арсенал контрреволюции всерьез планировалась внутренней и внешней реакцией, впрочем как и захват богатых хлебом уездов Удмуртии⁹. Организаторы заговора рассчитывали, что это поможет задушить Республику Советов костлявой рукой голода.

В конце мая — начале июня 1918 г. И. И. Тетеркин выехал в район Ижевского и Воткинского заводов. Несколько позднее к нему присоединился один из влиятельных и яро антисоветски настроенных членов ЦК Н. Н. Иванов¹⁰. В рядах своей партии он считался военным специалистом. В Воткинск накануне мятежа приехал правый эсер член Учредительного Собрания А. Д. Корякин¹¹. Вместе с лидерами местных правых эсеров членами Учредительного Собрания Н. И. Евсеевым, В. И. Бузановым, К. С. Шулаковым они составили руководящее ядро заговорщиков.

До революции эти люди преследовались царским правительством за борьбу с самодержавием. Н. И. Евсеев и Н. Н. Иванов были сосланы в Сибирь. В. И. Бузанов, спасаясь от ареста, эмигрировал во Францию¹². Но после победы Советской власти они перешли в лагерь ее врагов. Обаяние их былых заслуг в борьбе с царизмом однако еще сохраняло силу. Оно явилось одним из факторов, позволивших правым эсерам на время обмануть отсталых крестьян и рабочих, втянуть многих из них в антисоветский мятеж.

Вскоре после приезда Н. Н. Иванова и И. И. Тетеркина в Ижевске состоялось заседание комитета местной организации правых эсеров, на котором обсуждался план действий по подготовке вооруженного свержения Советской власти¹³. Вслед за тем под видом дружины для защиты клуба правых эсеров от возможного нападения максималистов в Ижевске были созданы курсы для подготовки командиров будущих дружин. Для обучения отобраны 30 эсеров-активистов, разбили их на пятерки. В течение месяца с ними велись регулярные занятия военным делом. Были также вооружены все члены ижевской организации правых эсеров. Оружие выносили в разобранном виде с завода и собирали в партийном клубе¹⁴.

Активно готовились к выступлению против Советской власти правые эсеры и за пределами Ижевска. Летом 1918 г. в Ижевск приезжал и встречался с лидерами местных правых эсеров член воткинского комитета п. с.-р. М. Непряхин. Особое внимание участники совещания уделили обсуждению вопроса о координации деятельности по подготовке восстания против Советской власти. В частности, было признано необходимым добиваться укрепления влияния эсеров среди членов солдатских союзов¹⁵. Эти союзы неслучайно стали объектом особого внимания со стороны эсеров. Они отводили им роль ударной силы в свержении Совет-

ской власти. Эти организации существовали в Ижевске, Воткинске, Сарапуле и многих волостях Удмуртии с 1917 г. С 1918 г. они стали называться «Союзами фронтовиков». Союзы объединяли солдат-фронтовиков вне зависимости от сословной принадлежности и политических взглядов¹⁶. Поэтому наряду с рабочими в этих организациях в Ижевске, Воткинске и Сарапуле оказалось много выходцев из духовенства, мещанских и кулацко-зажиточных слоев города и деревни¹⁷.

Первоначальная цель создания этих организаций заключалась в защите интересов солдат, их культурном просвещении. Местные большевики не сумели повести за собой «Союзы фронтовиков». Попытки наладить политическую работу среди их членов в Ижевске, Воткинске и Сарапуле оказались неудачными. Руководство в Союзах захватили контрреволюционные офицеры, немалое число которых скопилось в городах Ижевско-Воткинского района. Только в Ижевске, по сведениям штаба 2-й армии Восточного фронта, 8 августа 1918 г. насчитывалось до 300 царских офицеров. Около 200 из них, скрыв свое прошлое, поступили рабочими и служащими на завод¹⁸. Многие офицеры работали на соседнем Воткинском заводе. Заводскими служащими были председатель местного «Союза фронтовиков» прапорщик П. П. Механошин, будущий учредилковский «главком» капитан Г. Н. Юрьев и др.¹⁹. Концентрация офицеров в Ижевске и Воткинске летом 1918 г. не была случайной. Местные «Союзы фронтовиков» имели связи с казанским отделением савинковского «Союза защиты родины и свободы»²⁰. Поэтому после разгрома мятежей в верхневолжских городах летом 1918 г. значительное число офицеров-савинковцев направилось в Ижевск²¹.

Контрреволюционная деятельность ижевского и сарапульского Союзов направлялась офицерами тайно через своих ставленников²². В Воткинске они открыто возглавили «Союз фронтовиков». Среди членов его правления было 2 офицера.

Численность самого крупного из Союзов — Ижевского — к началу августа 1918 г. колебалась около 3 тыс., сарапульского — около 500 чел.²³. Меньше было фронтовиков в Воткинске. На общем собрании членов этого союза 21 марта 1918 г., например, присутствовало 139 чел.²⁴.

«Союзы фронтовиков» в Ижевско-Воткинском районе поддерживали тесные связи между собой, согласовывали свою деятельность по подготовке мятежа²⁵. С этой целью руководители воткинского Союза весной—летом 1918 г. дважды приезжали в Ижевск²⁶. Контакты с ижевским «Союзом фронтовиков» установили и некоторые волостные солдатские организации, в частности, «Союз фронтовиков» Святогорской волости Глазовского уезда²⁷.

В подготовке восстания против Советской власти в Воткинске

активно участвовали меньшевики. Нельзя сказать, что местные советские и партийные органы ничего не знали о тайной деятельности реакции. Ижевский коммунист А. Г. Клячин вспоминал позднее: «Еще до восстания в военном отделе (при Ижевском Совете.— П. Д.) имелись сведения, что фронтовики готовят восстание»²⁸. Знали о подготовке антисоветского заговора и воткинские большевики²⁹.

Парторганизации и Советы в Ижевске и Воткинске приняли некоторые меры, стремясь обезглавить контрреволюцию. Ижевская ЧК произвела в июле — начале августа аресты известных ей заговорщиков³⁰. 26 июля Воткинский Совет утвердил решение исполкома о роспуске «Союза фронтовиков»³¹. В связи с приближением белогвардейцев к Вятской губернии и активизацией контрреволюционных элементов на ее территории решением губернского Чрезвычайного штаба 2 августа она была объявлена на военном положении. 6 августа в Ижевске и Сарапуле, а 8-го — в Воткинске вся власть перешла в руки чрезвычайных военнореволюционных штабов³². Большинство коммунистов было вооружено и переведено на казарменное положение³³.

Однако принятые меры оказались недостаточными. Слишком малы были силы, говорил А. Г. Клячин, которыми располагали местные большевики «ввиду отправки товарищей на фронт»³⁴. В Ижевске накануне мятежа оставалось лишь 55 красноармейцев³⁵, 73 коммуниста и 140—220 милиционеров³⁶. Еще более осложнили положение серьезные ошибки, допущенные местными коммунистами. Часть членов Ижевского парткома во главе с его председателем И. Д. Пастуховым недооценила опасность сдвига вправо в настроениях отсталых рабочих. Идеино-политическая работа в заводских цехах была ослаблена: перед мятежом на заводе оставалось лишь несколько коммунистов³⁷. Ошибкой воткинских коммунистов явилось то, что они не арестовали своевременно лидеров правых эсеров и меньшевиков.

Обстановка в Ижевске складывалась как нельзя более удачно для правых эсеров и они поспешили этим воспользоваться. В начале августа состоялись тайные собрания заговорщиков, они приняли решение начать восстание как только представится удобный случай³⁸.

7 августа в Ижевск пришло известие о захвате белочехами и белогвардейцами Казани. Исполком объявил частичную мобилизацию на фронт, которая послужила непосредственным поводом к началу эсерово-меньшевистского мятежа. В обвинительном заключении по делу одного из заговорщиков В. И. Солина подчеркивается, что после объявления мобилизации «руководящее ядро «Союза фронтовиков» сразу же приняло все меры к тому, чтобы воспрепятствовать мобилизации и использовать этот момент для

вооруженного восстания»³⁹. Мятежу способствовали следующие обстоятельства: во-первых, отъезд из города очень большого числа рабочих-передовиков на фронт и партийно-советскую работу, что значительно ослабило ижевскую большевистскую организацию; во-вторых, ошибки и просчеты ее руководителей. Но, безусловно, решающую роль в возникновении мятежа сыграла отсталость большинства рабочих, зараженных мелкобуржуазной психологией. Формы ее проявления были различными. Это обнаружилось уже в самом начале мятежа, который вспыхнул 7 августа 1918 г. Эсеры и меньшевики организовали демонстрацию и митинг у здания Совета, в котором участвовало около 1,5 тыс. их сторонников, в т. ч. рабочих. Делегаты от участников митинга во главе с председателем «Союза фронтовиков» Солдатовым заявили чрезвычайному революционному штабу о готовности фронтовиков идти на фронт, но при условии обязательной выдачи им оружия на месте. Штаб отказался удовлетворить это требование, целью которого было получить оружие и обернуть его против Советской власти. Стремясь подавить мятеж в зародыше, большевики действовали решительно: делегаты были арестованы. Лишившись руководителей, мятежники не отважились в тот день на какие-либо решительные действия.

На рассвете 8 августа тишину нарушил сигнал заводского гудка. На заводском дворе, где собрались рабочие, заговорщики устроили митинг. Обсуждался лишь один вопрос: каким путем разрешить конфликт — вооруженным или мирным? Большинство рабочих высказалось за переговоры с большевиками⁴⁰. Убедившись, что их планы терпят провал, организаторы мятежа спровоцировали столкновение участников митинга с конными милиционерами у заводской проходной. Они обезоружили охрану, захватили завод и вооружили своих сторонников. Уже в самом начале мятежа контрреволюционеры имели многократное превосходство над защитниками Советской власти, чья численность не превышала 250—330 чел.⁴¹. По данным разведсводки штаба 3-й советской армии, в белоповстанческих отрядах насчитывалось 8 августа 1918 г. примерно 6,3 тыс. чел., в т. ч. до 300 офицеров, 3 тыс. фронтовиков и около 3 тыс. рабочих-добровольцев⁴². Очевидно, в данные о численности рабочих вкралась вполне объяснимая трудностями сбора разведданных неточность. Известно, что кроме рабочих-добровольцев на стороне мятежников в Ижевске выступили дбровольцы — выходцы из среды городской и сельской буржуазии, учащейся молодежи⁴³. Сами же мятежники считали, что численность рабочих, выступивших с оружием в руках против Советской власти была около 2 тыс. чел.⁴⁴. Эта цифра представляется нам более точной, т. к. учредилловцам невыгодно было преуменьшать численность вооруженных рабочих.

К мятежникам примкнули и 3 тыс. рабочих, которые не участвовали в вооруженной борьбе, но поддерживали лозунг «Вся власть Учредительному Собранию»⁴⁵. Среди рабочих, принявших в той или иной форме участие в мятеже, наибольшую активность проявили выходцы из кулачества, мещанских и буржуазных слоев городского населения и обуржуазившиеся высококвалифицированные рабочие, традиционно служившие опорой меньшевиков и эсеров в рабочем движении. Они смогли увлечь за собой на первых порах наиболее забитую, невежественную часть коренных ижевских рабочих и недавних крестьян.

Трагические события в Ижевске, однако, не приобрели такого размаха, если бы рабочие, не поддерживавшие мятежников, решительно выступили на защиту Советской власти. Но большинство — 16—17 тыс. из более чем 20 тыс. рабочих завода — заняли выжидательную позицию.

Прежде всего мятежники заняли центральную телефонную станцию, лишив Совет связи с другими населенными пунктами⁴⁶. Длительная перестрелка, завязавшаяся между ними и защитниками Советской власти, была прервана около 4 часов пополудни коротким перемирием. Мятежники воспользовались им, чтобы подвезти патроны и обойти с тыла советские отряды⁴⁷. Последним оплотом защитников Советской власти стала Михайловская площадь. До глубокой ночи они мужественно отражали натиск противника. Однако неравенство сил было слишком большим. Поэтому в ночь с 8 на 9 августа, разбившись на мелкие группы, бойцы отступили из города.

Контрреволюция в Воткинске и Сарапуле не располагала достаточными силами и не решалась на самостоятельное выступление против Советской власти. Несколько дней спустя после переворота в Ижевске воткинские и сарапульские правые эсеры, меньшевики и «Союз фронтовиков» направили своих представителей к ижевским мятежникам с просьбой помочь освободиться «от большевистского засилья»⁴⁸. 17 августа, воспользовавшись полученными от воткинских заговорщиков сведениями о состоянии и расположении советских сил в Воткинске, экспедиционный отряд белоучредилловцев численностью 250—350 чел.⁴⁹ обошел с тыла позиции защитников Воткинска и ворвался в город⁵⁰. Одновременно выступила местная контрреволюция. Сведения об отдельных участниках мятежа свидетельствуют о том, что и в Воткинске в антисоветское выступление была вовлечена часть рабочих. Большинство же рабочих не примкнуло к мятежникам, но не поддержало и Советскую власть. Это явилось следствием их колеблющихся настроений. Неслучайно в оперативный сводке штаба 3-й советской армии 12 августа 1918 г. отмечалось, что настроение воткинских рабочих «нетвердое»⁵¹. Они не пришли на помощь

небольшому отряду коммунистов и передовых рабочих в 120 чел.⁵², который оборонял Воткинск. Несмотря на мужество бойцов отряд вынужден был после 3-часового боя отступить из города.

Поведение различных слоев рабочих Ижевска и Воткинска в момент возникновения мятежа свидетельствует о глубоком расколе в их рядах. Факт раскола противоречит традиционным построениям мелкобуржуазной и буржуазной историографии мятежа. Ложным оказывается один из ее ключевых тезисов — тезис о единомышленном выступлении местных рабочих против Советской власти⁵³, изображающий всех (или почти всех) рабочих активными врагами диктатуры пролетариата. Нелепо, конечно, утверждать, что рабочих — активных сторонников контрреволюции совсем не было. Как известно, они были и достаточно многочисленные. Но как и рабочие — защитники Советской власти — это рабочие составляли меньшинство на Ижевском и Воткинском заводах. Определяющее влияние на ход событий приобретала позиция основной массы местных рабочих. Суть ее определяли идея нейтрализма и лозунг беспартийности. Ярким выражением этой позиции прозвучали дошедшие до нас слова ижевского рабочего Е. Д. Соболева: «Я — беспартийный и мне все равно, та власть или другая»⁵⁴.

Трагедия большинства местных рабочих заключалась в непонимании того, что стремление уклониться от участия в классовой борьбе, стать над битвой в тот момент объективно было направлено против Советской власти, являлось пусть и неосознанным, но пособничеством контрреволюции. Именно их равнодушие и безучастность помогли мятежникам временно свергнуть власть Советов в Ижевске и Воткинске, а затем эти отсталые рабочие оказались втянутыми в борьбу на стороне врагов Советской власти. Многие из них были мобилизованы в эсеровскую армию, а остальные трудились на заводах, производя оружие и боеприпасы. Лишь передовые пролетарии решительно поднялись на защиту завоеваний социалистической революции.

Марксизм-ленинизм не исключает возможности перехода при определенных условиях части эксплуатируемых, в том числе и рабочих, на сторону эксплуататоров. «Никогда не бывало и никогда не может быть, — подчеркивал В. И. Ленин, — такой классовой борьбы, когда бы часть передового класса не оставалась на стороне реакции. И то же относится к гражданской войне. Часть отсталых рабочих неизбежно помогает на более или менее короткое время буржуазии»⁵⁵. Ленинский вывод опирается на вековой опыт классовых битв⁵⁶. Он позволяет глубже осознать, что негативное поведение основной массы рабочих Ижевска и Воткинска — это не социальная аномалия. Это и не факт вымышленной ренегатами от марксизма гражданской войны внутри пролетариата⁵⁷,

а одна из закономерных особенностей классовой борьбы эксплуатируемых с эксплуататорами.

В том, что отсталые рабочие Ижевска и Воткинска вольно или невольно оказались временно помощниками буржуазии, особо подлая роль принадлежала правым эсерам и меньшевикам. Умело жонглируя революционной фразеологией, спекулируя на временных экономических и политических трудностях, они сумели затемнить сознание недостаточно зрелых и потому особо восприимчивых к эсерово-меньшевистской демагогии рабочих и увлечь их за собой. Успехи в Ижевске и Воткинске побудили контрреволюцию к активизации действий.

31 августа, сняв дозоры рабочей дружины, охранявшей Сарапул, ижевские мятежники заняли город. Их успеху, помимо поддержки местной контрреволюции, способствовала серьезная ошибка руководителей сарапульской большевистской организации и Совета, которые приняли мятеж в Ижевске за простое недоразумение на почве голода. В Ижевск была послана делегация для мирных переговоров с эсерами и их союзниками⁵⁸. Сарапульцы поверили ложным заверениям мятежников о том, что они не собираются «проливать кровь рабочих за спор: «Учредительное Собрание или власть Советов». В номере органа Сарапульского Совета газеты «Труженик», вышедшем за несколько часов до захвата города врагом, категорически утверждалось, что между Ижевском и Сарапулом «...кровавого конфликта... быть не может»⁵⁹. Излишнее благодушие и доверчивость сарапульских большевиков стоили многим из них жизни.

Возникнув в городах, мятеж быстро охватил прилегающий к ним сельскохозяйственный район. Решающую роль в этом сыграла расстановка классовых сил, сложившаяся в тот момент в деревне: неорганизованность бедноты, колебания середняка и доминирующее идейно-политическое влияние деревенской буржуазии.

Захватив Ижевск, Воткинск, Сарапул, эсеры направили в окрестные села вооруженные отряды и агитаторов. При их поддержке во многих сельских волостях Сарапульского, Глазовского, Малмыжского, Елабужского уездов Вятской губернии, Осинского и Оханского уездов Пермской губернии выступило «жадное, обожравшееся, зверское кулачье»⁶⁰, поддержанное частью среднего крестьянства. В результате под властью учредилорцев оказался обширный аграрно-промышленный район, площадью 12—13 тыс. кв. км.

* * *

На следующий день после переворота в Ижевске — 9 августа 1918 г. — военный штаб мятежников признал эсерово-меньшевист-

ский Совет, разогнанный большевиками в июле 1918 г., единственной законной властью в городе⁶¹. Фактически же полнота власти сосредоточилась в руках военного командования, которое состояло из офицеров царской армии и руководителей контрреволюционного «Союза фронтовиков» — сторонников установления открытой военной диктатуры. Сразу после свержения Советской власти Ижевск, а затем и другие города были объявлены на военном положении⁶².

В сложившихся условиях Советы рабочих депутатов потеряли свое значение, превратились в бессильные, контролируемые военными организации, призванные своим авторитетом оправдывать и узаконивать действия военщины. Об этом свидетельствует, например, обмолвка, проскользнувшая в постановлении эсеров-меньшевистского исполкома в Воткинске 21 августа 1918 г. В нем говорилось: «На основании предписания начальника штаба народной армии исполком постановляет...»⁶³. Так под прикрытием демократических институтов (Советов и т. д.) в Ижевске и Воткинске начал складываться режим военной диктатуры.

Эсеры были недовольны столь бесцеремонным отстранением их от власти. В Воткинске вскоре после его захвата состоялась встреча руководителей ижевско-воткинских правых эсеров Н. И. Евсеева и А. Д. Корякина. Последний, вспоминая в 1923 г. Н. И. Евсеева, «...сообщил, что местная организация эсеров настаивает на создании комитета (членов) Учредительного Собрания»⁶⁴.

Исход борьбы за власть решили рабочие. Многие из них еще верили правым эсерам и меньшевикам. Об этом говорили, в частности, результаты выборов в коллегиальное правление оружейного завода в Ижевске 16 августа 1918 г. В них приняли участие 3812 рабочих и служащих завода. Все 3 члена правления нового состава оказались правыми эсерами⁶⁵. И в Воткинске мелкобуржуазные партии также смогли заручиться поддержкой части рабочих. Выражая их мнение, делегатское собрание местного профсоюза металлистов приняло 12 сентября 1918 г. решение о передаче власти Учредительному Собранию⁶⁶.

Особым авторитетом и влиянием меньшевики и эсеры пользовались среди «рабочей аристократии». Об этом свидетельствуют резолюции в поддержку этих партий, принятые в августе—октябре 1918 г. в магазинно-коробочной, ремонтной и поверочной мастерских Ижевского завода, где особенно много было высококвалифицированных рабочих⁶⁷.

Стремление офицерства захватить власть породило недовольство у рабочих. Брожение началось также среди части членов «Союза фронтовиков», которых военное командование считало своей опорой⁶⁸. Об этом свидетельствовало появление в газете «Ижевский защитник» 23 августа 1918 г. заявления офицеров эсе-

ровской армии, в котором делалась попытка отвести от себя подозрение в узурпации власти. Они призывали рабочих и солдат не верить тем, кто распространяет слухи, что они хотят «власти для себя».

«В сложившейся обстановке,— писал участник мятежа журналист А. Гутман-Ган,— военные вынуждены были, хотя и «весьма неохотно», согласиться «признать верховную власть четырех членов (состав местного Комуча.— П. Д.) Учредилки, тем более, что все считали эту власть временной до воссоединения с белыми центрами (Самарской, Казанью, Уфой.— П. Д.)»⁶⁹.

17 августа белоповстанцы признали «...единственной и законной властью в России...» Самарский Комуч. Создание местного Комуча поручили уже известному нам В. И. Бузанову⁷⁰. Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, писали мятежники,— отныне «считается как и его исполнительный комитет только классовой рабочей организацией, а не органом верховной власти»⁷¹.

В 20-х числах августа в Воткинске состоялось совещание будущих руководителей местного Комуча. В нем приняли участие члены Учредительного Собрания В. И. Бузанов, Н. И. Евсеев и А. Д. Корякин, которые вошли в состав комитета. Председателем этого регионального правительства, получившего название Временный Прикамский комитет членов Учредительного Собрания (сокращенно Прикомуч) был избран удмурт по национальности Н. И. Евсеев. Очевидно, это было сделано мятежниками в надежде привлечь на свою сторону удмуртских крестьян. Позднее в его состав вошел член Учредительного Собрания К. С. Шулаков, а секретарем стал А. Потапов. Все они были правыми эсерами⁷². Из Воткинска члены комитета переехали в Ижевск. 28 августа местный эсерово-меньшевистский Совет передал Прикомучу власть в Ижевско-Воткинском районе⁷³.

Правые эсеры одержали победу, но она оказалась «пирровой». Боязнь потерять власть и оттолкнуть от себя офицерство толкали правых эсеров на постоянные уступки его притязаниям. Закономерным результатом такой политики было все возрастающее влияние армейской верхушки на Прикомуч. Крупный белоучредителовский чиновник П. Н. Додин, характеризуя взаимоотношения военного командования и гражданских властей, указывал, что «наряду с комитетом Учредительного Собрания у власти был штаб народной армии»⁷⁴.

Ижевско-Воткинский район находился в тылу советских войск, что сделало невозможным регулярное сообщение с Самарским Комучем. Поэтому, признавая его верховную власть, Прикомуч фактически был самостоятелен в делах внутреннего управления.

Многообразие и сложность возникающих задач потребовали создания разветвленного аппарата власти.

Временный Прикамский комитет членов Учредительного Собрания был организован по типу Самарского Комуча. Вопросы, входившие в компетенцию Прикомуча, как высшей власти в Ижевско-Воткинском районе решались коллегиально. Вместе с тем, каждый член комитета отвечал за какую-либо отрасль управления, возглавлял соответствующий отдел. Их было несколько: военный, юридический, агитационный, финансовая комиссия.

Решение чисто военных вопросов возлагалось на офицеров⁷⁵. Функции же военного отдела были ограниченными. Они, отмечал Н. И. Евсеев, «заклучались в идейном руководстве армией»⁷⁶. Но и осуществление этой задачи оказалось затруднительным из-за противодействия военного командования. Оно, по словам А. Гутмана-Гана, не считалось с эсерами и меньшевиками⁷⁷. Реально отдел смог лишь поддерживать связь между Прикомучем и командованием армии⁷⁸. Об организации этой армии мы расскажем несколько позже.

Пропагандой эсеровских идей среди рабочих и крестьян занимался агитационный отдел (бюро). На его содержание были затрачены большие средства⁷⁹. Эффект же от деятельности, и по признанию Н. И. Евсеева, оказался незначительным.

Важную роль играли юридический отдел и финансовая комиссия. Первый руководил созданием и деятельностью судебно-следственных органов, комиссия же ведала системой налогового обложения, распределением средств на нужды учреждений, армии, заводов и т. п.⁸⁰ Такова в самом сжатом изложении структура аппарата Прикомуча.

Правые эсеры рассматривали комитет членов Учредительного Собрания как власть, которая выражала интересы всех слоев населения. В «Декларации Прикамского комитета членов Всероссийского Учредительного Собрания» 30 августа 1918 г. они писали: «В своей практической деятельности мы будем руководствоваться одной мыслью — интересами всей массы населения, а не отдельной какой-нибудь политической группы»⁸¹. В этом представлении нашла отражение наивная утопическая вера мелкого буржуа в том, что «государство «все же-таки» есть нечто внеклассовое или надклассовое»⁸². Несостоятельность подобных суждений очевидна. Прикомуч 30 августа 1918 г. оповестил население о том, что его основной задачей является «восстановление всех политических свобод, завоеванных Великой Российской революцией в феврале 1917 г.», восстановление связи с Самарским Комучем, а также возобновление «...работ Всероссийского Учредительного Собрания». Он заявил, что будет «...развивать восстание до полного свержения власти советских комиссаров»⁸³. Это была

программа реставрации буржуазного строя. Она не оставляла никаких иллюзий относительно классовой сущности эсеровской авантюры.

Положения декларации легли в основу практической деятельности Прикамского Комуча. Функции местных органов власти Прикомуч временно возложил на своих уполномоченных, которые назначались в города и сельскую местность (в последнем случае под их властью объединялся ряд волостей) и подчинялись только ему⁸⁴. Задачи, стоящие перед уполномоченными, писал занимающий эту должность в Сарапуле меньшевик П. Михайлов, заключались в восстановлении «гражданской власти и тех государственных и общественных учреждений, которые были упразднены правительством Народных Комиссаров»⁸⁵, т. е. институтов буржуазного Временного правительства.

Уполномоченные наделялись всей полнотой административной власти на местах. Их права соответствовали правам местных комиссаров Временного правительства⁸⁶. Прикомуч и его уполномоченные уделяли большое внимание реставрации местного самоуправления на захваченной территории. В постановлении комитета № 4 от 9 сентября 1918 г. указывалось, что волостные, уездные земства и городские думы восстанавливаются «...во всех своих правах и действуют на точном основании положения Временного правительства о земском и городском самоуправлении»⁸⁷.

К концу пребывания учредителей в Ижевско-Воткинском районе городские думы действовали во всех городах, в некоторых волостях земские управы сменили разогнанные Советы крестьянских депутатов, а в Сарапуле заработало уездное земство⁸⁸. В своей повседневной деятельности они опирались в деревне на сельские сходы во главе со старостой⁸⁹, а в городах на квартальных старост, чаще называемых в документах того времени просто квартальными. По своему статусу квартальные не отличались от действовавших в городах на территории Самарской учредилки квартальных советов⁹⁰.

Квартальный староста должен был избираться жителями квартала, однако фактически выборы превращались в формальность, т. к. контрразведка тщательно проверяла благонадежность кандидатов⁹¹. Квартальные занимались закупкой и доставкой в города продовольствия для населения, привлекались к заготовке провианта для армии⁹², отвечали за организацию патрулирования жителями улиц в ночное время. Они занимались вместе с милицией розыском и доставкой уклоняющихся от воинской службы на призывные пункты, вели слежку за подозреваемыми в сочувствии Советской власти⁹³.

Нуждаясь в опытных специалистах, правые эсеры охотно привлекали к участию в аппарате власти буржуазную интеллиген-

цию и служащих. Практически полностью на откуп им были отданы судебные органы. Из 5 членов следственной комиссии в Воткинске трое были бывшими мировыми судьями, один — помощником присяжного поверенного и один — заводским юрисконсультом⁹⁴. Не менее показательны сведения о социальном составе кандидатов в члены следственной комиссии в Сарапуле: из 7 чел. один представлял штаб «народной» армии, а трое были частными присяжными поверенными⁹⁵. Судейские чиновники, служившие еще при царском и Временном правительствах, заняли и восстановленные должности мировых судей⁹⁶.

В условиях реставрации буржуазного строя и засилья старых чиновников суд на территории Прикомуча являлся, как и в любой буржуазной стране, «преимущественно аппаратом угнетения, аппаратом буржуазной эксплуатации»⁹⁷.

В руках буржуазии оказался и аппарат местного самоуправления. В постановлении № 4 Прикомуч обязал составы этих органов власти, избранные еще при Временном правительстве, занять прежние должности впредь до новых выборов⁹⁸, которые впрочем не состоялись.

По свидетельству современников, несмотря на то, что на Ижевском и Воткинском заводах правые эсеры сохранили коллегияльные органы управления, фактически бесконтрольно управляли заводской деятельностью представители старого высшего технического персонала⁹⁹, по-буржуазному живущего и мыслящего¹⁰⁰.

Ведущие позиции занимали буржуазные журналисты-приверженцы установления «твердой» власти в эсеров-меньшевистской прессе. Им принадлежало три из четырех мест в редакции учредительского официоза «Воткинская жизнь», в т. ч. пост редактора. Они были ведущими сотрудниками газет в Ижевске и Сарапуле¹⁰¹. Поэтому руководимая этими людьми пресса Прикомуча открыто выражала недовольство его недостаточной решительностью в установлении буржуазных порядков. Даже по мнению меньшевиков и эсеров, она враждебно относилась к трудящимся. Журналист меньшевик В. В. Немировский, например, писал в те дни, что направление сарапульской газеты «Прикамье» «не имеет ничего общего с защитой интересов пролетариата»¹⁰².

Таким образом, буржуазия и поддерживающая ее часть старой интеллигенции были широко представлены в органах местной власти и учредительской прессе. Это дало возможность превратить аппарат управления и газеты в орудие непосредственного осуществления реставрации старого строя в значительно больших масштабах, чем предполагал Прикомуч, приступая к восстановлению буржуазной системы управления в Ижевско-Воткинском районе.

Одной из важнейших задач, вставших перед белоучредилловцами сразу же после прихода к власти, явилось создание армии. Выступая на митинге в Ижевске 9 августа, командующий вооруженными отрядами мятежников подчеркнул необходимость немедленной реорганизации разрозненных отрядов в регулярную армию. Он мотивировал это тем, что до соединения с белочехами и войсками Самарского комуча «фронт возможно придется держать 2—3 недели»¹⁰³. Армия, названная «народной», должна была создаваться на добровольческих началах¹⁰⁴. Задачу эсеров существенно облегчило то, что отряды, на основе которых она создавалась, примерно на 50% состояли из опытных, обученных солдат и офицеров старой армии. Если 8 августа в ряды мятежников влилось до 3 тыс. добровольцев, в т. ч. около 2 тыс. рабочих¹⁰⁵, то в последующие дни приток добровольцев неуклонно сокращался. По сообщению советской разведки, в армию мятежников в Ижевске вступило с 9 по 11 августа от 700 до 1700 чел.¹⁰⁶. Изменился и их социальный состав: уменьшилось число рабочих, превалировали гимназисты и ученики оружейной школы, выходцы из буржуазных семей и интеллигенции¹⁰⁷. К 11 августа белоучредилловцы поставили под ружье 7—8 тыс. чел.¹⁰⁸. Это был предел. Уже во второй половине августа из-за недостатка добровольцев, а также больших потерь ранеными и убитыми в боях, перехода части солдат на сторону советских войск¹⁰⁹ численность армии начала сокращаться. 17 августа уральский окрвоенком большевик С. Анучин сообщил по телеграфу из Вятки в Пермь, что «...восставших... в Ижевске 6—7 тыс. чел.»¹¹⁰.

Необходимым стал переход к всеобщей воинской повинности. Подчеркивая закономерность этого шага, видный советский партийный и военный деятель С. И. Гусев писал: «Буржуазия по мере развития гражданской войны ввиду малочисленности ее чисто классовой армии вынуждена вербовать в свои высокообученные части чуждые им, нередко враждебные элементы»¹¹¹. 18 августа в Ижевске началась мобилизация мужчин в возрасте от 18 до 45 лет¹¹². Сразу же стали формироваться на основе обязательной повинности воинские части в Воткинске, Сарапуле¹¹³ и других районах, захваченных учредилловцами позднее¹¹⁴.

Большинство рабочих и крестьян враждебно отнеслись к введению обязательной воинской повинности. Среди них с первых же дней мобилизации широкие размеры приняло уклонение от воинской службы¹¹⁵.

Натолкнувшись на массовое сопротивление трудящихся, эсеры вынуждены были перейти к принудительному набору солдат. За неявку на призывные пункты грозило наказание «по всей строгости» законов военного времени¹¹⁶. В городах розыском тех, кто уклонялся от службы в армии занимались контрразвед-

ка, милиция и квартальные, к участию в крупных облавах привлекались армейские подразделения ¹¹⁷.

Их действия при этом сопровождались террором. В конце октября 1918 г. контрразведке удалось арестовать большую группу рабочих, скрывавшихся от мобилизации на территории кирпичного завода в Ижевске. Всех их подвергли жестоким избиениям ¹¹⁸.

В армию мобилизовали и тех, кто был арестован за сочувствие Советской власти, но освобожден из-за недостатка улик. Приказом по ижевской «народной» армии от 3 сентября 1918 г. устанавливалось, что эти люди должны в обязательном порядке зачисляться в состав вспомогательных частей ¹¹⁹.

Нередко нарушались принципы набора в добровольческие части. Так, потерпев неудачу с вербовкой рабочих Ижевского кирпичного завода в добровольческий отряд, учредилорцы попытались укомплектовать его принудительно. Выступив перед рабочими, офицер предложил им вступить в отряд «добровольно», пригрозив, что в противном случае они будут объявлены «врагами народа».

Схожими методами осуществлялась воинская повинность в сельской местности. Уже после разгрома мятежа в Ижевско-Воткинском районе в резолюциях многочисленных митингов и собраний крестьяне писали о том, что белоучредилорцы «под угрозой штыков» вооружили их и заставили воевать против Красной Армии ¹²⁰.

Эсеровские мобилизации отличались необычайно широким размахом. За время своего трехмесячного господства они призвали в армию мужчин 27 возрастов ¹²¹. Значимость этой цифры станет понятна, если добавить, что Самарский Комуч мобилизовал мужчин 2 призывных возрастов ¹²². Поэтому переход к мобилизационной системе и насильственным методам набора солдат позволили Прикомучу быстро увеличить численность регулярной армии, доведя ее в октябре — начале ноября 1918 г. до 30—35 тыс. чел. Из этого числа постоянно на фронте находилось 8—10 тыс. бойцов ¹²³. Основную массу солдат составляли рабочие и крестьяне. По сведениям штаба 2-й армии, во второй декаде сентября из 18 тыс. солдат в Ижевске, например, около 2/3 были мобилизованными рабочими ¹²⁴.

Организация вооруженных сил Прикомуча отличалась определенным своеобразием. По воспоминаниям управляющего военным ведомством Самарского Комуча Н. А. Галкина, основной боевой единицей была отдельная рота численностью от 50 до 200 чел. Армия состояла из 120 рот. Комплектовались они по узко территориальному принципу, сводились в отряды ¹²⁵. В конце сентября наряду с отрядами появляются первые «правильно»

организованные части: батальоны и полки¹²⁶. Они входили в состав Ижевской, Воткинской и Сарапульской армий, которые в начале сентября были объединены под единым командованием и стали называться армиями Прикамского края.

Во второй половине октября 1918 г. в момент ухудшения положения «народной» армии на фронте, эсеры приступили к созданию в Ижевске милиционных резервных частей, иначе, городского ополчения. Они, отмечалось в инструкции по их организации, предназначались «для охраны государственного порядка», т. е. для подавления выступлений в тылу и для борьбы с Красной Армией при возникновении «непосредственной опасности для г. Ижевска и его района».

Для мужчин от 18 до 45 лет, пользующихся отсрочкой от призыва, вступление в эти части являлось обязательным¹²⁷. Фактически принудительно зачислялись в них и мужчины более старшего возраста. В приказе командующего воткинской «народной» армией от 3 ноября 1918 г. «...всем жителям мужского пола, способным носить оружие» предписывалось по тревожному сигналу собираться у здания штаба армии для получения оружия¹²⁸. Уместно напомнить также, что мужчины-горожане несли охрану улиц в ночное время. Правые эсеры по существу провели тотальную мобилизацию, поставили под ружье большинство мужчин, в т. ч. рабочих, способных носить оружие.

Командный состав учредиловской армии рекрутировался прежде всего из бывших царских офицеров. На 20 солдат в Ижевско-Воткинском районе приходилось в октябре 1918 г. по одному офицеру¹²⁹. Высокая степень насыщенности «народной» армии квалифицированными, опытными военными специалистами была одной из причин, позволивших ей на первых порах одерживать победы над частями Красной Армии.

Среди офицеров в Ижевско-Воткинском районе было немало старших, т. е. кадровых офицеров, таких, например, как подполковник А. А. Власов. Белогвардейская газета «Уфимская жизнь» писала 23 (10) ноября 1918 г.: «Александр Александрович Власов — старый кадровый офицер, участник трех войн, не считая войны с большевиками». Представители этой группы офицерства, среди которых господствовали монархические настроения, занимали наиболее ответственные посты. Главкомом армии Прикамского края стал полковник Федичкин, командующим воткинской и начальником штаба ижевской «народной» армий — подполковники Власов и Альбокринов и т. д.¹³⁰.

Эти данные дополняются сведениями о социальном положении и происхождении 48 представителей командного состава белозеровских отрядов 20 волостей¹³¹, участков фронтов, армейской контрразведки. Эта группа командиров среднего звена

формировалась исключительно из добровольцев. Среди них было 9 бывших служащих сельской администрации царского и Временного правительств: волостные старосты, председатели земских управ, полицейские, стражники и урядники, лесные объездчики, церковный староста, а также их дети. 12 человек принадлежали к деревенской буржуазии: кулаки, сельские торговцы и перекупщики мяса. 20 чел. являлись бывшими офицерами в чине от прапорщика до капитана, а двое — унтер-офицерами царской армии. Кроме них в группу входили священник, железнодорожный мастер, бывший уголовник и 4 интеллигента (2 — сельские учителя, 1 — агроном, 1 — лесной техник)¹³².

Социальный состав лиц, занявших офицерские должности в «народной» армии, как нам кажется, дает основание утверждать, что они были теснейшим образом связаны с отжившим, буржуазно-помещичьим строем и с одним из наиболее реакционных его институтов — армией. Неслучайно В. И. Ленин отмечал, что «...армия есть самый закоренелый инструмент поддержки старого строя»¹³³. Поэтому армейская верхушка Прикомуча была наиболее последовательной и яркой сторонницей реставрации старого строя без какого-либо подкрашивания и реформирования.

Заняв ключевые позиции в руководстве эсеровской армии, эти люди получили возможность определяющим образом влиять на выработку и проведение в жизнь основных принципов ее строительства. В армии восстанавливаются разбитые революцией порядки. 29 сентября 1918 г. Прикомуч принял постановление № 12, которое санкционировало введение в «народной» армии дисциплинарного устава, действовавшего в армии Самарского Комуча¹³⁴. Это был устав царской армии, основанный на жестокой муштре солдат, разрешавший побои и зуботычины¹³⁵. Некоторое время спустя стали восстанавливаться чины, звания и ношение погон.

Закономерно, что эта армия стала главным средством и условием осуществления политики буржуазной реставрации. Важнейшими элементами ее были: рабочая политика, политика в деревне и «белый» террор.

Насколько отвечала декларациям эсеров и меньшевиков о защите ими интересов всех слоев населения политика Прикомуча в рабочем вопросе? На его территории продолжали действовать некоторые советские законы, защищающие права рабочих. Не был формально отменен 8-часовой рабочий день, действительным оставался декрет о минимальной заработной плате, функционировали фабрично-заводские и цеховые комитеты, профессиональные союзы, биржи труда¹³⁶. Однако даже эти

весьма умеренные меры по охране прав рабочих постоянно нарушались учредилловцами.

О том, как фактически потеряло силу положение о 8-часовом рабочем дне, рассказывают материалы о введении неоплачиваемых сверхурочных работ на Ижевском заводе. 1 сентября администрация объявила рабочим о том, что в связи с военными действиями «оставление на сверхурочные работы необходимо». А 18 октября 1918 г. она дополнительно установила в мастерских, не выполняющих производственные задания, обязательные 2-часовые сверхурочные работы¹³⁷. Осуществление этих мер позволило администрации значительно удлинить рабочий день.

Была увеличена также продолжительность рабочей недели. 14 августа 1918 г. Ижевский исполком принял решение о производстве работ на заводе «во все воскресения и праздничные дни с полуторной оплатой». Фактически же рабочим оплачивали труд в эти дни по ставкам будничных дней¹³⁸, т. е. часть рабочего времени они отработывали бесплатно. Особенно осложнила материальное положение рабочих в Ижевске и Воткинске выплата жалованья не полностью, а в размере 2/3¹³⁹. Многие рабочие получали в месяц не более 40—60 руб., в то время как пуд ржаной муки, например, стоил 45 руб.¹⁴⁰. Белоучредилловцы знали о нищенских условиях жизни рабочих. Заведующий одной из мастерских в октябре 1918 г. докладывал начальнику Ижевского завода о том, что на заработанные рабочими деньги «при современной дороговизне существовать совершенно невозможно»¹⁴¹. Но они продолжали активно осуществлять новые мероприятия, ухудшающие положение рабочих. Нуждаясь в средствах для содержания армии и других государственных учреждений, эсеры наметили и осуществили массовое увольнение рабочих на Ижевском и Воткинском заводах. К началу ноября 1918 г. они рассчитали около 50% от прежнего состава рабочих¹⁴². Массовые увольнения начались на многих фабриках Сарапула¹⁴³.

Закономерным следствием действий властей явился рост безработицы. Только в Сарапуле численность безработных за вторую половину августа—сентября 1918 г. увеличилась с 771 до 1,5 тыс. чел., или почти в 2 раза¹⁴⁴. Уволенные рабочие, которые по каким-либо причинам не подлежали призыву в армию, остались без всяких средств к существованию.

Ограбление рабочих позволило Прикомучу присвоить огромные денежные суммы. Только на Ижевском и Воткинском заводах он задолжал рабочим и служащим около 8 млн. руб.¹⁴⁵. Эти средства расходовались на содержание буржуазного аппарата власти. Из них же учредилловцы оплачивали приобретенные у частных лиц дома, больницы и т. д. За купленную для нужд ар-

мии кумысолечебницу в Воткинске коллегия управления Воткинского завода, например, заплатила ее владельцу без всяких проволочек и ссылок на финансовые затруднения 25 880 руб.¹⁴⁶. Характер использования средств, полученных за счет ухудшения материального положения рабочих, обнажает буржуазный характер экономической политики Прикамской учредилки.

Важной составной частью политики Прикомуча в рабочем вопросе было отстранение рабочих от участия в управлении производством. Правые эсеры и меньшевики добивались передачи всех руководящих функций на фабриках и заводах старому техническому персоналу. Их планы встретили горячее одобрение и практическую поддержку буржуазных специалистов¹⁴⁷. Вместе с тем мелкобуржуазные соглашатели не были столь прямолинейными и откровенными, как их буржуазные союзники. Боязнь разоблачения толкала их к сохранению у рабочих иллюзии участия в управлении производством. Поэтому в составе административного аппарата на предприятиях были и рабочие. Из 5 членов коллегии на Воткинском заводе — 2, а на Ижевском заводе — 3 чел. представляли рабочих и конторских служащих. Это были люди, полностью порвавшие со своим классом. В Ижевске должности членов коллегии заняли руководители правых эсеров В. И. Бузанов, П. А. Барышников и В. А. Лаврентьев. И в Воткинске членами коллегии стали активные сторонники Прикомуча¹⁴⁸.

Однако присутствие в органах управления даже обуржуазившихся рабочих раздражало и стесняло старый персонал, привыкший чувствовать себя полновластным хозяином на заводах. Постепенно в его действиях все более отчетливо проступает тенденция к сосредоточению всей полноты власти. Представители рабочих теряют всякое значение. По свидетельству служащего заводууправления П. Н. Луппова, на Воткинском заводе, хотя и сохранилась коллегия, но фактически бесконтрольно деятельностью мастерских и отделов руководили инженеры¹⁴⁹. Так было и в Ижевске¹⁵⁰.

Жестко и последовательно проводили правые эсеры линию на отстранение от участия в управлении производством таких массовых пролетарских организаций, как цеховые и общезаводские комитеты. Уже 11 августа 1918 г. коллегия управления Ижевским заводом издала приказ, в котором указывалось, что в «мастерских, хозяйственном комитете, лесничестве, на железных дорогах и прочих отделах... дело должно вестись администрацией за полной ее ответственностью»¹⁵¹. Действия коллегии натолкнулись на неподчинение цеховых и общезаводского комитетов, которые как и прежде продолжали контролировать действия инженерно-технического персонала.

Раздраженные сопротивлением этих организаций учредилорцы вынуждены были открыто заявить об отстранении их от участия в управлении производством. 24 августа администрация объявила, что за общезаводским комитетом сохраняется лишь право на получение информации о быте рабочих и производительности завода¹⁵². Еще более бесцеремонно и грубо расправились белоучредилорцы с цеховыми комитетами. 9 сентября заводская коллегия уведомила рабочих, что «к управлению мастерской цеховой комитет никакого отношения не имеет»¹⁵³. Но даже отстраненные от участия в управлении производством цеховые и общезаводской комитеты вызывали у заводской администрации недоверие. Поэтому их в начале сентября окончательно лишили какой-либо самостоятельности. Все решения цеховых и общезаводского комитетов могли проводиться в жизнь только после утверждения их коллегией управления заводом¹⁵⁴. Иначе говоря, буржуазная администрация и эсеры взяли на себя функции контроля над деятельностью этих массовых рабочих организаций. Этот контроль по характеру был откровенно антирабочим. Словно в насмешку лишенный былых прав и власти общезаводской комитет эсеры называли «контрольным рабочим органом». Эта словесная эквилибристика была одним из конкретных проявлений эсерово-меньшевистской демагогии, имеющей целью оболванить трудящихся.

Широкое наступление повел Прикомуч на права профсоюзов. О том, как это делалось, рассказывают материалы белоучредилорской прессы о событиях в Воткинске. На состоявшемся здесь 12 сентября 1918 г. делегатском собрании местного союза металлистов эсеры и меньшевики протащили резолюцию, в которой союз признавался «исключительно классовой организацией рабочих, не желающей быть производственной, т. е. хозяйственной»¹⁵⁵. Конечно, правым эсерам было политически выгодно представить дело так, словно рабочие организации сами отказались от участия в управлении производством. В действительности, профессиональные союзы, как фабрично-заводские, цеховые комитеты были насильственно лишены белоучредилорцами законных прав.

Стремясь полностью подчинить рабочие организации своему влиянию, Прикомуч провел радикальную «чистку» их руководящих органов от большевиков и сочувствующих им. В Ижевске были арестованы «за сочувствие Советской власти» 9 членов общезаводского комитета, председатель и многие члены правления союза металлистов¹⁵⁶, в Воткинске — руководитель союза металлистов большевик И. И. Швецов¹⁵⁷, в Сарапуле — один из членов центрального правления профсоюзов города и несколько членов центрального рабочего комитета промышленных пред-

приятый (ЦРК), который объединял и координировал деятельность фабрично-заводских комитетов города¹⁵⁸.

Освободившиеся посты учредилорцы замещали своими ставленниками¹⁵⁹. Они продолжали преследовать рабочие организации. В Ижевске белоэсеры выселили правление ижевского союза металлистов из отведенного ему помещения¹⁶⁰. А в Сарапуле они опечатали здание, где помещалось центральное правление профсоюзов города¹⁶¹. В атмосфере постоянных репрессий и притеснений фабрично-заводские комитеты и профессиональные союзы владели жалкое существование. Резко сократилась посещаемость рабочими профсоюзных собраний. Массовый характер этот процесс принял в Сарапуле.

Некоторые профессиональные союзы практически прекратили свою деятельность. После разгрома мятежа, 26 ноября 1918 г., в Ижевске состоялось собрание членов союза металлистов. Выступавшие на собрании отмечали, что в период правления Прикомуча «союзу активно работать не приходилось... За это время планомерных работ не проводилось, собраний никаких не было»¹⁶².

Отстранение рабочих от участия в управлении производством было элементом более широкой политики по устранению рабочих от участия в управлении государством, проводимой эсерами и меньшевиками. Важнейшим шагом на этом пути стало лишение прав государственной власти Советов рабочих депутатов, которые учредилорцы рассматривали только как классовые рабочие организации, а не органы государственной власти¹⁶³.

Ограничивалось участие рабочих в органах белоучредилорской власти. Этот процесс усиливался по мере того, как все более очевидным становился разрыв между интересами пролетариата и устремлениями эсеров и меньшевиков. Характерен в этом плане следующий факт: 10 августа 1918 г. ижевский эсерово-меньшевистский Совет вынес постановление о назначении в следственную комиссию по одному представителю от каждой из 30 мастерских завода¹⁶⁴. Избранные в комиссию рабочие и слушающие были сторонниками правых эсеров и меньшевиков. Их функции заключались в том, чтобы удостоверить личность арестованных, их партийную принадлежность. Но даже эти соглашательски настроенные люди, увидев жестокость белоучредилорского суда, усомнились в его справедливости. Поэтому, отмечал большевик М. А. Трубицын, дело которого разбирала эта следственная комиссия, в глазах эсеров и меньшевиков «они оказались не на высоте своего положения». Через 7—10 дней все 30 чел. были возвращены на завод и более не приглашались на заседания следственной комиссии.

Антирабочая политика Прикомуча противоречила коренным

интересам рабочего класса. Формальное сохранение некоторых завоеваний пролетариата, которые к тому же постоянно нарушались, не могло изменить ее буржуазную сущность. Осуществление этой политики привело в упадок пролетарские организации, лишило рабочих прав, данных Советской властью.

Свою программу в земельном вопросе Прикомуч изложил в одном из пунктов постановления № 4 от 9 сентября 1918 г. В нем говорилось, что земельные органы Советской власти «волостные земельные комитеты дела... сдают местным органам самоуправления, каковые заведуют земельными делами, руководствуясь в своей деятельности инструкциями о земельных комитетах Временного правительства. Уездные и районные земельные и лесные комитеты впредь до особого распоряжения остаются на местах»¹⁶⁵. Эта программа поражает чрезмерной краткостью и недоговоренностью. Поэтому, чтобы постичь подлинные намерения ижевско-воткинских эсеров в аграрном вопросе, необходимо учитывать при анализе не только то, о чем говорится в постановлении № 4 открыто, но также и то, о чем авторы его предпочли из тактических соображений умолчать.

Создатели программы акцентировали внимание на замене советских земельных органов буржуазными. Главный удар они случайно обрушили на волостные земельные комитеты, которые весной—летом 1918 г. несли основную тяжесть по осуществлению ленинского Декрета о земле в деревне Удмуртии. Их деятельность вызывала злобу и ненависть у кулацко-зажиточной части сельского населения, на которую опирались эсеры. Поэтому Прикомуч в первые же дни своего пребывания у власти принял решение уничтожить эти комитеты. То был шаг, на который не отважились ни Временное правительство, ни Самарский Комуч. Думается, что объяснение более жесткой позиции местных эсеров в вопросе о земельных комитетах следует искать в более сильном, чем в Самаре влиянии армейской верхушки на Прикомуч.

Сконцентрировав внимание на решении проблемы земельных органов, ижевско-воткинские эсеры в постановлении № 4 обошли молчанием имеющий принципиальное значение вопрос о том, какая из двух форм собственности на землю: общенародная (государственная) или частная — будет признана законной на территории Прикомуча? Между тем, теоретически решение этой проблемы не таило в себе никаких неясностей для правых эсеров. В аграрной программе партии, обнародованной в документах дореволюционной поры, «проекте основного закона о земле фракции социалистов-революционеров Учредительного Собрания», в декларации Самарского комуча от 24 июля 1918 г. предусматривалась отмена частной собственности на землю и передача ее

в общенародное достояние. Право распоряжения землей передавалось правительству и его местным органам¹⁶⁶. При отсутствии этого положения в постановлении № 4 фраза, в которой говорилось, что земельные органы обязаны руководствоваться инструкцией о земельных комитетах Временного правительства, фактически означала, что они будут действовать как и до Октябрьской революции в условиях господства частной собственности на землю. Этот вывод совпадает с высказанным еще в 30-е годы мнением известного местного историка В. А. Максимова¹⁶⁷.

Нежелание публично отдать предпочтение одной из форм собственности на землю при определении основ аграрной политики было тактическим приемом, с помощью которого Прикомуч пытался скрыть от народных масс совершенную им измену принципам аграрной программы своей партии. Эта нехитрая уловка не могла обмануть крестьян на сколько-нибудь длительный срок. Очевидно, поняв это, учредилловцы откровенно признали, что в Ижевско-Воткинском районе восстановлена частная собственность на землю. В одной из листовок, распространенных советскими подпольщиками в Сарапуле, подчеркивалось, что Советская власть «...дала (крестьянам.— П. Д.) социализацию земли, а учредилловцы говорят, что она должна остаться у прежних владельцев до созыва Учредилки»¹⁶⁸. Такая позиция полностью повторяла позицию Временного правительства в земельном вопросе. Решение Прикомуча свидетельствовало о том, что в отличие от самарских эсеров, которые так и не отважились официально признать частную собственность на землю, он под усиливающимся давлением военщины и буржуазии более открыто и последовательно проводил курс на реставрацию частной собственности. Повсеместно при содействии «народной» армии разгонялись сельские Советы, советские продовольственные и земельные органы¹⁶⁹, уничтожались документы, связанные с реализацией на местах постановлений центральных и местных земельных органов Советской власти. 12 декабря 1918 г. земельный отдел Камбарского волосткома (Осинский уезд Пермской губернии), например, констатировал, что белоучредилловцы уничтожили, расхитили «...все руководства, все планы, все сведения о земле»¹⁷⁰. Земельные участки, отобранные Советской властью у кулаков и переданные бедноте, были возвращены прежним владельцам¹⁷¹. Такая политика при незначительности помещичьего землевладения в Ижевско-Воткинском районе выражала прежде всего интересы сельской буржуазии. Кулаки с одобрением восприняли действия эсеров и постепенно стали забирать в деревне власть в свои руки.

Неотъемлемой частью социальной политики Прикомуча являлся «белый» террор. Сразу же после свержения Советской

власти в Ижевске, Воткинске и Сарапуле начались облавы, обыски и расстрелы. Это была не стихийная вспышка насилия, а осуществление заранее продуманного плана террористической деятельности. В городах было введено военное положение¹⁷². Руководители мятежа отдали распоряжение уничтожать коммунистов, советских работников, сочувствующих Советской власти. «От офицеров исходило приказание расстреливать беспощадно», — сообщал 11 августа из Ижевска советский разведчик¹⁷³. Каратели врываются в государственные учреждения, больницы, обыскивали дома рабочих. Им помогали лавочники, буржуа, обыватели. Они, вспоминал в 1919 г. воткинский большевик С. С. Медведев, «бегали по учреждениям, указывали на коммунистов и проводили обыски и аресты». Уже в первые часы были убиты и замучены десятки передовых рабочих и коммунистов. Не щадили даже раненых и больных. По свидетельству ижевских рабочих очевидцев А. И. Васильева и Я. Успенского, учредиловцы истязали раненных коммунистов прямо в больничной палате. А тяжело раненного в бою заместителя председателя Ижевского Совета большевика В. С. Жечева они забрали из госпиталя и расстреляли без суда и следствия¹⁷⁴.

Спасаясь от преследований, коммунисты и революционные рабочие пытались скрыться из Ижевска, Воткинска и Сарапула. В погоню за ними бросились карательные отряды¹⁷⁵. В стычке с одним из таких отрядов погибли видные ижевские большевики И. И. Рогалев и Ф. В. Фокин¹⁷⁶. Каратели схватили председателей ижевского и сарапульского комитетов РКП(б) И. Д. Пастухова и И. С. Седельникова, заместителя председателя воткинского Совета К. А. Казенова и многих других советских и партийных руководителей.

В охоте за коммунистами и красноармейцами активно участвовала деревенская буржуазия. В с. Грахово Елабужского уезда Вятской губернии кулаки расстреляли 12 красноармейцев, в Сайгатской волости Осинского уезда Пермской губернии они бросили в Каму с камнем на шею председателя волисполкома коммуниста И. А. Мусцинкина¹⁷⁷. Подобные случаи наблюдались и в других местах.

Репрессии обрушились также на беспартийных крестьян, поддерживающих Советскую власть. В с. Степаново Бабкинской волости кулаки изрубили топорами крестьянина-бедняка И. В. Бердышева за сочувствие большевикам. А в с. Бердышево они закололи штыками крестьянку М. И. Томилову. Ее «вина» заключалась в том, что она была замужем за коммунистом¹⁷⁸. Приведенные факты зверств не были исключением. Архивные фонды хранят немало документов, подтверждающих, что белоучредиловцы действовали так повсеместно¹⁷⁹.

Тысячи людей были брошены мятежниками за решетку. Только за первые три дня мятежа в ижевских тюрьмах, по сведениям Вятской губчека, оказалось более 3 тыс. чел.¹⁸⁰. Арестные помещения были переполнены.

Сарапульские и воткинские контрреволюционеры, заполнив городские тюрьмы, разместили большое количество заключенных в баржах, которые стояли на приколе у местных пристаней. К началу ноября 1918 г. в 4 плавучих тюрьмах на воткинском пруду томилось около 1 тыс. чел. Кроме того, многие арестованные содержались в тюрьмах обычного типа. В Сарапуле размах арестов был таков, что на каждые 18 жителей этого небольшого уездного города приходился 1 политический заключенный¹⁸¹. В этих цифрах отразились громадные масштабы белого террора, который Прикомуч осуществлял под флагом демократии.

Бросив в тюрьмы тысячи людей, учредиловцы оказались перед необходимостью решить как-то их судьбу. Выражая мнение офицеров-монархистов, военный комендант Ижевска в первые дни мятежа откровенно заявил жене заключенного большевика Н. Ф. Туранова, что «...арестованных всех надо убить». Эсеры и меньшевики не были столь прямолинейными. Они по крайней мере на словах выступили за соблюдение каких-то норм видимой законности. 10 августа эсерово-меньшевистский Совет объявил о создании следственной комиссии¹⁸². 31 августа по решению Прикомуча такие же комиссии образовались в Воткинске и Сарапуле¹⁸³.

Следственные комиссии в Ижевско-Воткинском районе, как и на территории Самарского Комуча, были буржуазными карательными органами. Функции их, показал арестованный чекистами в 1935 г. член ижевской комиссии правый эсер Ф. И. Злобин, заключались в расследовании «дел на арестованных контрразведкой большевиков (и сочувствующих им.— П. Д.)» и «вынесении по этим делам приговора»¹⁸⁴.

Основным методом сбора доказательств вины заключенных были побои и пытки, использовались и лжесвидетельства¹⁸⁵. Подобные незаконные методы учредиловцы широко применяли при «расследовании» ими же сфабрикованных преступлений руководителя ижевских большевиков И. Д. Пастухова. Они обвинили его в хищении из государственного казначейства нескольких миллионов рублей¹⁸⁶. Стремясь убедить в этом рабочих, правые эсеры, меньшевики и офицеры развернули шумную пропагандистскую кампанию, дружно изображали И. Д. Пастухова уголовным преступником¹⁸⁷. Сознательно искажая факты, они преследовали вполне определенную цель. Суд над руководителем местных большевиков лидеры «демократической контрреволюции» надеялись превратить в суд над большевизмом, развенчать его в глазах ра-

бочих. Это была политическая месть, прикрытая комедией уголовщины¹⁸⁸.

Стремясь любой ценой добиться от И. Д. Пастухова признания, мятежники изолировали его от других арестованных, подвергали жестоким пыткам, в которых, по признанию уже известным нам Ф. И. Злобина, участвовали члены следственной комиссии. Но никакие издевательства не могли сломить стойкого революционера-ленинца. Ф. И. Злобин с невольным уважением свидетельствовал, что на допросах «Пастухов держался спокойно с большим достоинством... на большинство наших вопросов он не отвечал»¹⁸⁹.

Слухи о пытках над Пастуховым вызвали среди рабочих массовое недовольство¹⁹⁰. Опасаясь усиления волнений, мятежники в ночь на 17 сентября 1918 г. тайно вывезли его из тюрьмы на кладбище и живым закопали в землю¹⁹¹.

Столь же незаконно и свирепо расправлялись с большевиками и сторонниками Советской власти другие следственные комиссии. Особенно страшной славой пользовался этот «пытошный» застенок в Воткинске. Мятежники считали его «образцом для ижевской и сарапульской комиссий»¹⁹².

Следственные комиссии действовали в тесном контакте с контрразведкой. Ее отделы были созданы при штабах «народной» армии в Ижевске, Воткинске, Сарапуле. Они пополнялись прежде всего за счет офицеров-монархистов, бывших полицейских и провокаторов, буржуа-добровольцев¹⁹³. Их усилиями контрразведка с первых же дней существования принялась ревностно искоренять «большевистскую заразу».

По ее распоряжениям политически неблагонадежных увольняли с работы. Среди них был писарь мобилизационного отдела в Воткинске П. М. Нельзин. 30 августа 1918 г. заведующий местным бюро контрразведки предложил начальнику отдела уволить его на том основании, что «хотя он в партии большевиков и максималистов не состоит, но его убеждения — горячий сторонник (идеалист) большевизма»¹⁹⁴.

Особенно жестокие репрессии обрушились на семьи руководителей местных советских и партийных органов. В Ижевске эсеры заключили в тюрьму отца, двух сестер и 16-летнего брата И. Д. Пастухова, а в Сарапуле — отца, сестру и 12-летнего брата И. С. Седельникова. Вместе с ними томились родственники других партийных и советских работников Сарапула¹⁹⁵. Мятежники действовали так и в других городах и селах¹⁹⁶. Аресты этих людей были лишь частью незаконных, внесудебных арестов. Неудивительно поэтому, что накануне падения Прикомуча арестованные беспричинно по свидетельству узников эсеровских застенков, составляли самую многочисленную группу заключенных¹⁹⁷. Не-

смотря на невиновность этих людей, мятежники подолгу томили их в тюрьмах. Более месяца пробыл под арестом житель Ижевска В. И. Крезов, хотя «дознание не установило, чтобы Крезов принадлежал к числу большевиков»,— писал начальник городской милиции. Полтора месяца провел в тюрьме без обвинения ижевский милиционер П. Валентинов¹⁹⁸.

Уничтожению людей, причисленных к противникам учредилки, был подчинен весь тюремный распорядок. «Демократический» Прикомуч установил в тюрьмах порядки, не уступающие по жестокости самым страшным застенкам царской охранки. «Режим для арестованных большевиков...,— инструктировал начальника контрразведки Ижевска и коменданта города главком «народной» армии Г. Н. Юрьев в приказе от 26 октября 1918 г.,— должен соответствовать режиму каторжников, содержащихся в каторжных тюрьмах за тяжчайшие виды преступления»¹⁹⁹. Узников содержали в переполненных, душных помещениях. В каждую из 4 одиночных камер при военном отделе в Ижевске мятежники набили не менее 10, а в общую камеру — около 300 арестованных²⁰⁰. Более 500 чел. бросили они в неотопливаемый подвал бывшего винного склада в Сарапуле. Спали арестованные вповалку на холодном цементном полу, покрытом рогожами²⁰¹.

Губительное воздействие нечеловеческих условий жизни для здоровья арестованных усиливалось скудной пищей. В Ижевске узники получали 1/2 фунта хлеба в сутки и кипяток²⁰². Еще более скудным был рацион заключенных в плавучих тюрьмах. По свидетельству баржевика И. Невлера, им полагалось «на 3—4 дня 1/2 фунта хлеба и воды «с Камы». Однако даже этот мизерный паек часовые-мародеры часто не выдавали узникам, требуя за него сапоги, пальто и другие носильные вещи. Тех, кто отказывался от такого «товарообмена», расстреливали²⁰³.

Холод, скученность и постоянное недоедание обрекали людей на медленное физическое угасание, вызывали у них различные заболевания. Узник «баржи смерти» на Каме большевик У. И. Манохин вспоминал, что многие арестованные плавучей тюрьмы болели, «а некоторые уже не могли двигаться»²⁰⁴.

Жизнь узников в тюрьме регламентировали особые правила внутреннего распорядка, подписанные председателем Прикомуча Н. И. Евсеевым. Они были созданы на основе тюремного законодательства царского правительства и категорически запрещали разговоры конвойной команды с заключенными, ограничивали передачу арестованным продуктовых посылок воскресными и праздничными днями. Наибольший интерес представляет § 5 этого документа. Ссылаясь на циркуляр царского министерства юстиции от 3 апреля 1908 г., составители правил указывали, что необходимо не менее 2 раз в неделю проводить повальные обыски в каме-

рах, «а в тех случаях, когда имеются основания подозревать подготовку арестантов к побегу, немедленно и не стесняясь с временем суток»²⁰⁵. § 5 правил предоставил тюремной администрации и контрразведке неограниченные возможности для издевательств над заключенными в любое время дня и ночи.

Руководители Прикомуча не могли не понимать опасности, связанной с концентрацией бесконтрольной власти над арестованными в руках людей, ответственных за их судьбы. Поэтому они в такой же, если не в большей степени, ответственны за насилия над беззащитными узниками.

Контрразведка и тюремные надзиратели широко пользовались предоставленными им правами. На всю жизнь запомнилась заключенным тюрем Сарapulta ночь с 18 на 19 сентября 1918 г., когда всех их подвергли повальному обыску. При этом их избивали и отбирали личные вещи. Даже отвыкший удивляться комендант одной из тюрем был поражен мародерством карателей. «Это был не обыск, а грабеж», — рассказывал он начальнику тюрьмы. После обыска учредиловцы расстреляли 18 узников²⁰⁶. Подобные бесчинства творились во всех тюрьмах Ижевско-Воткинского района²⁰⁷.

В расправах над заключенными участвовали многие руководители учредилки, но и среди них выделялись жестокостью капитан Г. Н. Юрьев, начальник штаба ижевской «народной» армии подполковник А. А. Власов²⁰⁸. По некоторым данным, в пытках и расстрелах осужденных принимал участие член Прикомуча В. И. Бузанов²⁰⁹.

Успехи Красной Армии на фронте рождали у мятежников предчувствие скорого краха. Бессильный страх и ненависть они вымещали в участвовавших казнях беззащитных узников. Комендант арестного помещения при военном отделе в Ижевске Г. Г. Коневский в 1923 г. рассказывал на следствии, что в октябре 1918 г. «расстрелы очень участились и были расстрелы партиями».

Дикую расправу учинили конвоиры над узниками «баржи смерти» на Каме. По свидетельству бывших баржевиков, за несколько часов они убили более 100 из 600 ее узников²¹⁰. Среди казненных были и дети. В с. Камбарка Осинского уезда мятежники расстреляли 12-летнего Шуру Бабикова²¹¹.

Скрывая от трудящихся правду о массовых казнях заключенных, каратели пускались на различные ухищрения. Обычно население объявляли, что арестованные расстреляны якобы «за участие в бунте». Так было и после убийства 25 заключенных в Ижевске в октябре 1918 г. Для большего правдоподобия караульному начальнику арестного помещения при военном отделе была объявлена благодарность в приказе по штабу армии. «Но, — категори-

чески утверждал уже упоминавшийся Г. Г. Коневский, — никакого бунта не было и это со стороны штаба... было провокацией». Под таким же предлогом был расстрелян 22 сентября 1918 г. и руководитель воткинского союза металлистов коммунист И. И. Швецов²¹².

Особенно разнузданные формы принял террор в последние дни существования учредилки в Воткинске. Массовые казни следовали одна за другой²¹³. За 3—4 дня погибло около 300 чел.²¹⁴. Неслыханным размахом репрессий Прикомучу удалось терроризировать население Ижевско-Воткинского района. По словам рабочего Н. И. Вяткина, у жителей Воткинска появилась боязнь даже «в дневное время ходить по городу».

Но крайняя жестокость белого террора свидетельствовала не о силе, а скорее о слабости эсеровской власти. Еще Энгельс отмечал, что террор — «это господство людей, которые сами напуганы»²¹⁵. Под маской покорности и боязни у большинства рабочих и крестьян постепенно зрело возмущение варварскими расправами. Оно сливалось с острым недовольством трудящихся другими элементами социальной политики Прикомуча: его курсом в рабочем и земельном вопросах.

Буржуазная политика Прикомуча раскрыла глаза многим отсталым рабочим и крестьянам на антисоциалистическую сущность мелкобуржуазных партий правых эсеров и меньшевиков. Эффектные декларации лидеров местной «демократической» контрреволюции о намерении создать некую всенародную надклассовую власть обернулись на деле прямым пособничеством буржуазно-монархическим элементам, реставрации ненавистных трудящимся эксплуататорских порядков. Вопиющее противоречие между заявлениями и практической деятельностью Прикомуча отражало неспособность правых эсеров и меньшевиков осуществлять независимый от буржуазии политический курс. Такая антинародная политика явилась главным фактором, оттолкнувшим от мелкобуржуазной контрреволюции даже тех отсталых трудящихся, которые прежде по темноте и невежеству поддерживали ее.

ПЕРЕЧЕНЬ ССЫЛОК

¹ Мороз Г. Из истории гражданской войны в России // Коммунистический Интернационал, 1920, № 16; Сапожников Н. Ижевско-Воткинское восстание // Пролетарская революция, 1924, № 8—9; Сергеев В. Ижевск в огне гражданской войны. — Ижевск, 1927; Макаров Ф. П. Октябрь и гражданская война в Удмуртии. — Ижевск, 1932; Очерки истории Удмуртской АССР. — Т. 2. —

Ижевск, 1962; Зубарев С. П. Прикамье в огне.— Ижевск, 1967; Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России 1917—1920.— М., 1968; Гусев К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции.— М., 1975; Дмитриев П. Н. В тот тревожный год // Молот (Ижевск), 1980, № 3; Куликов К. И. В боях за Советскую Удмуртию.— Ижевск, 1982; Рабочий класс Удмуртии.— Ижевск, 1987; и др.

² Дмитриев П. Н. К вопросу о создании армии эсерами в Ижевско-Воткинском районе в 1918 г. // Просвещение и сельское хозяйство / Тезисы докладов на конференции молодых ученых Удмуртии.— Ижевск, 1981.— С. 10.

³ См. ссылку 1.

⁴ Максимов В. А. Кулацкая контрреволюция и Ижевское восстание (1918).— Ижевск, 1932. Макаров Ф. П. Указ. соч.; Рабочий класс Удмуртии и др.

⁵ Гусев К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции.— С. 228; Социалист-революционер // Издание ЦК партии с.р.— 1918 — Июнь.— Сб. 3.— М., 1918.— С. 33, 34.

⁶ Гусев К. В. Указ. соч.— С. 229.

⁷ ЦГАОР.— Ф. 1005, оп. 1а, д. 346, л. 152.

⁸ Спирин Л. М. Указ. соч.— С. 156; Гармиза В. В. Крушение эсеровских правительств.— М., 1970.— С. 12. ЦГАОР.— Ф. 1005, оп. 1а, д. 346, л. 33, 34, 85, 145, 151, 176; и др.

⁹ Вятская губерния, прежде всего ее южные хлеботорные уезды, позднее вошедшие в состав Удмуртии, тогда относилась к производящим губерниям и снабжала хлебом крупнейшие промышленные центры страны.

¹⁰ ЦГАОР.— Ф. 1005, оп. 1а, д. 363, л. 164; д. 365, л. 116.

¹¹ Капшугевич И. История политической гибели эсеров на Урале.— Пермь, 1975.— С. 154; ЦГА УАССР.— Ф. Р 911, оп. 1, д. 3, л. 106.

¹² ЦГАОР.— Ф. 1005, оп. 1а, д. 347, л. 5.

¹³ ЦГА УАССР.— Ф. Р 1061, оп. 1, д. 17, л. 11.

¹⁴ Сергеев В. Указ. соч.— С. 55. ЦГА УАССР.— Ф. Р 1061, оп. 1, д. 17, л. 11—12.

¹⁵ ЦГА УАССР.— Ф. Р 1061, оп. 1, д. 17, л. 12, 13.

¹⁶ Сергеев В. Указ. соч.— С. 53—54.

¹⁷ Очерки истории Удмуртской организации КПСС.— С. 133.

¹⁸ Дмитриев П. Н. В тот тревожный год — С. 50; Сергеев В. Указ. соч.— С. 53.

¹⁹ ЦГА УАССР.— Ф. 212, оп. 1, д. 23819, л. 315; Ф. 911, оп. 1, д. 5, л. 86.

²⁰ Зубарев С. П. За Республику Советов.— Ижевск, 1970.— С. 114.

²¹ Спирин Л. М. Указ. соч.— С. 261.

²² РФ УдНИИ 142.— С. 256.

²³ Дмитриев П. Н. Разгром эсеров-меньшевистского мятежа в Ижевско-Воткинском районе в 1918 г. // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук.— М., 1983.— С. 91.

²⁴ Макаров Ф. А. Указ. соч.— С. 42; ЦГАОР.— Ф. 6860, оп. 1, д. 562, л. 1; Зубарев С. П. Прикамье в огне.— С. 58.

²⁵ ЦГА УАССР.— Ф. 212, оп. 1, д. 23819, л. 128.

- ²⁶ Дмитриев П. Н. В тот тревожный год.— С. 50.
- ²⁷ ЦГА УАССР.— Ф. 212, оп. 1, д. 23819, л. 128; Ф. Р 1061, оп. 1, д. 17, л. 12.
- ²⁸ Макаров Ф. П. Указ. соч.— С. 63.
- ²⁹ Кучкин А. П. Указ. соч.— С. 161.
- ³⁰ Очерки истории Удмуртской организации КПСС.— С. 132.
- ³¹ ЦГА УАССР.— Ф. Р 223, оп. 1, д. 1, л. 15.
- ³² ЦГАСА.— Ф. 169, оп. 1, д. 114, л. 183; ГАКО.— Ф. Р 1585, оп. 8, д. 193, л. 38; ЦГА УАССР.— Ф. Р 41, оп. 1, д. 72, л. 95.
- ³³ Постников А. Д. Указ. соч.— С. 33.
- ³⁴ Дмитриев П. Н. В борьбе за Советскую власть в Удмуртии // Пропегандист и агитатор, 1977, № 17.— С. 28.
- ³⁵ ГАКО.— Ф. Р 1585, оп. 8, д. 113, л. 555.
- ³⁶ Данные о численности милиционеров к 5 июля 1918 г.— ЦГАСА.— Ф. 169, оп. 1, д. 114, л. 85; ГАКО.— Ф. Р 1260, оп. 1, д. 1, л. 16. К началу мятежа в связи с мобилизациями численность городской милиции, очевидно, уменьшилась.
- ³⁷ Спирин Л. М. Указ. соч.— С. 262.
- ³⁸ Гутман-Ган А. Два восстания.— С. 151.
- ³⁹ Дмитриев П. Н. Разгром эсэро-меньшевистского мятежа в Ижевско-Воткинском районе.— С. 93.
- ⁴⁰ Сергеев В. Указ. соч.— С. 59.
- ⁴¹ ЦГАСА.— Ф. 169, оп. 1, д. 114, л. 85; ГАКО.— Ф. Р 1260, оп. 1, д. 1, л. 16.
- ⁴² ЦГАСА.— Ф. 176, оп. 3, д. 53, л. 268.
- ⁴³ Сапожников Н. Указ. соч.— С. 11.
- ⁴⁴ Народная жизнь, ежедневная внепартийная газета (Казань), 1918, 23 августа.
- ⁴⁵ ЦГА УАССР.— Ф. Р 543, оп. 13, д. 113, л. 160.
- ⁴⁶ Дмитриев П. Н. В тот тревожный год.— С. 51.
- ⁴⁷ ЦГА УАССР.— Ф. Р 1061, оп. 1, д. 17, л. 17.
- ⁴⁸ ЦГА УАССР.— Ф. Р 1017, оп. 1, д. 3, л. 68; д. 29, л. 71/об.
- ⁴⁹ Дмитриев П. Н. В тот тревожный год.— С. 51.
- ⁵⁰ ЦГАСА.— Ф. 169, оп. 1, д. 111, л. 29.
- ⁵¹ ЦГАСА.— Ф. 176, оп. 3, д. 101, л. 4.
- ⁵² Данные на 12 августа 1918 г.— ЦГАСА.— Ф. 176, оп. 3, д. 53, л. 264.
- ⁵³ Буревоу К. Трагедия на Востоке // К прекращению войны внутри демократии.— М., 1919; Лебедев В. И. Борьба русской демократии против большевиков.— Нью-Йорк, 1919; Уповалов И. Рабочее восстание против Советской власти // Заря (Берлин), 1923, № 4; Гутман-Ган А. Два восстания // Белое дело. Летопись белой борьбы.— Берлин, 1927.— Т. 3; Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917—1918 гг.— Париж, 1936.— Ч. 3.— Кн. 7; и др.
- ⁵⁴ Дмитриев П. Н. Разгром эсэро-меньшевистского мятежа в Ижевско-Воткинском районе.— С. 96.
- ⁵⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 39.— С. 189.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Там же.— С. 139—145, 182—194.

- ⁵⁸ ЦГАСА.— Ф. 169, оп. 1, д. 104, л. 43/об., 44.
- ⁵⁹ Труженик, 1918, 31 августа.
- ⁶⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 37.— С. 39.
- ⁶¹ Ижевский защитник, орган Ижевского Совета и штаба «народной» армии, 1918, 23 августа; ЦГАСА.— Ф. 169, оп. 1, д. 830, л. 26.
- ⁶² Военное положение в Ижевске отменено 17-го и вновь введено 26 августа.— РФ УдНИИ 9.— С. 80, 98; ЦГА УАССР.— Ф. Р 785, оп. 1, д. 11, л. 11.
- ⁶³ ЦГА УАССР.— Ф. Р 911, оп. 1, д. 2, л. 71.
- ⁶⁴ А. Д. Корякин тогда был председателем исполкома эсеров-меньшевистского Совета в Воткинске.— ЦГА УАССР.— Ф. Р 911, оп. 1, д. 2, л. 71.
- ⁶⁵ ЦГА УАССР.— Ф. Р 543, оп. 13, л. 113, л. 9.
- ⁶⁶ ЦГА УАССР.— Ф. Р 1061, оп. 1, д. 21, л. 160.
- ⁶⁷ Дмитриев П. Н. Разгром эсеров-меньшевистского мятежа в Ижевско-Воткинском районе в 1918 г.— С. 100.
- ⁶⁸ Ижевский защитник, 1918, 30 августа.
- ⁶⁹ Гутман-Ган А. Указ. соч.— С. 152.
- ⁷⁰ ЦГА СССР.— Ф. Р 1061, оп. 1, д. 17, л. 21.
- ⁷¹ Там же.— Д. 21, л. 168/об. Известия Пермского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и армейских депутатов, 1918, 9 октября; Ижевский защитник, 1918, 13 сентября.
- ⁷² Ижевский защитник, 1918, 13 сентября.
- ⁷³ Гутман-Ган А. Указ. соч.— С. 256.
- ⁷⁴ Дмитриев П. Н. Разгром эсеров-меньшевистского мятежа в Ижевско-Воткинском районе в 1918 г.— С. 102.
- ⁷⁵ Ижевский защитник, 1918, 3 сентября.
- ⁷⁶ Дмитриев П. Н. Разгром эсеров-меньшевистского мятежа...— С. 103.
- ⁷⁷ Гутман-Ган А. Указ. соч.— С. 156.
- ⁷⁸ Дмитриев П. Н. Разгром эсеров-меньшевистского мятежа...— С. 104.
- ⁷⁹ Гутман-Ган А. Указ. соч.— С. 155.
- ⁸⁰ ЦГА УАССР.— Ф. Р 343, оп. 2, д. 43, л. 248; Ф. Р 785, оп. 1, д. 7, л. 27, 29; Ижевский защитник, 1918, 13 сентября.
- ⁸¹ РФ УдНИИ 9.— С. 106; Ижевский защитник, 1918, 13 сентября.
- ⁸² Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 37.— С. 271.
- ⁸³ РФ УдНИИ 9.— С. 105—106; Ижевский защитник, 1918, 3 сентября.
- ⁸⁴ ЦГА УАССР.— Ф. Р 1061, оп. 2, д. 21, л. 159/об. Гутман-Ган А. Указ. соч.— С. 155. ЦГА УАССР.— Ф. Р 1017, оп. 1, д. 1, л. 166.
- ⁸⁵ ЦГА УАССР.— Ф. Р 1017, оп. 1, д. 1, л. 166.
- ⁸⁶ Гутман-Ган А. Указ. соч.— С. 155.
- ⁸⁷ РФ УдНИИ 9.— С. 86—87.
- Городские думы и земства отвечали за городское благоустройство, народное образование, охрану общественного порядка и сбор земских налогов. В сферу их деятельности входили также финансовые, жилищно-коммунальные, торгово-промышленные, земельные вопросы; Гармиза В. В. Крах эсеровских правительств.— М., 1970.— С. 47; ЦГА УАССР.— Ф. Р 208, оп. 1, д. 302, л. 189.

- ⁸⁸ ЦГА УАССР.—Ф. Р 563, оп. 1, д. 2, л. 67; Ф. Р 489, оп. 1, д. 25, л. 2; Воткинская жизнь, 1918, 21 сентября; Макаров Ф. П. Указ. соч.—С. 79.
- ⁸⁹ РФ УдНИИ 9.—С. 85.
- ⁹⁰ Гармиза В. В. Указ. соч.—С. 47—49.
- ⁹¹ ЦГА УАССР.—Ф. Р 1061, оп. 1, д. 17, л. 30; Ф. Р 785, оп. 1, д. 11, л. 121/об; Сергеев В. Указ. соч.—С. 70.
- ⁹² ЦГА УАССР.—Ф. Р 343, оп. 2, д. 43, л. 252; Ф. Р 1061, оп. 1, д. 21, л. 166; Сергеев В. Указ. соч.—С. 70.
- ⁹³ ЦГА УАССР.—Ф. Р 343, оп. 2, д. 43, л. 231; Борьба, 1918, 21 ноября; Сергеев В. Указ. соч.—С. 70.
- ⁹⁴ ЦГА УАССР.—Ф. Р 911, оп. 1, д. 3, л. 114.
- ⁹⁵ ЦГА УАССР.—Ф. Р 1017, оп. 1, д. 2, л. 111.
- ⁹⁶ ЦГА УАССР.—Ф. Р 911, оп. 1, д. 3, л. 114.
- ⁹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч.—Т. 36.—С. 162.
- ⁹⁸ РФ УдНИИ 9.—С. 85.
- ⁹⁹ РФ УдНИИ 52.—С. 274.
- ¹⁰⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч.—Т. 37.—С. 263.
- ¹⁰¹ Гутман-Ган А. Указ. соч.—С. 152, 154, 159.
- ¹⁰² ЦГА УАССР.—Ф. Р 1017, оп. 1, д. 1, л. 189.
- ¹⁰³ ЦГАСА.—Ф. 169, оп. 1, д. 830, л. 26.
- ¹⁰⁴ Ижевский защитник, 1918, 23 августа.
- ¹⁰⁵ ЦГАСА.—Ф. 169, оп. 1, д. 830, л. 26; Ф. 176, оп. 3, д. 53, л. 288; Народная жизнь, 1918, 23 августа.
- ¹⁰⁶ ЦГАСА.—Ф. 169, оп. 1, д. 830, л. 26; Ф. 176, оп. 3, д. 53, л. 288.
- ¹⁰⁷ Сапожников Н. Указ. соч.—С. 40; ЦГА УАССР.—Ф. Р 1061, оп. 1, д. 17, л. 29; ГАКО.—Ф. Р 885, оп. 1, д. 5, л. 26.
- ¹⁰⁸ ЦГАСА.—Ф. 169, оп. 1, д. 830, л. 26.
- ¹⁰⁹ ЦГАСА.—Ф. 176, оп. 3, д. 89, л. 71/об.
- ¹¹⁰ Там же.—Д. 53, л. 382.
- ¹¹¹ Гусев С. И. Указ. соч.—С. 76.
- ¹¹² ЦГА УАССР.—Ф. Р 1061, оп. 1, д. 21, л. 168/об.
- ¹¹³ ЦГА УАССР.—Ф. Р 911, оп. 1, д. 20, л. 82; Солоницын Н. Из истории гражданской войны в губернии // Октябрь и гражданская война в Вятской губернии.—Вятка, 1927.—С. 40.
- ¹¹⁴ ЦГАСА.—Ф. 176, оп. 3, д. 401, л. 4.
- ¹¹⁵ Ижевский защитник, 1918, 23 августа; ЦГА УАССР.—Ф. Р 331, оп. 1, д. 11, л. 36, 41; Ф. Р 911, оп. 1, д. 2, л. 82.
- ¹¹⁶ ЦГА УАССР.—Ф. Р 1061, оп. 1, д. 21, л. 169.
- ¹¹⁷ ЦГА УАССР.—Ф. Р 343, оп. 2, д. 43, л. 230, 231; Сапожников Н. Указ. соч.—С. 32.
- ¹¹⁸ ЦГА УАССР.—Ф. Р 390, оп. 1, д. 27, л. 21.
- ¹¹⁹ ЦГА УАССР.—Ф. Р 543, оп. 13, д. 113, л. 31/об.
- ¹²⁰ ЦГА УАССР.—Ф. Р 331, оп. 1, д. 11, л. 36, 41; Известия 2-й армии, орган политотдела 2-й армии, 1918, 11 сентября.
- ¹²¹ ЦГА УАССР.—Ф. Р 911, оп. 1, д. 2, л. 82; Ф. Р 1061, оп. 1, д. 20,

л. 47—48; д. 21, л. 168, 169; ЦГАСА.—Ф. 176, оп. 3, д. 401, л. 4.

¹²² Гармиза В. В. Указ. соч.—С. 38.

¹²³ Спирин Л. М. Указ. соч.—С. 263. ЦГАОР.—Ф. 1005, оп. 1, д. 349, л. 151.

¹²⁴ История Урала: в 2-х т.—Пермь, 1977.—Т. 2.—С. 84. Куликов К. И. В боях за Советскую Удмуртию.—Ижевск, 1982.—С. 80; Спирин Л. М. Указ. соч.—С. 263.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Воткинская телеграфмогазета, 1918, 22 сентября; ЦГА УАССР.—Ф. Р 343, оп. 2, д. 43, л. 324.

¹²⁷ РФ УдНИИ 35.—С. 203; ЦГА УАССР.—Ф. Р 543, оп. 13, д. 113, л. 77.

¹²⁸ Воткинская жизнь, 1918, 6 ноября.

¹²⁹ Хрулев В. В. Чехословацкий мятеж и его ликвидация.—М., 1940.—С. 94.

¹³⁰ Воткинская жизнь, 1918, 6 ноября; ЦГА УАССР.—Ф. Р 911, оп. 1, д. 5, л. 86; РФ УдНИИ 9.—С. 109.

¹³¹ Всего Прикомуч провел мобилизацию в армию в 41 волости. Макаров Ф. П. Указ. соч.—С. 82.

¹³² Подсчитано по: Воспоминания участников гражданской войны.—РФ УдНИИ 52.—С. 105—108, 212, 281, 304, 561; РФ УдНИИ 35.—С. 259, 261; Неизданный сборник документов из ЦГАСА.—РФ УдНИИ 295.—С. 279; Информационные сводки и донесения местных органов власти советских военных штабов.—ГАКО.—Ф. Р 876, оп. 1, д. 79, л. 167/об., Ф. Р 885, оп. 1, д. 5, л. 27, ЦГА УАССР.—Ф. Р 27, оп. 1, д. 314, л. 58; Ф. Р 1585; оп. 1, д. 116, л. 80/об.

¹³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч.—Т. 37.—С. 295.

¹³⁴ РФ УдНИИ 9.—С. 109.

¹³⁵ Гармиза В. В. Указ. соч.—С. 34.

¹³⁶ Сапожников Н. Указ. соч.—С. 233; Гутман-Ган А. Указ. соч.—С. 154. ЦГА УАССР.—Ф. Р 543, оп. 13, д. 113, л. 12/об., 68/об., Ф. Р 489, оп. 1, д. 2, л. 7; ГАКО.—Ф. Р 489, оп. 1, д. 178, л. 5.

¹³⁷ ЦГА УАССР.—Ф. Р 543, оп. 13, д. 113, л. 24, 70.

¹³⁸ ЦГА УАССР.—Ф. Р 543; оп. 13, д. 113, л. 7, 28.

¹³⁹ ЦГА УАССР.—Ф. Р 875, оп. 1, д. 11, л. 18; Ф. Р 543, оп. 13, д. 113, л. 34.

¹⁴⁰ ЦГА УАССР.—Ф. Р 543, оп. 13, д. 113, л. 71; Макаров Ф. П. Указ. соч.—С. 78.

¹⁴¹ ЦГА УАССР.—Ф. Р 543, оп. 13, д. 113, л. 71.

¹⁴² ЦГА УАССР.—Ф. Р 911, оп. 1, д. 2, л. 79/об.; Ф. Р 785, оп. 1, д. 4, л. 15/об.; ГАКО.—Ф. Р 1053, оп. 1, д. 8, л. 101; Ф. Р 489, оп. 1, д. 2, л. 61.

¹⁴³ ЦГА УАССР.—Ф. Р 1017, оп. 1, д. 7, л. 185.

¹⁴⁴ ЦГА УАССР.—Ф. Р 489, оп. 1, д. 2, л. 7/об.

¹⁴⁵ ГАКО.—Ф. Р 489, оп. 1, д. 2, л. 58; ЦГА УАССР.—Ф. Р 785, оп. 1, д. 4, л. 44.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ ЦГВИА.—Ф. 504, оп. 7, д. 876, л. 530.

- 148 ЦГА УАССР.—Ф. Р 911, оп. 1, д. 2, л. 81; Ф. Р 543, оп. 13, д. 113, л. 1, 9; ЦГВИА.—Ф. 504, оп. 7, д. 876, л. 504/об.
- 149 РФ УдНИИ 52.—С. 274.
- 150 ЦГА УАССР.—Ф. Р 543, оп. 13; д. 113, л. 1, 12.
- 151 ЦГА УАССР.—Ф. Р 543, оп. 13, д. 113, л. 1.
- 152 Там же, л. 12/об.
- 153 Там же, л. 31/об.
- 154 Там же.
- 155 Воткинская жизнь, 1918, 18 и 24 сентября.
- 156 ЦГА УАССР.—Ф. Р 390, оп. 1, д. 51, л. 22.
- 157 Воткинская жизнь, 1918, 24 сентября.
- 158 ЦГА УАССР.—Ф. Р 1061, оп. 1, д. 21, л. 9—10; Ф. Р 1017, оп. 1, д. 1, л. 44; д. 7, л. 178.
- 159 Уповалов И. Указ. соч.—С. 120.
- 160 ЦГА УАССР.—Ф. Р 390, оп. 1, д. 51, л. 22.
- 161 ЦГА УАССР.—Ф. Р 1061, оп. 1, д. 21, л. 9—10.
- 162 ЦГА УАССР.—Ф. Р 390, оп. 1, д. 51, л. 4, 22; ГАКО.—Ф. Р 489, оп. 1, д. 2, л. 61.
- 163 ЦГА УАССР.—Ф. Р 1061, оп. 1, д. 21, л. 168/об. Известия Пермского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и армейских депутатов, 1918, 9 октября.
- 164 ЦГА УАССР.—Ф. Р 543, оп. 13, д. 113, л. 29/об.
- 165 Ижевский защитник, 1918, 13 сентября.
- 166 См. Гармиза В. В. Указ. соч.—С. 77—78, Гусев К. В. Указ. соч.—С. 40; Знаменский О. Н. Всероссийское Учредительное Собрание.—Л., 1976.—С. 345.
- 167 Максимов В. А. Указ. соч.—С. 58.
- 168 ЦГА УАССР.—Ф. Р 489, оп. 1, д. 9, л. 6/об.; 7.
- 169 ЦГА УАССР.—Ф. Р 197, оп. 1, д. 49, л. 60/об., Ф. Р 41, оп. 1, д. 47, л. 54, 55.
- 170 ЦГА УАССР.—Ф. Р 405, оп. 1, д. 10, л. 27/об.
- 171 Максимов В. А. Указ. соч.—С. 59; СКМ 128/арх. м.—С. 128.
- 172 РФ УдНИИ 9.—С. 80.
- 173 ЦГАСА.—Ф. 169, оп. 1, д. 830, л. 26.
- 174 Сергеева А. Семья рабочего.—Ижевск, 1966.—С. 137.
- 175 Ижевский защитник, 1918; 23 августа; Труженик, 1918; 15 августа.
- 176 Сергеева А. Указ. соч.—С. 138.
- 177 Устькачкинцева А. И. Пермская партийная организация в борьбе за упорочение Советской власти (1918).—Молотов, 1953.—С. 83.
- 178 ЦГА УАССР.—Ф. Р 1061, оп. 1, д. 1, л. 140.
- 179 Там же.
- 180 Вятская правда, 1918, 7 ноября.
- 181 Вятская правда, 1922, 7 ноября.
- 182 ЦГА УАССР.—Ф. Р 543, оп. 13, д. 113, л. 29/об.
- 183 Рукопись Зубарева С. П. Коммунисты Приуралья в борьбе с белоучреди-

ловцами.—СКМ 132/арх. м.—С. 282; ЦГА УАССР.—Ф. Р 1017, оп. 1, д. 1, л. 159; Ф. Р 911, оп. 1, д. 3, л. 113, 114.

¹⁸⁴ Дмитриев П. Н. Разгром эсеров-меньшевистского мятежа...—С. 129.

¹⁸⁵ ЦГА УАССР.—Ф. Р 489, оп. 1, д. 10, л. 15—15/об.

¹⁸⁶ Деньги были вывезены И. Д. Пастуховым и его товарищами в день отступления советских войск из Ижевска и надежно спрятаны. После освобождения города от белоучредилловцев они были возвращены государству.—ЦГА УАССР.—Ф. Р 3, оп. 1, д. 42, л. 21.

¹⁸⁷ Сергеева А. Указ. соч.—С. 142.

¹⁸⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч.—Т. 5.—С. 294.

¹⁸⁹ Дмитриев П. Н. Разгром эсеров-меньшевистского мятежа...—С. 130.

¹⁹⁰ Сергеева А. Указ. соч.—С. 140.

¹⁹¹ ЦГА УАССР.—Ф. Р 1061, оп. 1, д. 16, л. 26—27.

¹⁹² Воткинская жизнь, 1918, 21 сентября.

¹⁹³ ЦГА УАССР.—Ф. Р 1017, оп. 1, д. 7, л. 175/об.

¹⁹⁴ ЦГА УАССР.—Ф. Р 911, оп. 1, д. 3, л. 110.

¹⁹⁵ Сергеева А. Указ. соч.—С. 9, 143, 145; ЦГА УАССР.—Ф. Р 489, оп. 1, д. 10, л. 24/об.; РФ УдНИИ 52.—С. 81—воспоминания старого большевика У. И. Манохина.

¹⁹⁶ Известия 2-й армии, 1918, 7 декабря; Манохин У. И. Разные годы // В пороховом дыму. Воспоминания участников гражданской войны.—Пермь, 1961.—С. 163.

¹⁹⁷ Сарапульская трудовая коммуна, орган Сарапульского исполкома Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, 1918, 13 декабря.

¹⁹⁸ ЦГА УАССР.—Ф. Р 343, оп. 2, д. 43, л. 270; д. 30, л. 69, 79.

¹⁹⁹ Цит. по кн.: Сергеев В. Указ. соч.—С. 78—79.—Г. Н. Юрьев сменил на этом посту полковника Д. И. Федичкина.

²⁰⁰ Там же.—С. 85; ЦГА УАССР.—Ф. Р 1061, оп. 1, д. 17, л. 25.

²⁰¹ Манохин У. И. Указ. соч.—С. 158.

²⁰² Сарапульская трудовая коммуна, 1918, 13 декабря.

²⁰³ ЦГА УАССР.—Ф. Р 1061, оп. 1, д. 13, л. 10.

²⁰⁴ Манохин У. И. Указ. соч.—С. 158.

²⁰⁵ ЦГА УАССР.—Ф. Р 343, оп. 2, д. 33, л. 113.

²⁰⁶ ЦГА УАССР.—Ф. Р 489, оп. 1, д. 10, л. 22; Вятская правда, 1922, 7 ноября.

²⁰⁷ Сергеев В. Указ. соч.—С. 80; Сергеева А. Указ. соч.—С. 147.

²⁰⁸ Удмуртский государственный музей (147) архив музея, л. 19.

²⁰⁹ ЦГА УАССР.—Ф. Р 1061, оп. 1, д. 17, л. 27.

²¹⁰ Там же.—Д. 21, л. 136—136/об.; Манохин У. И. Указ. соч.—С. 161.

²¹¹ Манохин У. И. Указ. соч.—С. 163.

²¹² Воткинская жизнь, 1918, 24 сентября.

²¹³ Известия 2-й армии, 1918, 7 декабря.

²¹⁴ Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями.—М., 1970.—Т. 5.—С. 342.

²¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 33.—С. 45.

РУКОВОДИТЕЛИ ИЖЕВСКОГО ВОССТАНИЯ

Как это неоднократно в истории доказывалось, во всех драматических или великих событиях, происходящих в жизни людей, немалую роль играют лидеры, направляющие ход этих событий в то или иное русло в соответствии со своими целями и задачами, идеологическими воззрениями или политическими установками.

С другой стороны, всякое общественное движение выдвигает лидеров именно такого характера и мировоззрения, такой политической ориентации, какие должны соответствовать целям и задачам этого движения.

Тема исследования жизни и деятельности лидеров Ижевского мятежа автором выбрана не случайно. Именно через них мы можем в немалой степени еще раз убедиться в антисоветском, антирабочем направлении и характере этого мятежа, получить дополнительные сведения о ходе и специфических особенностях гражданской войны в Удмуртии. Притом не только на ее собственной территории. Гражданская война для жителей Удмуртии была волею судьбы перенесена далеко за ее пределы: сначала на Урал, на втором этапе — в Сибирь, а на третьем — на Дальний Восток. Они нередко встречались и сражались «по разные стороны баррикад» в 29-й, 30-й, 21-й 28-й и других дивизиях Красной Армии, в Воткинской и Ижевской дивизиях колчаковской армии.

Актуальность рассмотрения данной темы состоит и в том, что в последнее время в условиях перестройки и гласности вновь предметом общественного обсуждения, а также утверждения новых принципов общественной жизни стали проблемы соотношения роли личности и масс в исторических процессах. И нередко под видом защиты приоритетной роли «объективных закономерностей» и отстаивания «исторической объективности» в печати, особенно периодической, стали появляться статьи, в которых порой оправдывается тяжелейший период в истории нашей страны — с 1928 по 1953 годы. Дело дошло до того, что некоторые авторы объясняют эти годы фатальной неизбежностью. В. Глаголев пишет, что «объективная закономерность исторического развития, имею-

шая тенденцию к становлению общества, исключаящего эксплуатацию человека человеком, действует помимо воли и желания отдельных исторических лиц, роль которых определяется тем, насколько полно они реализуют эту закономерность на практике. Главный фактор истории — всегда народ...»¹. Но, признавая правильность этих положений, нельзя с ними согласиться в полной мере, нельзя отрицать в истории и роль случая, прихотливой его игры, непредвиденный ход событий. Нельзя также отрицать влияние личных качеств политических руководителей, лидеров на ход истории. В. И. Ленин вполне соглашался с Г. В. Плехановым, когда тот утверждал, что конкретный облик неизбежного исторического процесса, «его физиономия» находятся в прямой зависимости от тех, кто стоит во главе этого процесса и своими руководящими действиями придает ему его повседневную форму².

Классики марксизма-ленинизма всегда считали, что законы истории не проявляются иначе, как через действия людей, наделенных определенным сознанием, имеющих реальные интересы, преследующих определенные цели и добывающих своих конкретных задач.

И как во многих исторических событиях, в Ижевском мятеже белых, судьбе ижевских, воткинских рабочих, удмуртских крестьян в годы гражданской войны могли бы быть разные варианты, не приди в этот край эти лица, которых мы рассматриваем в этой статье. Фатальности и неизбежности в этом событии не было. Оно было подготовлено исподволь, тщательно, и урок, полученный рабочим классом Ижевска и Воткинска в те далекие годы, является актуальным и в наши дни. Нередко мы наблюдали в современной мировой истории проявление той модели, которая была использована контрреволюцией здесь в те грозные драматические и героические годы.

Ижевское восстание белогвардейцев и эсеров буржуазными идеологами, и самими повстанцами выдавалось как стихийное движение рабочих, недовольных Советской властью³. Ряд источников указывает, что это восстание было организовано и осуществлено сторонниками Учредительного Собрания, т. е. буржуазно-демократического строя. И в то же время единой оценки в этом отношении буржуазные историки не имели. Наиболее объективным, на наш взгляд, является Мельгунов С. П.*. Он пишет: «Без достаточного основания все заслуги по организации и руководству этим уральским движением деятели Комуца приписывают себе. Восставшими была формально признана власть образовавшие-

* Мельгунов Сергей Петрович (1879—1956) — русский историк, публицист буржуазно-либерального направления. Редактор журнала «Голос минувшего». После Октябрьской революции — эмигрант.

гося Прикамского Комитета Учредительного Собрания. Все движение отнюдь не было связано с агитацией эсеров и возникло в значительной степени наперекор официальной позиции с. д. Движение носило совершенно самобытный характер. Возникло оно в Союзе фронтовиков, где существовала нелегальная «офицерская» организация во главе с капитаном Юрьевым (монархистом по квалификации С. Р. Ракитникова. Гутман называет его соц. демократом). Получилось красивое содружество. Ко дню восстания 8 августа 200 офицеров, работавших на заводах (в большинстве, по-видимому, относящихся к местному рабочему и крестьянскому населению), организовали армию»⁴.

Мельгунов С. П. сам не имел причастности к Ижевскому восстанию и потому его утверждения можно бы подвергнуть и сомнению, поскольку они написаны на основе различных источников, в том числе и тех, которые исходили от самих участников и руководителей восстания. Например, он ссылается на одного из идейных вождей и руководителей восстания Анатолия Яковлевича Гутмана (Гана). Гутман по своим идейным убеждениям был монархистом, ярым антисоветчиком. Состоял редактором ежедневных газет «Коммерческий телеграф» (Москва), «Биржевой курьер» (Петроград), был председателем правления общества «Свободная печать». Во время гражданской войны был направлен в Воткинск, где начал издавать газету «Воткинский вестник».

Газета имела явную антисоветскую направленность. Гутман был Советской властью арестован, но при загадочных обстоятельствах ему удалось убежать. Далее в течение месяца он скрывался в Костоватах⁵, где, по всей вероятности, была конспиративная база контрреволюционеров, поскольку И. Уповалов, направленный из Москвы в удмуртский край с заданием подготовить и провести восстание, также признается, что некоторое время скрывался в Костоватах.

После взятия власти ижевскими мятежниками-белогвардейцами Гутман сразу же приступил к работе по организации выпуска газеты «Ижевский защитник», сотрудничал в ней. Далее подвизался в идеологических учреждениях колчаковской армии. Отступил вместе с колчаковцами на Дальний Восток. Во Владивостоке был членом редакции газеты «Голос Приморья». Затем сбежал в Китай. В 1921 году в Шанхае выпустил книгу «Россия и большевизм». После того, как окончательно убедился в провале бело-эмигрантского движения на Дальнем Востоке, Гутман переехал в Европу. В 1927 г. в Берлине выпустил книгу «Белое дело. Летопись белой борьбы».

Свидетель и участник Ижевского восстания, а впоследствии ее летописец А. Я. Гутман писал: «Мысль о вооруженном выступлении впервые возникла в недрах ижевского Союза фронтовиков»⁶.

«В начале августа,— пишет далее Гутман,— на тайных совещаниях ижевских фронтовиков было постановлено поднять восстание. Но так как у заговорщиков не было оружия, если не считать нескольких десятков припрятанных ружей, то было решено внезапно напасть на военные склады оружия, застать охрану врасплох, обезоружить ее. Заговорщиков было едва несколько сот человек.

Сигналом к началу восстания послужило объявление Советской властью мобилизации населения завода для укомплектования армии. Военнослужащие были взяты на учет с запрещением отлучаться без ведома властей не только из города, но даже из дома. 15 местных деятелей были арестованы в качестве заложников. Дальше медлить было невозможно...⁷.

При всей ценности свидетельств Гутмана, они все же имеют мемуарный характер. К сожалению, историкам долгое время не удавалось найти документов и воспоминаний, заслуживающих большего доверия и точно указывающих наличие заговора белогвардейцев в Ижевске. Документы, если они и были, очевидно, уничтожены при отступлении белогвардейцев в ноябре 1918 года. Поэтому автор решил обратиться в разные страны мира, где могли бы быть неопубликованные рукописи и документы руководителей Ижевского восстания. После долгих поисков удалось найти неопубликованную рукопись Д. И. Федичкина. Автор приносит искреннюю благодарность руководству Института Войны, Мира и Революции им. Гувера (Стэнфорд, шт. Калифорния, США) за любезно предоставленную возможность ознакомиться с частью документов, хранящихся в «Блоке Федичкина», и разрешение опубликовать их впервые.

Рукописи, написанные на русском и английском языках под названием «Ижевское восстание», а также ряд документов, приказов, подписанных «Главкомандующий войсками Федичкин», были переданы в архив Института Гувера 5 октября 1931 года. Часть из них в копиях теперь хранится в рукописном фонде Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Академии наук СССР.

Итак, рассмотрим, кто же стоял у руля Ижевского мятежа и какие задачи они ставили, хотя сразу следует оговориться, что в полной мере нам все это раскрыть пока не удалось.

Молчанов В. М.— генерал-лейтенант

Одним из видных руководителей восстания ижевцев был подполковник Молчанов Виктор Михайлович (в некоторых случаях именовался Викторин). Молчанов В. М. родился 23 января 1886 г.

в семье чиновника в г. Чистополе. Воспитывался в Елабужском реальном училище и Алексеевском военном училище, где окончил курс по первому разряду, показал свои немалые способности в освоении военных наук.

29 августа 1904 г. Молчанов поступил на службу в Московское военное училище юнкером рядового звания. 6 декабря 1905 г. был произведен в унтер-офицеры, а через год окончил училище в чине подпоручика и направлен во 2-й Кавказский саперный батальон.

6 сентября 1906 г. был командирован в Шушинский район «для содействия гражданским властям», что означало усмирении непокорных противников царского режима. 11 апреля 1908 г. командирован в состав Ленкоранского карательного отряда. После карательных операций на Кавказе 23 августа 1908 г. переведен во 2-й Восточно-Сибирский саперный батальон⁸. 10 марта 1909 г. Молчанов уже командует ротой, 11 августа 1910 г. произведен в поручики, прикомандирован к 6-му Восточно-Сибирскому батальону⁹.

В ходе Первой империалистической войны Молчанов за свои военные способности и проявленную храбрость получил чин подполковника и был награжден орденом Св. Георгия 4 степени¹⁰. После Октябрьской революции Молчанов демобилизовался и по некоторым документально неподтвержденным сведениям находился в с. Алнаши Елабужского уезда Вятской губернии. Прямых свидетельств о его руководстве Ижевским восстанием пока не обнаружено, но в судьбе ижевцев Молчанов играл ведущее место, прошел с ними от Ижевска до Маньчжурии, оставив на Урале, Сибири и Дальнем Востоке печальную славу карателя и палача. Последняя должность Молчанова в колчаковской армии (уже без Колчака) — это военный комендант Владивостока и командующий Ижевско-Воткинской дивизией в чине генерал-лейтенанта. Таким образом, за два года службы он прошел много ступеней карьеры. Чины и ордена получены им не зря. Молчанов был талантливым военным. Несмотря на то, что руководимая им Ижевская бригада, а затем дивизия, непрерывно на многотысячекилометровом пути от Камы до Тихого океана участвовала в десятках решающих сражений, была ударной силой, она сохранила боеспособность, ни разу не попадала в окружение. Избежала она разгрома и на Тоболе, сумела выйти и из Красноярского мешка. «Мы встретимся с ними,— пишет Мельгунов С. П.,— в Сибири — это были лучшие части Колчаковского войска, соединившиеся с Сибирской армией генерала Пепеляева (Анатолий Николаевич.— К. К.) и эвакуировавшиеся вместе с частью населения (20 тыс.) с Родины. Под руководством Каппеля (Владимир Оскарович.— К. К.) они прошли всю Сибирь, сделали свой «ледяной поход»¹¹.

Несмотря на то, что ижевским белогвардейцам на первых порах с командующими не повезло (ни Федичкин Д. И., ни Юрьев Г. Н., заменивший первого 15 октября 1918 г. не проявили достаточных организаторских и военных способностей). Ижевская бригада при переходе к колчаковцам была уже крепкой боевой единицей. В январе 1919 г. в донесении колчаковских офицеров указывалось, что эта бригада весьма боеспособная: «1-й полк — офицеров 21, штыков 900; 2-й полк — офицеров 25, штыков 950; запасной батальон»¹². Бригада имела достаточно солидное вооружение и командующий 2-м Уфимским корпусом, куда первоначально были зачислены ижевцы, генерал Люпов С. Н. доложил в штаб командующего Западной армией Колчака генерал-лейтенанта Ханжина М. В., что «ижевцы имеют на руках 5 тысяч винтовок русского образца. Показывают в отчете 35 пулеметов, но в действительности имеют их больше в три или четыре раза»¹³.

И среди колчаковских генералов началось движение за формирование Ижевской бригады и передачу части их вооружения другим соединениям. Попросту говоря, они еще не понимали тогда, что значит для них Ижевская бригада, именующая себя рабочей, в идеологической обработке населения России, в данном случае Урала и Сибири, а также международной общественности. Комкор Люпов С. Н. отдал приказ: «Ижевской бригаде выделить батальон, два эскадрона и 6 орудий для немедленного направления их на фронт для усиления Новотроицкого отряда».

Весьма заманчивой казалась и возможность получения богатого вооружения от ижевцев и передачи его другим.

Генерал-лейтенант Люпов в разговоре с генералом-квартирмейстером штаба Западной Армии Нарышкиным А. Я. сказал: «Вопрос в одном: как бы вооружение получить. Средств у нас для приведения в исполнение этой меры нет. Обычными же мерами, то есть посредством приказа, это не удастся сделать». Нарышкин и Люпов договорились о принятии решительных мер, если ижевцы и далее будут оказывать сопротивление¹⁴.

Остается пока неизвестным, кто из командиров ижевцев и каким путем сумел донести о заговоре Нарышкина и Люпова командующему Западной армией Ханжину, но одно ясно, что это было, и последний был вынужден направить в Ижевскую бригаду с инспекторской проверкой генерала Тимонова. Генерал Тимонов в результате инспекции выяснил, что наиболее подходящей кандидатурой в командиры бригадой является подполковник Молчанов.

Молчанов уже тогда приобрел репутацию твердого человека, безжалостно расправляющегося всякими шатаниями и разбродом. Перебежчики офицеры заявляли при допросе у красных, что «командир Прикамского полка подполковник Молчанов расстреливает всех попадающих в плен бывших офицеров — служащих в Крас-

ной Армии, и также коммунистов и комиссаров. Настроение даже среди офицеров подавленное. Обращение кадровых офицеров с офицерами военного времени самое пренебрежительное и если бы не боязнь расстрела, то очень многие из них перешли бы на нашу сторону»¹⁵.

Инспектор, возможно, увидел и многое другое. В Ижевской бригаде все же было много и рабочих, которые в любой момент могли повернуть оружие в другую сторону. Нужна особая система обработки этого материала и втягивания этих масс в глубь междоусобной войны, чтобы ни у кого не было пути отступления назад. А если и проявится какая-то ржавчина, то она должна быть тут же выведена железной рукой. Таковой является Молчанов.

И никакой речи о расформировании этой настоящей боевой единицы — Ижевской бригады, решил инспектор генерал Тимонин, не может быть. Наоборот, нужна особая тактика. Ведь ее можно назвать полностью рабочей, использовать в идеологической обработке и населения оккупированных территорий, и тех, кто находится под властью красных.

Генерал Ханжин все понял. Он немедленно направил в штаб «Верховного» соответствующие телеграммы и депеши. 20 января 1919 г. «Верховный» в Омске издал следующий приказ: «За отличия в делах против неприятеля произвести со старшинством из подполковников в полковники командующего пехотным полком Молчанова с 23 декабря 1918 г.»¹⁶.

В этот же день генерал-лейтенант Ханжин издал свой приказ НР 781: «Принять все меры к немедленному снабжению бригады обмундированием, снаряжением и зачислить на все виды довольствия при 2-м Уфимском корпусе. Выдать чай, сахар, перевязочные средства. Во временное командование допускаю подполковника Молчанова»¹⁷.

Далее с Ижевской бригадой началось настоящее заигрывание. В феврале 1919 г. генерал-лейтенант Ханжин из Челябинска в Ижевскую бригаду направил свой приказ: «Ижевцы! Вы перешли в состав Западной армии при тяжелых условиях отступления, босяе и голодные. Ныне вы отдохнули. Вас одели и накормили. Наступило время нанести красным поражение... и мы должны им дать последний жестокий удар! Наша задача освободить Уфу, Самару, Сарапул, Ижевск. Я требую во имя Родины от вас нового подвига...

После освобождения Ижевского завода вам будет предоставлена возможность вернуться к своим семьям и только желающие останутся в рядах доблестной Ижевской бригады...»¹⁸.

Для ижевцев было определено повышенное жалование. Следующим приказом Ханжин отвел их бригаду в полном составе в

свой резерв и решил ее сделать ударной для прорыва оборонительных линий красных на главных направлениях. Даже знамена ижевцев отличались от остальных частей колчаковской армии: они были красно-зеленые. При этом зеленый цвет означал, по их мнению, цвет Родины, а красный — принадлежность к рабочему классу.

После отдыха и нового формирования Ижевская бригада была направлена под Уфу, где Западная армия намечала одно из своих генеральных наступлений против 5-й армии красных. Ижевцы здесь сыграли большую роль. Колчак А. В. приказом от 20 апреля 1919 г. «За отличия в делах против неприятеля произвел со старшинством из полковников в генерал-майоры по пехоте командующего Ижевской отдельной стрелковой бригадой Молчанова с 6 марта 1919 г.»¹⁹.

Вскоре в штабе Ханжина рождается еще одна идея, подсказанная настроением ижевцев и прежними обещаниями командарма Ханжина: направить Ижевскую бригаду, имеющую блестящее боевое состояние, через Мензелинск на Ижевск и тем самым закрыть пути отступления 2-й красной армии Шорина В. И. При этом, говорит генкварм Нарышкин в разговоре с Поповым А. П. — с генквармом штаба Сибирской армии Гайды Р. И., «успех под Сарапулом будет обеспечен»²⁰.

Но Западная армия взамен просила у Сибирской Омскую бригаду, поскольку Ижевская бригада — армейский резерв — должна была действовать в другом направлении и оно оголялось. А Сибирская армия не согласилась передать Омскую бригаду в Западную. В колчаковской армии наступал период эйфории, навеянной успехами и каждый генерал мнил себя Суворовым, каждый хотел урвать себе как можно больше лавров победы и мечтал въехать в святопрестольную Москву на белом коне.

Когда ижевцы узнали, что их не пускают на родной свой завод, в их среде началось волнение. Начальник штаба 2-го Уфимского корпуса подполковник Пучков Федор Абрамович докладывал Нарышкину: «Что касается ижевцев, то, по докладу Молчанова, общее их стремление на свой родной завод. Но, несомненно, можно убедить их в том, что все дороги ведут в Рим, и кратчайшее направление на Ижевск через Бирск или даже южнее, и в первый момент в их работе никаких трений не будет, в особенности во втором полку, составленном из крестьян, и в прекрасном артиллерийском дивизионе. Во всяком случае на правый фланг рядом с воткинцами их ставить нельзя. Дело может кончиться штыковой схваткой»²¹.

Конфликт между ижевцами и воткинцами имел давнюю основу. Ижевцы весьма сильно обиделись на воткинцев за то, что в начале ноября 1918 г., когда шел штурм Ижевска 2-й армией,

воткинцы не прислали им на помощь достаточно крепких сил и потому были разбиты красным заслоном, поставленном на тракте Воткинск—Ижевск около с. Гольяны. Но не это обстоятельство было самым главным, препятствующим направлению ижевцев в тыл Азинской дивизии.

Обстановка накалилась до того предела, что могла обернуться трагедией для Западной армии. Поэтому генерал Ханжин сам выехал в эту бригаду, раздал отличившимся ордена, побывал в лазарете, раздал им кучу обещаний о скором возвращении на родину и одновременно уговаривал ижевцев пойти на Бугульму.

В этой обстановке генерал Молчанов попал в противоречивое положение: с одной стороны, он понимал ижевцев, поддерживал их устремления, но в то же время не мог не исполнять приказы вышестоящего начальства. Он убеждал начальство прислушаться к просьбам ижевцев, одновременно готовил контрразведку и карательные органы бригады к решительным действиям.

В дальнейшем с Ижевской бригадой произошло то, что никак не входило в планы колчаковского командования. Несмотря на четко налаженную систему доносов и репрессий белой контрразведки, в бригаде, очевидно, назревало революционное настроение. Но поскольку открыто выступать было нельзя, ижевцы настойчиво требовали направить их на фронт, и именно в тыл Азинской дивизии, а пойти на Бугульму отказывались. В бригаде шли митинги, солдаты говорили о своих заслугах, требовали к себе особого отношения, напоминая об обещаниях Ханжина. Можно предполагать, что в солдатской массе были подводные течения, свидетельствовавшие о переоценке ценностей и начинающемся понимании подлинных целей колчаковской армии, а также сомнениях о верности избранного ими пути.

Положение в бригаде тревожило генерала Молчанова. Он взывал к благоразумию нового комкора 2-го Уфимского корпуса генерал-лейтенанта Войцеховского Сергея Николаевича. Войцеховский неоднократно докладывал и командарму, и другим штабным работникам о состоянии в бригаде и тоже советовал мирным путем решить создавшуюся проблему. В начале апреля 1919 г. он связался с Нарышкиным и в раздражении выложил свои претензии: «Я думаю, что командующий армией не имеет основания не придавать значения моим докладам, основанным на обстановке, которую я знаю. Относительно Ижевской бригады сейчас получил донесение генерала Молчанова, из которого видно, что оба полка категорически отказались исполнять распоряжения об увольнении части людей партиями и без оружия, и предлагать самовольно уйти в Ижевск с оружием. Реальных сил с ними воевать, разумеется, нет, да и вряд ли это допустимо по причинам морально-политического свойства. Я могу только требовать исполнения прика-

зов командарма и передал Молчанову копию телеграммы генерала Щепихина в ставку»²².

Нарышкин передал просьбу командарма Ханжина выяснить «возможность выдвижения Ижевской бригады или в район Бугуруслана, или на ваш фронт». На это Войцеховский дал категорический ответ: «Ижевскую бригаду использовать на фронте или отправить в Бугуруслан не удастся. Я запрошу генерала Молчанова, но в ответе не сомневаюсь»²³.

Скандал дошел до «Верховного», который 29 апреля 1919 г. «разрешил отвести на отдых для переформирования Ижевскую бригаду в район Ижевского завода немедленно после продвижения частей Западной армии к Волге и занятия Самары»²⁴.

Но к этому времени уже становилось ясно, что колчаковская армия начала выдыхаться. К Волге она едва ли выйдет, а в том, что Западной армии не удастся занять Самару, открыто говорили не только солдаты, но и сами генералы. Ижевцы не подчинились и многие ушли домой. Опять пошли тревожные телеграммы в штаб «Верховного». 4 мая 1919 г. из Омска в штаб Западной армии врид наштаверха генерал-майор Бурлин Петр Гаврилович передал: «Часть рабочих, состоящих в рядах Ижевской бригады, самовольно оставила свои части и направилась домой в район Ижевского завода без разрешения своего командного состава. Верховный Правитель Верховный Главнокомандующий повелел всех означенных, прибывающих в район Сибирской армии без соответствующих от своего начальства строевых документов об увольнении в отпуск... на правый берег Камы не пропускать. Сосредоточить на левом берегу Камы в пунктах по усмотрению командармом Сибирской и его распоряжением предать суду»²⁵.

Ижевцы все-таки просочились через кордоны Сибирской армии и прибыли на родной свой завод. Генерал Молчанов добился в штабе Ханжина разрешения направить в Ижевск помощника оперативного отдела штаба Западной армии для улаживания всех дел и передачи его личной просьбы вернуться в родную бригаду и заверений, что никакие репрессивные меры к самовольно оставившим фронт ижевцам не будут применены. Одновременно генерал Молчанов попросил направить в Ижевск полковника Федичкина Дмитрия Ивановича — бывшего главнокомандующего армией Прикомуча. 15 мая Федичкин, получив командировочное предписание, выехал в Ижевск²⁶. 20 июня 1919 г. помощник оперативного отдела штаба Западной армии докладывал: «В Ижевскую бригаду начался сильный приток добровольцев из района Ижевского завода... Офицерами, командированными генералом Молчановым на Ижевский завод, было навербовано ок. 3 тыс. добровольцев...»²⁷.

Таким образом, в результате хитрой тактики, продуманного

отношения к ижевцам, учета их психологии генералу Молчанову удалось вновь их собрать в Ижевскую дивизию. При этом он не уронил себя ни в глазах ижевцев, ни в глазах своего командования.

В конце июня — начале 1919 г. Красная Армия продолжала наступать по всему фронту. Западная армия Ханжина откатывалась к Южному Уралу. Бригада Молчанова расположилась в районе Петропавловского завода и перед ней командармом Ханжиным была поставлена задача «установить связь с 6-й и 7-й дивизиями и в случае необходимости поддержать 6-ю Уральскую дивизию и быстрым ижевским ударом отбросить красных, если они будут пытаться выйти к железной дороге»²⁸.

Таким образом, Ижевской бригаде был поручен самый ответственный участок фронта — железная дорога от станции Бердяуш до станции Нязепетровск, а также охрана Петропавловского завода.

Но красные оттеснили части Уральской группы к реке Ай, им удалось переправиться через эту реку. Одновременно активизировали действия местные партизаны. В ночь на 1—2 июля они произвели нападение на караул у железнодорожного моста вблизи станции Куса и после перестрелки скрылись в направлении к барачной части Кусинского завода, ранив двух солдат караула²⁹.

Гнев генерала Молчанова был неопиcуем. И он здесь показал свой крутой нрав, очевидно, вспомнив, как проводил карательные операции на Кавказе и в Сибири. Он издал приказ: «При нападении на караулы и порчи ж. д. производить круговые (поголовные.— К. К.) аресты всего мужского населения в возрасте от 17 лет. При задержке в выдаче злоумышленников расстреливать всех без пощады, как сообщников-укрывателей... Немедленно открыть огонь из всех орудий и уничтожить барачную часть селения, как возмездие за нападение в ночь на 2 июля на караул неизвестных лиц, скрывшихся в барачной части»³⁰.

Что творилось в рабочих бараках Кусинского завода, когда Ижевская бригада открыла по ним стрельбу из всех орудий — сказать трудно. В огне и взрывах погибли рабочие, женщины, дети. Такие операции проводились по приказам Молчанова по всей Сибири, кровью борцов за Советскую власть залил Молчанов и Дальний Восток. И не случайно ижевцев называли там варнаками. Молчанов разработал хорошую тактику воздействия на инакомыслящих или не желающих служить белым. В телеграмме Нарышкину 6 июля 1919 г. он сообщал: «Бригада состоит из ижевцев-добровольцев и мобилизованных Златоустовского, Бирского и Челябинского уездов. Настроение ижевцев отличное. Близко к ним и златоустовцы. Бирцы и челябинцы настроены по-большевистски, ведут агитацию против офицеров и даже есть основание,

что сдадутся при первом удобном случае, против чего приняты меры — будут пущены вперед (при атаке.— К. К.). Агенты имеются во всех частях, работают хорошо»³¹.

За свое рвение на службе, за незуитски тщательно придуманные формы обработки и подавление всех, кто попадал в бригаду, генерал Молчанов получал награды и повышения по службе. При этом, если многие дивизии Колчака расформировывались или превращались в бригады и даже полки, поскольку разваливались под ударами красных, то бригада Молчанова по просьбе его командира была превращена в начале августа 1919 г. в дивизию³². После ряда боев, чтобы не губить такую испытанную боевую единицу, генерал Молчанов просит заменить ее Уралгруппой и приказом от 14 августа 1919 г. выводит ее, ввиду разрешения, в армейский резерв³³. В сентябре 1919 г. Ижевская дивизия получает Георгиевское знамя³⁴, «пожалованное «Верховным».

В приказе «Верховного» детально перечислялись доблести дивизии, писалось, что «боевая работа ижевцев» за все время их существования и особенно за последнюю наступательную операцию армии была выше всякой похвалы, как в целом, так и отдельных членов этой геройской дивизии»³⁵.

Но на самом деле дивизия уже представляла из себя жалкие остатки потрепанных в боях частей, не набирающая по своей численности даже бригады. Так, 16 сентября 1919 г. в ней было: 1-й полк — 405 штыков, 2-й полк — 596, 4-й полк — 228, в конном дивизионе 38 сабель, пулеметов на всю дивизию—22. Гаубичная батарея имела 1 орудие, 3-дюймовых орудий было 12³⁶. И Георгиевское знамя уже не помогло ижевцам поднять их боевой дух. В сентябре — октябре 1919 г. в кровопролитных боях на реках Ишим и Тобол белогвардейские войска, переименованные теперь в 3-ю армию, потерпели жесточайшее поражение. После потери Петропавловска и Ишима белые армии начали поспешное отступление к Омску. Но 14 ноября 1919 г. Красной Армией был освобожден и Омск. Генерал Молчанов уводил своих ижевцев по линии железной дороги. Многие из них взяли с собой и жен, отправили их в Иркутск. В районе Красноярска Красная Армия, в том числе и славная 30-я дивизия уральских казаков, созданная Блюхером Василием Константиновичем и получившая пополнение в Удмуртии, настигла остатки разбитых и деморализованных белых войск около Красноярска. Но хитрая лиса Молчанов предвидел такой вариант и успел увести свою дивизию заранее.

Удалось уйти из окружения и Воткинской дивизии, которой в то время командовал генерал Альбокринов Николай Петрович. Она тоже дошла до Владивостока. Правда, сам Альбокринов, дослужившийся в Воткинской дивизии от капитана до генерал-майо-

ра, в числе других 13 колчаковских генералов 4 февраля 1920 г. под Красноярском попал в плен к красным ³⁷.

Разбитые и деморализованные войска генерала Молчанова бежали в Приморье под прикрытие интервентов. Хотя японские войска в то время на словах объявили нейтралитет, на деле они всячески помогали белогвардейцам, сами принимали участие в боевых операциях против партизан. Помогли они уйти от возмездия и группе войск генерала Молчанова, которая дислоцировалась в Маньчжурии, затем во Владивостоке.

1920 год очевидно для ижевцев и воткинцев явился годом глубоких размышлений о верности выбранного ими пути. Итогом этих размышлений было решение вернуться с повинной головой в Советскую Россию. Белогвардейская газета «Свет», именующая себя «органом независимой мысли» и издающаяся в Харбине, 1 октября 1920 г. опубликовала весьма красноречивую статью под заголовком «Кто виноват». В ней писалось: «Нет, кажется, ни одного русского человека, который не знал бы, кто такие ижевцы и воткинцы, эти сверхлегендарные богатыри духа, борцы за поруганную Россию против интернационально-коммунистической заразы. Эти простые русские рабочие, сразу учувявшие своим здоровым нутром подоплеку «комиссарства» и бестрепетно взошедшие на голгофу гражданской войны за Учредительное Собрание.

Они не только пошли сами, а повели за собой на страшные муки своих жен и детей. Они отдали все, что только может отдать человек. Никто, даже чехи, в свое время не вызывали у «товарищей» такой ненависти, как «изменники ижевцы и воткинцы». Ни о ком не издавал таких истерических приказов Бронштейн-Троцкий, призывая уничтожить их без разбора.

В Красной Армии весьма распространена была фраза: «Когда кончится гражданская война, все разойдутся по домам, а ижевцы и воткинцы — по гробам». И вот я узнаю, что эти люди едут в Советскую Россию.

Какой умственный сдвиг или душевный перелом должны были пережить эти железные люди, каким психологическим воздействиям должны были подвергаться, чтобы решиться на этот шаг?

Ижевцы и воткинцы — эта подлинная краса и гордость русского рабочего класса, попав измученными и истерзанными во Владивосток, были предоставлены самим себе. Ни в материальном, ни в моральном отношении они не видели о себе никакой заботы и поддержки.

1500 квалифицированных рабочих перешли к большевикам, они просто с презрением отвернулись от людей, неспособных ничего создать, не умеющих говорить и мыслить по-народному и способных в лучшем случае писать длинные, сухие, никому не нужные статьи в своих академических газетах, да вести нескон-

чаемые принципиальные споры, не замечая пощечин, сыплющихся на них со всех сторон»³⁸.

Все службы белогвардейской пропаганды, контрразведки были направлены к ижевцам и воткинцам. В ход пускались все средства, в том числе угрозы и террор. Та же газета 7 октября сообщала, что «первый эшелон ижевских и воткинских рабочих, эвакуирующихся из Владивостока, остановился на станции Борзя и под влиянием агитации решил временно приостановить дальнейшее продвижение на Запад...»³⁹. Белогвардейцам все же удалось остановить уход многих ижевцев и воткинцев. Но осмысление избранного пути, очевидно, происходило не только на низах. В начале 1921 г. японские интервенционистские войска, насчитывающие в то время в Приморье 89 тыс. чел.⁴⁰, да плюс эскадра, явно готовили новое наступление. Но при этом ставку делали на продажного атамана Семенова Григория Михайловича.

Во второй половине января в Мукдене при участии Семенова, представителей Японии и Антанты был выработан план переворота и выступления в Приморье против правительства буржуазно-демократической Дальневосточной республики. Там же был намечен состав будущего правительства. После совещания атаман Семенов прибыл во Владивосток, где 8 февраля в приказе по войскам объявил о вступлении на пост главкома Дальневосточной окраины»⁴¹.

В разведсводке контрразведки Красной Армии сообщалось, что «в резкой оппозиции к Семенову находится бывший 3-й корпус, возглавляемый генералом Молчановым. С целью предупреждения раскола армии приказом по войскам Семенов смещает с должности комкора. Генерал Молчанов не сдал и, в свою очередь, отдал приказ по корпусу снять погоны»⁴².

Генерал Молчанов провел совещание с командирами подчиненных ему частей, на котором заявил: «Гражданскую войну я считаю оконченной, вы пришли сюда на отдых, но ввиду политических событий на Дальнем Востоке, когда угрожает опасность захвата со стороны Японии, нас хотят использовать как авангард или вернее как застрельщиков в борьбе с русским народом. Я, как ваш начальник, предупреждаю, что я, как русский, не могу играть на руку захватчиков и поэтому отказываюсь от какой бы то ни было борьбы с русским народом. Призываю вас разойтись и служить русскому делу, а не японцам, о чем прошу объявить всем солдатам и офицерам корпуса»⁴³.

Но единства в войсках Молчанова не было. Против него выступил каппелевец полковник Глудкин. Молчанов тоже не смог проявить достаточной твердости. Он прекрасно понимал ситуацию: достаточных сил, чтобы противостоять атаману Семенову нет, при первом же столкновении к атаману на помощь придут японцы. На

правительство Меркуловых тоже нельзя надеяться. Войск у него надежных нет. Оно предложило генералу Войцеховскому С. Н., находящемуся за границей, принять руководство созданием новой армии, но тот отказался. В рядах каппелевцев и группы Молчанова настроение против семеновцев было явным. «Среди большинства солдат сложилось мнение, что лучше идти в сопки, чем служить под начальством Семенова»⁴⁴. Выполняя приказ Меркуловского правительства, каппелевцев, полковник Ростовцев арестовал в Никольско-Уссурийске штаб семенотряда, задержал и разоружил семенотряд в 600 сабель⁴⁵. Но семеновцы тут же пожаловались японцам, а те немедленно разоружили каппелевцев. Генерал Смолин был снят со своего поста. Японцы посоветовали Семенову сначала пойти на мировую с генералом Молчановым, затем ликвидировать его⁴⁶.

Молчанов понял, что попал в крепко связанные сети и ему ничего не оставалось, как принять предложение японцев о создании из всех белогвардейских частей «белоповстанческой армии».

Генерал Молчанов объединил в свою дивизию также каппелевцев — гвардию колчаковской армии и другие части, создал 3-й Волжский корпус. Сюда входили 1-й стрелковый полк им. генерала Каппеля — 700 шт., Камско-Бельский стрелковый полк — 1200 шт., Волжский стрелковый полк — 300 шт., Ижевско-Воткинский стрелковый полк — командир полковник Ефимов — 700 шт., Ижевско-Воткинский конный дивизион, 250-й Оренбургский казачий полк генерала Панова — 400 сабель⁴⁷. Но это уже были последние потуги сохранить былую славу и чем больше старался генерал Молчанов собрать и упрочить остатки разбитых и деморализованных войск, тем больше, очевидно, понимал, что ведет работу вопреки своим убеждениям и целям. 31 мая 1921 г. приказом начальника гарнизона Владивостока генерала Лебедева город был разделен на 2 охранных района. Западным районом командовал каппелевец полковник Глудкин, а восточным — полковник Ефимов, прошедший с ижевцами весь долгий путь от Камы до Тихого океана и выслужившийся от капитана до полковника. Комендантом крепости Владивостока был назначен генерал Молчанов. Огнем и мечом пытались молчановцы вытравить революционное движение на Дальнем Востоке. Тысячи патриотов ими было уничтожено. Но положение белых с каждым днем ухудшалось. На Дальнем Востоке развернулось партизанское движение, народно-революционная армия (НРА) Дальне-Восточной республики (ДВР) под руководством главкома Василия Константиновича Блюхера двигалась в направлении Хабаровска. Генерал Молчанов понимал, что, если красных не удержат перед Хабаровском, дни его группы войск будут сочтены.

В начале декабря 1921 г. генерал Молчанов повел свои войска

на Хабаровск, 22 декабря захватил его и повел наступление на Запад, дошел до станции Ин. 28 декабря произошло сражение между войсками Блюхера и Молчанова. Потерпев поражение, белые вынуждены были перейти к обороне на рубеже Волочаевка, Верхнеспасское, станция Ольгохта. Белогвардейцы у Волочаевки спешно создали укрепленный район, имевший окопы с ледяными валами, 5—6 рядов проволочных заграждений, многочисленные пулеметные гнезда, хорошо оборудованные артиллерийские позиции. Укрепрайон генерала Молчанова был в Междуречье Тунгуски и Амура. В его белоповстанческой армии насчитывалось около 7500 штыков и сабель, 95 пулеметов, 11 орудий, 3 бронепоезда; в группе полковника Аргунова, расположенной в районе Волочаевка — свыше 2300 штыков и сабель, 37 пулеметов, 8 орудий; на правом фланге у деревни Даниловка, близ реки Тунгуска, располагался кавалерийский полк полковника Ширяева — около 900 штыков и сабель, 11 пулеметов, ему помогала группа генерала Вишневого — около 500 штыков и сабель; в Верхнеспасском и Нижнеспасском, что на берегу Амура, в боевые порядки встала группа генерала Никитина (500 штыков и сабель, 6 пулеметов и 2 орудия); в деревне Дежневка, несколько восточнее Волочаевки, были резервные войска — Поволжская бригада — 750 штыков и сабель, 17 пулеметов; в районе Хабаровска и самом городе резерв составил 2300 штыков и сабель, 22 пулемета и 1 орудие⁴⁸.

Таким образом, генерал Молчанов собрал все, что было можно и двинул навстречу НРА ДВР. Его задачей было овладеть перевалами через хребет Ванда (отрог Малого Хингана) и тогда бы он в своих руках держал ключ от Хабаровского района и всего Приморья. Ставка была очень большая. Если его войска потерпят поражение — рассчитывать больше не на что. Во Владивостоке они не сумеют закрепиться. Он может стать для них мешком. Генерал Молчанов все же надеялся на успех. Войска Восточного фронта НРА насчитывали 7600 штыков и сабель, 300 пулеметов, 30 орудий, 2 танка и 3 бронепоезда. Силы почти равные. Но на стороне белых войск преимущество укрепрайона. Противник должен иметь двойной, а то и тройной перевес, чтобы добиться успеха при наступлении на такой район. Но Молчанов недооценил руководителей Народно-революционной армии В. К. Блюхера и Павла Петровича Постышева.

В начале февраля 1922 г. Блюхер направил войска правого фланга в наступление. Бойцы шли на штурм укреплений при 35-градусном морозе, по пояс в снегу, под сильным огнем противника и, несмотря на исключительный героизм, не смогли прорвать оборону белых. Тогда Блюхер нанес удар на левом фланге позиции. Забайкальская группа красных 10 и 12 февраля овладела

Верхнеспасским и Нижнеспасским укрепрайоном, разбила на голову группу генерала Никитина. Молчанов клюнул на удочку Блюхера и направил резервную Поволжскую бригаду именно сюда, а в это время Блюхер нанес удар на Волочаевку. 12 февраля укрепления ее были взяты.

Потерпев поражение, Молчанов увел свою армию под прикрытием сильных арьергардных частей в Приморье под защиту японских войск, минуя Хабаровск, который 14 февраля был уже в руках советских войск ⁴⁹.

О дальнейшей судьбе Молчанова поведал его товарищ по оружию генерал Смолин, который, как писала газета «Шанхайская заря» 19 февраля 1928 г., жил в то время в Циндао, торговал в магазине, а до этого был сторожем, жокеем. «Мой коллега, генерал Молчанов,— сказал бывший генерал Смолин,— имея несколько тысяч денег, уехал в Америку, открыл там куриный завод. Куры заболели и сдохли и имею сведения, что он окончательно погорел и теперь бедствует» ⁵⁰.

Федичкин Дмитрий Иванович — полковник

Один из главных руководителей восстания полковник царской армии Федичкин Д. И. родился 9 февраля 1885 г. в семье унтер-офицера Тамбовской губернии, учился в Воздвиженской мужской школе. Особых способностей в учебе не проявлял, поэтому, очевидно, отец настаивал на том, чтобы сын поступил на военную службу, окончив военное училище.

В августе 1903 г. пытался поступить в Казанское пехотное юнкерское училище. Не выдержал приемных экзаменов. Был призван в армию и с 17 октября 1904 г. направлен на Японскую войну. 25 февраля 1905 г. был ранен в лопатку и взят японцами в плен, где находился до 29 января 1906 г. При освобождении был уволен в запас и снова подал заявление в Казанское юнкерское училище. Молодому человеку, прошедшему суровую школу войны, раненому было оказано предпочтение и он был принят.

6 августа 1909 г. Федичкин окончил училище, был произведен в подпоручики и направлен на службу в Закаспийский стрелковый батальон. 11 ноября 1910 г. был переведен на службу в 13-й Туркестанский стрелковый полк ⁵¹. И вплоть до революции 1917 г. он служил в этом полку, за боевые действия во время Германской войны был награжден Георгиевским крестом IV ст. и удостоен чина полковника.

После Октябрьской революции и в период подготовки Ижевского мятежа был направлен в Ижевский завод, поскольку его хорошо знал, неоднократно здесь бывал. Женат был Федичкин на

потомственной дворянке Евгении Михайловне Мотовой, уроженке Вятской губернии.

К сожалению, пока не удалось выяснить, в качестве кого устроился Федичкин в Ижевске. В своих воспоминаниях он об этом не пишет. Наверняка жил конспиративно и готовил мятеж со всей тщательностью военной науки. Он пишет: «В целом ряде конспиративных собраний наиболее деятельных членов организации (Союза фронтовиков.— К. К.) было решено: подчиниться мобилизации лишь в том случае, если мобилизованным тут же дадут вооружение и обмундирование, чтобы затем поднять вооруженное восстание»⁵².

По своему характеру Федичкин был настоящим филистером — самодовольным мещанином, с лицемерными и ханжескими повадками. Не упускал случая, чтобы прихвастнуть, особенно тогда, когда дело касалось его личных заслуг в том или ином событии. Рассмотрим, как он описывает (при этом почему-то о себе пишет в третьем лице) одно известное в нашей исторической и популярной литературе событие: «На следующий день после восстания,— пишет Федичкин,— была получена телеграмма от начальника одной станции железнодорожной ветки Казань—Ижевск, в которой сообщалось о том, что в сторону Ижевска движутся подразделения Красной Армии. Эта телеграмма была зачитана фронтовикам, собравшимся перед зданием, в котором разместился лишь недавно сформированный штаб Ижевской народной армии.

Прочитав телеграмму, полковник Федичкин быстро сформировал отряд из собравшихся фронтовиков в количестве 300 человек и без промедления выступил навстречу наступающему неприятелю.

Продвигаясь вдоль железной дороги, Ижевский отряд заметил приближающийся поезд. Ижевцы быстро рассыпались по обе стороны железнодорожного полотна, быстрым фланговым маневром окружили неприятельский поезд, залегли в траве и открыли винтовочный огонь по вагонам с обеих сторон, препятствуя высадке большевиков. Осажденные начали выпрыгивать из вагонов и тут же падали, сраженные выстрелами, бежать было некуда. Не желая добивать раненых, ижевцы предложили им сдаться. Видя безвыходное положение, большевики сдались. Всего было взято 300 человек, среди которых оказалось 20 человек ижевских, завербованных большевиками в Красную Армию»⁵³.

Фактически это был отряд Бабушкина Александра Семеновича, созданный спешно в Агрызе и состоявший всего из 40 человек, располагавшийся на одной железнодорожной платформе с мешками с песком. Единственно, что верно в описании Федичкина — это то, что начальник станции Агрыз предупредил ижевских мятежников об этом отряде и он по сути дела попал в ловушку.

20 пленных, в том числе раненый Александр Бабушкин, были схвачены белогвардейцами, помещены под заводскую башню, превращенную белогвардейцами в первый же день в тюрьму. Вскоре Бабушкин в числе других пленных был расстрелян.

Федичкин не упускал случая превозносить свою личную роль в успехах Народной армии и будучи в Ижевске. Издавал хвalebные приказы, в которых указывал, что успехи его возможны стали только потому, что он ведет борьбу за народное дело и рабочие Ижевска его всячески поддерживают в этой борьбе.

При всем этом Федичкин страшно ненавидел большевиков, лишивших его и общественного положения, и карьеры, которых он так долго добивался. Поэтому он клеветал на большевиков как только мог, называл их изменниками Родины, немецкими шпионами. Впрочем, в этом он не был оригинальным, а повторял то, что тогда использовалось всеми контрреволюционными силами.

Даже по истечении многих лет Федичкин позволил себе соврать. «7 августа 1918 г.,— писал он,— в Ижевске стало известно о взятии Казани белочехами и белой армией. В необычный час, в три часа утра, по приказу большевиков заревел заводской гудок, созывая всех на митинг, на котором был зачитан приказ Совета народных комиссаров о мобилизации в Красную Армию всех офицеров и солдат, вернувшихся с фронтов мировой войны! Вот тут-то фронтовики и объявили, согласно вышеупомянутому решению «Союза», что они не двинутся с места без винтовок, патронов и обмундирования. В ответ на это большевики начали аресты фронтовиков, вынося им смертные приговоры прямо на месте»⁵⁴.

Следует сказать, что большевиками Ижевска за весь период существования Советской власти с 27 октября 1917 г. (по ст. стилю) до 8 августа 1918 г. не было вынесено ни одного смертного приговора. Никто даже из буржуазных историков и очевидцев событий не писал об этом.

«На следующий день 8 августа,— пишет далее Федичкин,— теперь уже по приказу руководства «Союза фронтовиков», снова заревел заводской гудок, созывая всех на митинг в заводском дворе. Начали собираться фронтовики, но большевики разгоняли их, угрожая всех перестрелять, если не разойдутся. Эта свирепая угроза лишь разожгла фронтовиков. Всей толпой они бросились в цех готовой продукции, где находились уже готовые винтовки, и с винтовками наперевес выскочили во двор..., винтовочная пальба загремела повсеместно, большевиков преследовали и арестовывали по всему городу в течение 12 часов»⁵⁵.

Ход восстания достаточно полно нами описан в книге «В боях за Советскую Удмуртию», поэтому нет нужды повторяться. Чита-

телю, очевидно, будут интересными те откровения, которые имеются в рукописи.

«Прикамский комитет членов Учредительного Собрания,— пишет Федичкин,— назначил старшего по чину из находящихся в Ижевске офицеров — Георгиевского кавалера полковника Д. И. Федичкина, наделив его властью главнокомандующего всеми силами»⁵⁶.

В литературе достаточно полно описаны методы действия ижевских контрреволюционеров. Они учли печальный опыт Ярославского мятежа, проведенного под руководством б. царского полковника А. П. Перхурова и генерала В. И. Карпова в начале июля 1918 г. Когда мятежники уничтожили все органы власти даже периода Временного Правительства Керенского, они оказались в изоляции. Даже при помощи террора им не удалось провести всеобщую мобилизацию рабочих и крестьян. Наоборот, рабочие и крестьяне оказали помощь частям Красной Армии и интернационалистов в разгроме белогвардейского мятежа.

Исходя из этого опыта, белогвардейцы Ижевска всячески стремились подчеркнуть свою демократичность, не одевали погон за весь период мятежа, пытались сохранить Советы (но без большевиков) и приказным порядком установили «власть» Учредительного Собрания. Все это было не более чем игрой, но игрой, рассчитанной на людей малопосвященных в истинные цели мятежников. Как и следовало ожидать, многие рабочие вскоре разобрались в сути нового порядка. Расстрелы большевиков, эсеров-максималистов шли в каждую неделю, профсоюзы были разогнаны, Совет, состоявший из меньшевиков, бездействовал, Комитет Учредительного Собрания был полностью прикрытием кровавых дел. Логическим завершением должно было быть установление военной диктатуры, что и произошло вскоре. Чтобы положить конец развалу «народной» армии, был издан и отпечатан типографским способом, расклеен по всему городу знаменитый приказ № 18 войскам Народной армии Прикамского края от 4 октября 1918 г. В нем было буквально следующее: «Вынужден положить решительный конец шатаниям и развалу в рядах Народной Армии, приказываю: отрядам и командам, командирам и солдатам стоять на своих местах до последнего. Первый шаг назад есть измена народному делу и карается немедленным расстрелом на месте. Когда речь идет о спасении населения и борьбе на смерть с врагом, всяким колебаниям положить предел. Кто не несет свою жизнь в жертву за общенародное дело, тот не имеет право на жизнь.

Объявляю это к неуклонному руководству и немедленному проведению в жизнь.

Главнокомандующий войсками Федичкин»⁵⁷.

И все же даже такой грозный приказ не мог установить порядок в армии. Она разлагалась. Федичкин понял, что он переоценил свои способности. Командовать сразу двумя группами войск (в Ижевске и Воткинске), насчитывающими более 20 тысяч человек, он не в состоянии. По свидетельствам очевидцев, Федичкин начал злоупотреблять спиртными напитками, все больше выпускать бразды правления из рук и следовательно уже не устраивал белогвардейских офицеров, которые намеревались водворить порядок в войсках железной рукой.

15 октября 1918 г. Федичкин «по собственному желанию» сдал армию капитану Юрьеву Г. Н. и почти полностью отошел от дел. Он отступил вместе с ижевцами к Колчаку, но кроме тыловой должности ему не доверили. Ему поручали дело по набору войск, был он военным комендантом города Томска. 6 марта 1919 г. его вызвали в ставку Верховного в Омск и поручили весьма деликатное дело: командировку в штаб Западной армии генерала Ханжина. Вскоре он прибыл в Челябинск, долго болтался без дела. Наконец, 15 мая 1919 г. генерал-майор Рыбаков вручил ему командировочное удостоверение такого содержания: «Предлагаю Вам с получением сего отправиться в Ижевский завод для ликвидации дел бывшей армии Прикамского края, при чем для выполнения означенной работы представляется месячный срок»⁵⁸.

Федичкин вновь выехал в Ижевск, одновременно с поставленной в удостоверении задачи вел набор новых сил для Ижевской бригады Молчанова, укрощал тех, кто сбежал самовольно из Ижевской бригады (об этом см. в статье о Молчанове В. М.— К. К.).

Документов о дальнейшей службе Федичкина на Колчака пока не найдено. Одно ясно, что полковник, не получивший особых чинов и наград, очевидно, разочаровался в Верховном и постарался вовремя улизнуть за границу, поскольку наверняка понимал, что прощения ему за все злодеяния, гибель многих сотен ни в чем неповинных людей не может быть.

Юрьев Георгий Николаевич — полковник

15 октября 1918 г. в руководящем звене мятежников Ижевско-Воткинского района произошел переворот. Полковник Федичкин был отстранен от поста главнокомандующего и на его место воззрелся Юрьев.

Одно упоминание этой фамилии у тех, кто пережил годы гражданской войны в Удмуртии, вызывало и вызывает до сих пор гнев и отвращение, презрение и ненависть. Человек, не имеющий каких-либо полководческих способностей, он сумел собрать под

свое начало отпетых головорезов, пробивая себе дорогу огнем и мечом, дослужился под началом другого авантюриста — адмирала Колчака до командира дивизии и чина полковника.

Юрьев стал героем многих художественных произведений. А. С. Алдан-Семенов в своей книге «Красные и белые» пишет о нем, как о бывшем артисте. Действительно, Юрьев был похож на Нерона, который тоже считал себя таковым и даже, умирая, лицемерил: «Какой великий артист погибает!»

Для исследователей историков Юрьев оказался полнейшей загадкой. Раз он прибыл в Воткинск, не скрывая того, что был царским офицером в чине капитана, он должен был окончить какое-то военное училище. Училищ в царской России было много. Но кропотливый труд по просмотру списков их выпускников к успеху не привел. Наконец, однажды осенила мысль: а не оборотень ли Юрьев. Он же мог прибыть в Воткинск, изменив свою фамилию. Новый поиск привел к успеху.

Юрьев Г. Н. (Бимман) родился 5 апреля 1876 г. в семье потомственных дворян Подольской губернии⁵⁹.

Давний предок Биммана прибыл в Россию еще во времена Петра I. Женился на боярской дочери, служил русскому царю. Его потомок считал себя уже русским, хотя и с гордостью носил немецкую фамилию Бимман. При Екатерине Бимманы получили давно ожидаемое дворянство и имение в Подольской (ныне Каменецк-Подольск) губернии, к концу XIX века один из последних крупно проигрался, имение пришлось продать. Последний отпрыск «потомственных русских дворян», как сын и внук офицеров, был определен на воспитание в Киевский Владимирский кадетский корпус (это было 3 августа 1895 г.) юнкером рядового звания. 12 августа 1896 г. старательный Бимман был произведен в подпоручики Новогеоргиевской крепостной артиллерии. 16 августа 1897 г. определен младшим офицером 7-й роты, адъютантом по хозяйственной части. В это же время ему удастся очаровать генеральскую дочь Софью Ипполитовну Юрьеву и получить согласие на женитьбу. Впереді рисовалась блестящая карьера. 21 октября 1899 г. жена родила дочь Елену, 2 ноября 1902 г. — Веру. Домашние расходы росли с каждым днем, а повышение по службе шло медленно. 30 апреля 1900 г. Бимман приказом по артиллерии Варшавского военного округа прикомандирован для несения службы к 3-му гвардейскому летучему артиллерийскому парку и назначен заведывающим хозяйством парка. 12 августа 1900 г. «Высочайшим приказом произведен в поручики»⁶⁰.

28 октября Бимман, уязвленный тем, что рост его карьеры происходит медленно, подает в отставку, увольняется в запас и прибывает сверхштатным чиновником особых поручений при Псковском губернаторе. Здесь он впервые убеждается, что мог

бы сделать карьеру не на стезе военного. Он производит дознания по тюремным делам, наблюдает за типографиями, книжными лавками, ведает особо доходным делом: выдачей свидетельств о политической благонадежности. Рвение Биммана замечено и 1 января 1903 г. он назначается помощником (по нынешнему заместителем. — К. К.) Псковского полицмейстера.

Бимману повезло. В августе 1903 г. в Псковской губернии проходят большие военные маневры. 10 августа на них участвует сам Августейший. Бимман назначается в охрану царя. И «всемиловейшие пожалованы золотые закрытые с такою же цепочкой часы за понесенные труды во время Высочайшего посещения...»⁶¹.

Мало этого, Бимман удосужился и благодарности губернатора. И, очевидно, не случайно 29 ноября 1903 г. его переводят в штаб I С.-Петербургской столичной полиции и присваивают ему «За выслугу лет чин титулярного советника». Дальнейшей карьере Биммана помешала русско-японская война. Его как артиллериста направляют во Владивосток на усиление Николаевской на Амуре крепостной артиллерии. Но Бимман знает, что на передовой убивают. Устраивается учителем учебной команды, затем заведующим мастерскими и лабораторией крепостной артиллерии. Никаких особых подвигов Бимман не совершает, но 8 июля 1905 г. приказом командующего Маньчжурскими армиями от 8 июля 1905 г. за № 1301 он награждается орденом Св. Станислава III степени. 31 декабря 1905 г. ему удается уволиться в запас и 13 февраля 1906 г. он назначается младшим помощником участкового пристава С.-Петербургской столичной полиции. 22 сентября 1906 г. приказом Орловского губернатора Бимман назначается офицером конно-полицейской стражи Орловской губернии, 20 февраля 1907 г. — полицмейстером г. Ельца, но 31 июля того же года увольняется с работы по домашним обстоятельствам и едет в Швейцарию⁶².

В сентябре 1907 г. Бимман возвращается в Россию, начинает жить в Москве. В середине 1911 г. едет по месту своего прикрепления на воинскую службу, чтобы ходатайствовать себе очередное звание. При этом обращается к царю: «Всепресветлейший, Державнейший Великий Государь Император Николай Александрович Самодержец Всероссийский, Государь Всемиловейший.

Домашние обстоятельства лишают меня возможности продолжать службу Вашего Императорского Величества, а потому поднося у сего все требуемые на сей предмет законом документы, всеподданнейше прошу: к сему.

Дабы повелено было уволить меня из запаса в отставку с награждением следующим чином.

г. Кишинев. Бессарабская губерния.
22 ноября 1911 г»⁶³.

Но государь видно забыл о том, что собственноручно вручал своему верноподданному золотые часы. Бимман получил оскорбительный отказ.

17 января 1912 г. Московский уездный воинский начальник полковник Марков пишет по просьбе Биммана новое ходатайство начальнику Московской местной бригады «О разрешении уволить поручика Георгия Николаевича Биммана в запас по домашним обстоятельствам и присвоить очередной чин штабс-капитана»⁶⁴.

Биммана увольняют, но чин штабс-капитана не присваивают. Новый удар судьбы, очередное оскорбление от тех, кому он клянется в верноподданности.

Тем временем в Европе все более сгущаются тучи новой войны. К ней готовятся и царь России, и кайзер Германии. Внешнего повода пока нет. Но была бы лишь причина,— повод найдется. 17 июля 1914 г. (по старому стилю) в Сараево Гаврило Принцип бросает бомбу в экипаж наследника австро-венгерского престола Франца Фердинанда, убивает наследника и его жену. Клич брошен. Первая империалистическая война началась.

В это время Бимман вновь служил в Пскове. Призывным листом губернского присутствия он призывается на действительную военную службу уже на следующий день, 18 июля 1914 г. А еще через день Германия объявляет войну России.

7 августа 1914 г. Бимман назначается в Кишиневе ротным командиром и получает вскоре звание зауряд-капитана⁶⁵. Бимману удастся пока сидеть вблизи фронта, но в боях не участвовать. 12 июня 1915 г., наконец, он получает долгожданное звание штабс-капитана и назначается на службу в 413-й пехотный Порховский полк командиром 6-й роты. 7 июля 1915 г. полк выступил в театр военных действий, но ровно через месяц, т. е. 7 августа 1915 г. Бимману удается эвакуироваться в глубь России «вследствие контузии и болезни»⁶⁶.

Бимман понял, что на войне можно и другим способом заработать награды. В полках очень сильны антивоенные настроения, тайные агитаторы большевиков мутят воду, призывая кончать ее и повернуть штыки против царского режима. Бывшему полицейскому приходится много работать. Это не проходит мимо внимания начальства. 11 февраля 1915 г. его награждают «За ревностную службу и труды, вызванные обстоятельствами текущей войны орденом Св. Анны 3-й степени».

Но Бимману явно не везет. Он чувствует каждый раз при встрече с незнакомыми людьми, как его фамилия вызывает нестерпимое отношение, а большинство сторонится его общества. Мешает немецкая фамилия. Он подает прошение самому царю. И «согласно повеления, последовавшего в 14 день августа месяца

1915 г. Всемиловестивейше разрешено именоваться с семейством по фамилии Юрьевым вместо прежней Бимман»⁶⁷.

Юрьев (Бимман) ускользнул от передовой, где рвутся снаряды, разносятся по ветру отравляющие газы, где вши уносят больше людей, чем боевые действия. Он живет на юге, лечится от воспаления седалищного нерва, которое все более усиливается. Врачи ничем не могут помочь. Он проходит одну комиссию за другой. Наконец добивается определения инвалидности третьей категории.

Безделье в Ялте под видом лечения ему тоже надоедает. Неумная жажда власти и положения в обществе требует действия. И Юрьев вновь обращается к старым коллегам из жандармского управления, которые советуют ему ехать «лечиться» в Швейцарию, где собрались русские эмигранты-заговорщики. Служителей 3-го отделения особенно интересует, по каким каналам поступает оттуда крамольная литература.

Юрьев переодевается в пестрый заграничный костюм, но надежд 3-го управления ему не удастся оправдать. По возвращении из-за границы коллеги из жандармского управления не скрывают своего раздражения и дают понять, что пути теперь расходятся. Поэтому Юрьев вновь решает податься на военную службу и находит дело, близкое к своему сердцу: состоит в качестве члена военно-полевого суда, утвержденного при начальнике гарнизона города Бердичева.

В конце февраля 1917 г. Юрьев получает жесточайший удар: восставший народ свергает царя. Самодержец вынужден отказаться от престола. Но шоковое состояние быстро проходит. Юрьев вновь «переодевается» и начинает выступать на митингах, провознося революционные лозунги, называет себя даже социал-демократом. Он теперь благодарен себе, царю и судьбе, что удалось вовремя избавиться от прежней фамилии, поскольку многие его коллеги жандармы оказались в тюрьмах.

В конце июля 1917 г. в Бердичев приезжает агент монархистов, который излагает план освобождения Николая II и его семьи. Задание Юрьеву: внедриться в г. Воткинск, устроиться на квартире у обывательницы Софьи Александровны Рацевич-Стакевич, улица Заводская, дом 8, устроиться в заводууправлении, подобрать себе агентуру и ждать условного сигнала. Когда освобожденного самодержца поведут обратно к Москве, во всех пунктах его обратного пути должны быть подняты восстания. Восставшие присоединятся к новому войску царя и лавой пойдут на Москву, а затем — на Петроград.

12 августа 1917 г. начальник 10-й рабочей бригады генерал-майор Николаев ходатайствует в главный штаб «О назначении пенсии штабс-капитану Юрьеву Георгию Николаевичу из Сара-

пульского уездного казначейства Вятской губернии». Юрьеву была назначена пенсия в сумме 203 рубля 68 копеек. По сравнению с тем, что он получал на службе — 1608 рублей — это было жалким пособием, но те, кто его послал на тайное дело, побеспокоились о материальном обеспечении своего агента. А если свершится намеченное, о дальнейшей судьбе ему не надо будет вообще беспокоиться. Главное, чтобы он не засветился. А то, что в таком захолустье, как Воткинск, о существовании которого Юрьев до сих пор вообще не знал, не докопаются до его прошлого, Юрьев был вполне уверен.

Вскоре он, в который уж раз, снял офицерский мундир, тщательно упаковал свои прежние документы, медали и ордена, оставив только один орден Святого Станислава, наказал жене Софье Ипполитовне беречь все это как зеницу ока, облачился в артистическое одеяние, взял трость с фальшивым камнем в набалдашнике и пустился в долгий путь с фальшивой миной на лице, фальшивой биографией в голове, но с вполне конкретными целями и задачами.

Уже через семь дней он появился на Воткинском заводе и немедленно был принят на работу корреспондентом «Материального стола» Воткинского машзавода.

Когда при Горном начальнике воткинского завода возник коллективный орган вроде делового Совета, Юрьев был уже назначен секретарем этого Совета. Но Совет заседал очень редко, у работников заводууправления, по воспоминаниям одного из служащих завода Петра Луппова, складывалось впечатление, что этот Совет создан именно для того, чтобы трудоустроить Юрьева и дать ему возможность беспрепятственно проникать на завод и творить свои дела ⁶⁸.

Когда свершилась Октябрьская революция, в Ижевске власть к большевикам перешла уже на вторые сутки, а в Воткинске еще до января 1918 г. хозяйничали меньшевики и эсеры. Когда, наконец, в январе большевики в Совете получили большинство и выбрали своего председателя, в городе начали проводить реквизицию имущества купцов и промышленников. Но проводилось это очень робко, нерешительно. А противники эсеры и меньшевики не упускали ни одного случая, чтобы помешать им или опорочить их в глазах обывателей города. Печатный орган раскололся на два. В газете «Заря» проводили свои принципы социал-демократы, а в другом — «Искре» — социал-революционеры. Вскоре оба эти органа прекратили свое существование. Исполком Совета начал выпускать газету «Путь», а эсеры — «За народ». Эта газета встала в открытую оппозицию к Исполкому и его печатному органу, открыто травила партию большевиков и самую власть Исполкома. Издавал ее бывший царский офицер Нилов. Решением

Исполкома газета эсеров была закрыта, редактор выслан из Воткинска.

Но разложение рабочей массы на этом не прекратилось. В городе кто-то умелой рукой направлял антисоветскую деятельность, разносились различные слухи о бесчинствах большевиков, о том, что в разных концах страны Советская власть уже свергнута.

Когда прибыла директива о создании частей Красной Армии и направлении их на чехословацкий фронт, многие неустойчивые элементы стали выходить из партии. Ряды партийной организации, призванной руководить всей заводской жизнью, редели с каждым днем. Эсеры и меньшевики воспользовались этим, но поставили вопрос о переизбрании Совета. Состоявшиеся выборы принесли большевикам поражение. Вятский губисполком телеграфом известил о роспуске эсерово-меньшевистского исполкома и предписал старому оставаться на местах.

Но самое главное, материальное снабжение завода — основа основ его жизни — стало ухудшаться, а вслед за этим и материальное положение рабочих. А это в конце концов могло привести к кризису и порождению недовольства Советской властью со стороны всех трудящихся. Командовали заводом, как и раньше, инженеры Пшеничнов и Першке.

Решением Советской власти должность Горного начальника на заводе была упразднена, но решительных изменений не произошло. Технические специалисты негласно саботировали все решения Советской власти. Секретарем коллегии заводууправления был утвержден Юрьев. Теперь он был в курсе всех дел, происходящих на заводе, более того, мог активно влиять на них. Юрьеву удалось остаться секретарем коллегии даже после перевыборов председателя, когда таковым стал рабочий — большевик с 1914 г. Бердников Григорий Емельянович.

Юрьев с этого момента стал одеваться по другому: носил картуз и темно-синюю потертую блузу. В производственные дела завода он старался активно не вмешиваться, но все, что происходило там, знал. Нередко уезжал «по делам» в Ижевск, обзаводился новыми знакомыми. Одним из близких друзей его стал управляющий отделом труда завода Колдыбаев Александр Николаевич. Но в середине мая 1918 г. эти два человека вдруг рассорились и дошли до взаимных угроз. Юрьев в комитет профсоюза написал заявление: «13 мая 1918 г. мне совершенно случайно стало известно постановление Комитета Союза служащих об увольнении от службы гражданки Софии Александровны Рацевич-Стакевич, именуемой почему-то комитетом моей «гражданской женой».

Я слишком брезглив, чтобы после подобного постановления вступать в полемику с Комитетом Союза служащих..., но я про-

служил делу народа 22 года, из коих 5 лет провел в двух кампаниях и был трижды ранен в боях, не могу молчать, когда люди, именующие себя передовыми бойцами за свободу, равенство и братство, берут на себя обязанности палачей и сыщиков. Вам, извините, за выражение, «товарищи», нужна жертва, Вам, «господа социалисты», нужна легкая практика для сыска и ассенизационной работы. Пожалуйста, я к вашим услугам. Но не выносите Ваших постановлений втихомолку, из-за угла. Призовите меня к ответу, как это подобает джентельменам и культурным гражданам, и я Вам дам честный и безбоязненный ответ: действительно ли С. А. Рацевич-Стакевич моя жена, живущая у меня и на мои средства или нет...

Вам, претендующим на высокое и почетное звание «социалистов», не может быть даже понятно, как глубоко вы грязните это чистое знамя социализма и его искренних и действительных адептов (ревностных приверженцев.— К. К.).

...После всего этого членский билет Союза равносителен для меня профессиональной карточке сыщика или красной рубаше палача.

Одновременно с подачей этого заявления Юрьев швырнул на стол председателя свой профсоюзный билет.

На следующий день в коллегию управления Камско-Воткинским горным округом поступило заявление управляющего отделом труда завода Колдыбаева, в котором тот писал: «На заседании коллегии Юрьев сказал, что люди, такие, как я, подписавший протокол общего собрания членов Союза служащих, как председатель такового, не социалисты, а подлецы и мерзавцы, которых он будет стрелять».

Скандал, кажется, грозил принять нежелательный оборот. Его разбирали и в комитете профсоюза, и в коллегии заводоуправления. Но ко всеобщему удивлению, он также быстро потух, как и вспыхнул. Юрьев извинился перед Колдыбаевым и согласился с тем, что С. А. Рацевич-Стакевич была уволена правильно и он, как настоящий джентльмен, чувствующий перед ней свою вину, берет ее материальное обеспечение на себя. Поступок кое у кого даже вызвал восхищение. Но никто, кроме устроителей этого скандала, не знал, что это был блестяще сыгранный спектакль, что под личиной Юрьева и Колдыбаева скрываются не социалисты, а будущие страшные палачи. Этот фарс нужен был для того, чтобы усыпить бдительность органов охраны Советской власти, ибо в стране наступали тревожные дни. Чехословацкий экспедиционный корпус восстал против Советской власти. Час освобождения царя близок, надо действовать. Мало ли на какое подозрение толкнет близость Юрьева и Колдыбаева?

Юрьев каждый день ждал условного сигнала от Н. Е. Маркова — руководителя монархистов-офицеров и черносотенных орга-

низаций. Пришло сообщение, что царь Николай II вместе с семьей из Тобольска переведен в Екатеринбург. Второе сообщение не на шутку встревожило Юрьева: в Перми расстрелян великий князь Михаил. Надо бы скорее действовать. Ведь всем ясно, что при приближении чехословаков к Екатеринбургу с Николаем II произойдет то же самое. Нужен хороший десант, который бы использовал подпольную организацию. Но Юрьев вынужден сидеть здесь и все ждать и ждать.

Опасения монархиста Юрьева оказались не напрасными. При приближении чехословаков и белогвардейцев революционный совет Екатеринбурга принял решение о крайних мерах. 17 июля в подвале дома купца Ипатьева царь и его семейство были расстреляны. Эта жестокая мера была вынужденной в тех условиях, когда одно имя царя использовалось в контрреволюционных целях для объединения всех сил, действующих и сознательно, и не сознательно против Советской власти.

Но перевертыш Юрьев недолго справлял траур по убиенному своему кумиру. Вскоре он примкнул к Савинковскому «Союзу спасения Родины и Свободы», который действовал под прикрытием легального Союза фронтовиков, созданного во многих городах России, в том числе в Ижевске и Воткинске.

8 августа особо законспирированная белогвардейская организация офицеров подняла в Ижевске мятеж. 17 августа экспедиционный отряд ижевских белогвардейцев при активной помощи воткинских заговорщиков во главе с Юрьевым захватил Воткинск. 18 августа на площади перед заводоуправлением был зачитан приказ, что комендантом города Воткинска назначен штабс-капитан Г. Н. Юрьев.

Вскоре Юрьев создал новые органы власти, аресты шли по всему городу. Начальником контрразведки Юрьев назначил А. Н. Колдыбаева. Распорядителем на заводе вновь стал инженер Першке, перекинувшийся к белым.

Первыми жертвами Юрьева стали заместитель председателя Исполкома Совета Константин Казенов, его отец и сестра, председатель завкома профсоюза Иван Швецов, председатель Воткинского комитета большевиков С. С. Сипугин и другие.

Арестованных было так много, что не хватало места для их размещения. Юрьев додумался загнать их в плавучие железные баржи. Четыре баржи были спущены по р. Вотке к южной окраине поселка и поставлены в районе бывшей бойни. До поздней осени 1918 г. по приказу Юрьева туда бросали людей, держали без света, в сырости, на голодном пайке. По ночам вызывали на допрос или просто расстрел. Расстреливали, прокалывали штыками вначале на 16 версте, у Камы, за железнодорожной насыпью и тут же на берегу Вотки, среди поленниц дров. В казни людей не-

редко участвовал сам Юрьев, но главным исполнителем его приказов был палач Колдыбаев.

Одновременно с проведением кровавых оргий Юрьев лихорадочно вел работу по созданию белогвардейской армии. За короткий срок при помощи кадровых офицеров царской армии ему удалось поставить под ружье около 5 тысяч человек. В конце августа и первой половине сентября части Особой Вятской дивизии Степана Ивановича Малыгина и начальника штаба III армии Юрия Юрьевича Аглока (особая бригада) неоднократно пытались наступать на Воткинск. Но хорошо поставленная разведка Юрьева всегда вовремя предупреждала о движении красных войск и воткинские мятежники проводили весьма удачные операции, рассчитанные на устройство ловушек для красных. Об этом Юрьев весьма красноречиво пишет в газете «Прикамье» (формально орган Прикамского Комуча, фактически газета белогвардейских мятежников.— К. К.) 13 сентября 1918 г.

«Выяснив окончательно силы и расположение противника, который группировался для удара севернее села Бабки силою до 1200 штыков, при трех орудиях и десяти пулеметах. Наш отряд под командой Г. И. Мудрынина, не ожидая начала наступления со стороны противника, повел таковое сам. В 4 часа 30 мин. утра 10 сентября были выпущены три сигнальных ракеты, что означало общее наступление по всему боевому участку. Без единого выстрела наши цепи приблизились к передовым частям противника... В это время на правом фланге противника оказалась наша обходная колонна, высланная до начала боя для удара во фланг и тыл. Обезумевшие от страха красноармейцы бросились бежать, бросая оружие, снаряжение и боеприпасы... Командир роты с обходной колонной бросился на тыл противника и захватил часть его обоза. Прикрытие красноармейского обоза пустилось бежать к реке Каме, стараясь спастись вплавь, но было все перебито и потоплено в реке.

Некоторые наши отряды гнали противника до Ножовки. Трофеи около 100 тысяч патронов, несколько пулеметных лент, четыре вполне годных пулемета, 13 лошадей, конская сбруя, пять фонических телефонов полевых с проводами, более ста штук винтовок, 250 штук ручных гранат, три походных кухни с горячей кашей, до ста пудов мясных и других продуктов...

Потери у противника убитых до 350 человек, из них до 200 китайцев... Среди убитых почти весь штаб и командный состав противника...

Наши части с боем заняли село Фоки-Богородское и продвинулись на линию с левой стороны до села Дубровского и с правой — до Михайловского завода, войдя в связь с Ижевскими войсками. Начальник штаба армии Юрьев»⁶⁹.

Эта победа над отрядом Особого назначения Аплока еще более укрепила позиции Юрьева и он теперь рвался к рулю власти во всем Прикамье. Методы работы его мало чем отличались от известных случаев в истории.

«Само собою разумеется,— писал в свое время Г. В. Плеханов,— что человек, возводимый событиями в звание диктатора, должен был с своей стороны неукоснительно пробиваться к власти, энергично расталкивая и беспощадно давя всех, заграждавших ему дорогу»⁷⁰.

Это было написано о Наполеоне Бонапарте. Но то же можно было сказать и о нашем «герое».

15 октября 1918 г. капитан Юрьев сместил с командования полковника Федичкина. Методы работы прежнего диктатора новому показались слишком мягкими и малодейственными. Юрьев приехал в Ижевск и первым делом посетил тюрьмы и места заключения большевиков и противников бело-эсеровского режима. Увиденное возмутило нового главнокомандующего. 26 октября он издал приказ следующего содержания: «Арестованные большевики г. Ижевска занимают, оказывается, чуть ли не все лучшие помещения в городе и содержатся не так, как они этого заслуживают. Подобный порядок считаю недопустимым, а потому приказываю начальнику контрразведки, совместно с комендантом города, приступить к оборудованию соответствующего числа барж на заводском пруду и приспособлению их под плавучие тюрьмы также, как это сделано в г. Воткинске.

Режим для арестованных большевиков и прочего уголовного сброда, продающего Россию и русских граждан немецким варварам, должен соответствовать режиму каторжников, содержащихся в каторжных тюрьмах за тягчайшие виды преступления. Никаких свиданий и переписки с арестованными, а также прогулок отнюдь не допускать. Пусть на себе эти изверги испытают всю прелесть декретов «товарищей Ленина и К^о». В данном деле «товарищи» комиссары найдут во мне верноподданного и точного исполнителя их рецептов, изготовленных их адской лабораторией для мирных русских граждан, рабочих и крестьян.

Главномандующий армиями Прикамского края Юрьев, Начальник штаба главнокомандующего подполковник Альбокринов. Адьютант штаба главнокомандующего штабс-капитан Александровский»⁷¹.

Что же так сильно возмутило в положении ижевских узников Юрьева? Может быть для них действительно были установлены райские условия? На самом деле тюрьмы Ижевска были страшнее царских каторжных тюрем. Почти каждую ночь арестованных выводили на допрос, нещадно били и в каждую неделю объявляли, что «главари казнены».

Но после того, как пришел к власти Юрьев, наступили еще более страшные дни белого террора. 23 октября были арестованы белогвардейцами 22 человека крестьян Банниковых из дер. Болгуры Июльской волости и посажены при Ижевском военном отделе, где уже находилось 450 человек арестованных раньше. Белогвардейцы искали одного Банникова, в чем-то провинившегося перед ними, и не зная какого именно Банникова им нужно, арестовали 22 человека. Их выстроили в один ряд, продели сквозь связанные руки веревку, чтобы они не падали и начали сечь ремненными кнутами, на концах которых была вплетена картечь... Семь человек пали мертвыми. Остальных, без живого места на их телах, увели в камеры и там продолжали истязать. Чтобы истязаемые не падали, около каждого были поставлены с разных сторон часовые с направленными на них штыками. Стоило кому-то повалиться, как он подхватывался на штык. Все Банниковы были убиты в эту кровавую ночь⁷².

Жертвы Юрьева в Прикамье описать трудно. Только в Воткинске было убито более тысячи человек. Когда Надежда Константиновна Крупская поднялась по Каме на пароходе «Красная Звезда» и участвовала на митинге в Воткинске, она не могла скрыть ошеломления и горя увиденным и услышанным. В дневнике она написала: «Когда запели «Вы жертвою пали», раздались рыдания: в редкой семье нет убитых белыми... Были расстрелы даже ребят 13—14 лет»⁷³.

Позднее в своих воспоминаниях Н. К. Крупская писала: «Там, где побывали белые, ненависть к ним населения была безгранична. Никогда не забуду я митинга на Воткинском заводе, где белые перестреляли чуть не всех подростков... И тысячный митинг, созванный нами на Воткинском заводе, весь рыдал, когда пели «Вы жертвою пали»... Не забуду я никогда... о тех бесконечных насилиях, издевательствах, о которых рассказывали жители Прикамья...»⁷⁴.

Под ударами войск Красной Армии Юрьев вынужден был отступить из Воткинска, перейти на левый берег Камы. Притом ижевцы и воткинцы разделились. Конфликт между ними разгорелся вследствие того, что воткинцы не смогли оказать действенную помощь ижевцам при наступлении на Ижевск Азинской дивизии. Главнокомандующий войсками Прикомуча Юрьев не сумел разобраться в тактике командарма-2 Шорина Василия Ивановича, запланировавшего главный удар с юга Ижевска. Юрьев ожидал, что главный удар будет по Воткинску, и казалось, все для этого сделано: по Каме ведет наступление Особый отряд Ю. Ю. Аплока, с Мишкино — 7-й Баусский латышский полк и войска Особой Вятской дивизии, со стороны Черного и Светлого — полк им. Володарского, также входящий в Особую Вятскую ди-

визию. Атака же на Ижевск была столь стремительно-неожиданной, что Юрьев при всех лихорадочных попытках ничего не смог предпринять против, а когда Ижевск красными был освобожден, он понял, что дни его армии сочтены. Уже на вторые сутки он начал переправу войск через Каму, к 13 ноября ушли из Воткинска последние его арьергарды.

Через полтора месяца Юрьеву удастся связаться с колчаковскими войсками, войти со своей группой войск в армию Колчака. В январе 1919 г. в сводке, подписанной врид начштаба Западной армии подполковника Нарышкина, даются такие сведения: «Воткинская дивизия. Начдив Юрьев (кадровый офицер 1916 г. слаб. Наштадив подполковник Альбокринов. 1-й Воткинский полк — 5 офицеров, 1800 штыков, 2-й полк — 17 офицеров, 1400 штыков, 4-й полк — 9 офицеров, 1300 штыков, Запасный батальон — 3 офицера, 600 штыков, 8-й отдельный эскадрон — неизвестно что представляет. Артиллерия — 15 орудий (2 гаубицы, 2 горных, 11 легких)»⁷⁵.

Таким образом, под началом Юрьева даже после того, что он провел неудачные бои под Щучьим Озером, где получил поражение от Азинской дивизии, было около 5,5 тыс. человек. Но Юрьев терпел одно поражение за другим. По сводке колчаковской армии «4 января красные в 14 часов повели наступление большими силами при 4 орудиях... и потеснили части воткинцев на линию Васино и Шимово. В 13 час. красные повели наступление вдоль железной дороги. В то же время был пущен отряд на лыжах в обход д. Щучье Озеро (при станции) лесом. Воткинцы после боя у д. Щучье Озеро — с. Алмаз оставили эти пункты»⁷⁶.

6 января 1919 г. генерал-лейтенант Люпов направил из Челябинска в Уфимский корпус срочную телеграмму: «Совершенно необходима поддержка воткинцев. Приказываю вам немедленно перейти в наступление на фронт Атерский Ключ — Верх. Атерское для поддержания сводной дивизии по Алмаз»⁷⁷.

В этот же день генерал Люпов направил генералу Голицыну другую телеграмму, в которой попросил известить Юрьева через штаб Сибирской армии Рудольфа Гайды о своем предыдущем приказе и еще раз подчеркнул, что «необходимо держать в наших руках фронт Щучье Озеро — Аскин. Иначе противник может отрезать нашим частям тыловой путь и создать панику. В случае обхода красными справа нашей группы у Аскина парировать этот удар нечем. Ижевская бригада, находящаяся в районе Биабаш, нами отводится в тыл, как небоеспособная. Держать эту бригаду вблизи фронта крайне опасно по причинам, изложенным мною сегодня в шифрованной телеграмме»⁷⁸.

6 января Воткинская дивизия была переведена в Сибирскую армию. Через день генерал-майор Богославский в Челябинск

сообщил, что «воткинцы отходят совершенно без боя. Чтобы остановить и поднять их дух, необходимо выдвинуть к ним регулярную часть, иначе потеряем всю дивизию. В силу такой обстановки генерал Гайда вынужден был выслать два батальона 46-го полка... Воткинцам вчера приказано перейти в наступление на Щучье Озеро, а в результате они оставили и д. Баскину и отошли на Богородское»⁷⁹.

В штабах обеих армий не могли понять в чем дело. Требовали объяснений от Юрьева. С ним связался начальник штаба Западной армии генерал Щепихин. Юрьев, поднаторевший на том, что все победы приписывал всегда себе, а в поражениях обвинял других, объяснил положение следующим образом: «У меня в армии случилось чрезвычайно тяжелое происшествие под влиянием провокационной агитации моего соседа справа партизана Борчанинова. Как теперь удалось выяснить, он в последние дни уговаривал мой лучший Воткинский полк уйти с позиции и перейти к нему... Под влиянием его агитации весь первый Воткинский полк и эскадрон Рябкова и Вдовина — лучшие части армии открыли фронт и ушли по направлению к Богородскому. Положение оставшейся части критическое. Послал эскадрон арестовать Борчанинова, но боюсь, что будет поздно. Обо всем сообщаю начдиву Иркутской, которого просил неоднократно принять меры против Борчанинова, т. к. по имеющимся у меня сведениям, последний действует в пользу красных. Пока остаюсь со штабом в Щучьем Озере. Но, по некоторым данным могу предполагать, что рискую быть арестованным со штабом по распоряжению Борчанинова. Противник большими силами продолжает теснить наши части. Сейчас получил сведения, что делегаты Борчанинова приехали в Сайгатский полк продолжать свое подлое дело. Не уверен в том, что и сайгатцы не последуют примеру первого полка. Прошу срочно Вашего указания, а главное — содействия через Главковерха»⁸⁰.

В этом разговоре Юрьев весь как на ладони. Он и не виноват в случившемся, ему надо обязательно оправдаться не только перед непосредственным начальством, но перед самим Колчаком — главковерхом.

Вопли Юрьева не остались без внимания. Положение на фронте около Щучьего Озера было выправлено. Юрьеву Колчак своими личными приказами от 24 и 29 января 1919 г., т. е. в течение одной недели, дважды повысил звания и из капитанов произвел в полковники. Он также наградил Юрьева Георгиевским крестом и написал ему личное благодарственное письмо⁸¹.

Колчаковское командование срочно приняло меры для обмундирования Воткинской дивизии и создало ей особые условия. Вот-

кинцы получали по 300 рублей, а в других войсках — по 40 рублей в месяц⁸².

Судя по документам колчаковской армии, полковник Юрьев командовал Воткинской дивизией до июля 1919 г. Данные подтверждаются и разведсводками красных войск. 24 июня 1919 г. по показаниям пленных Осинского и 4-го Воткинского полков Воткинской дивизии, взятых в районе Марасаны (55 верст от Воткинского) во вновь сформированной Воткинской дивизии 4 полка по 3 батальона в 4 роты в каждой. В ротах по 40—50 штыков, состав полков—мобилизованные Воткинского завода и района. Добровольцев немного. В Осинском полку якобы 3 пулемета и 4 бомбомета. Комполка поручик Жуланов. Дивизия в последнее время находилась в резерве в районе сев. вост. Воткинска, откуда ей было приказано отходить в направлении на Оханск. Из воззвания комкора 8 генерала Панова к жителям Воткинского района выясняется начало, на которых была сформирована эта дивизия: добровольцам обещали оклад в 420 руб. в месяц и отпуск по домам после того, как красные будут отброшены за р. Каму и Вятку. Начдивом Воткинской назначен полковник Юрьев⁸³. В июле месяце совершенно потрепанная Воткинская дивизия, в которой дезертирство стало массовым явлением, была укреплена новым пополнением. В нее вошли Казанский, Лаишевский и Чистопольский полки, а от самой Воткинской дивизии остался только один Воткинский полк.

По документальным данным от 12 июня 1919 г. генерал Панов устранил от командования 8-м корпусом и на его место назначен начдив 15-й Воткинской полковник Юрьев⁸⁴.

Дальнейшая судьба Юрьева для нас остается пока неизвестной. По некоторым неподтвержденным документально данным, Юрьев погиб. Не было его и среди 56 человек высших офицеров, взятых в плен в Красноярском котле. Нет его фамилии и среди тех, кто прошел до Маньчжурии и Владивостока. Воткинской дивизией в дальнейшем командовал полковник Михайлов, наштабдивом был капитан фон Бах⁸⁵.

Таким образом, Юрьев — полуполицейский, полувоенный, оборотень и перевертыш, беззастенчивый авантюрист и ловкач омерзительной и страшной кометой пронесся на политическом небосклоне Удмуртии. Черные и кровавые следы его остались в сердцах тысяч людей. Руки этого палача обгажены кровью десятков тысяч лучших сынов и дочерей Прикамья. Другой памяти в истории ему нет и не может быть.

* * *

При всей индивидуальности характеров, руководители Ижев-

ского мятежа имели много общих черт, что свело их вместе на путях истории и привело к одинаковому финалу.

По социальному положению все они принадлежали к мелкобуржуазному сословию, которое всегда стремится и мечтает выбиться в привилегированное меньшинство и когда оно в какой-то степени достигает своего влияния в обществе и вдруг его лишают этого влияния, оно чаще всего становится на реакционные позиции, проявляет небывалую активность в борьбе за защиту своих интересов. Все три руководителя Ижевского мятежа сумели достичь в жизни некоторых успехов, подняться на некоторую ступень служебной лестницы. И вот революция лишила их и этого. И они превратились в ожесточенных и опасных противников революции. Они поставили на карту все, применяли крайние меры насилия для подавления рабочего класса и всех трудящихся, использовали, с одной стороны, страшный террор, с другой — воинствующий антикоммунизм, шовинизм. Добиваясь достижения своих личных целей, фактически они служили террористической диктатуре самых реакционных сил монополистического капитала, сохранению капиталистического строя в России.

Существенной чертой их идеологических приемов была крикливая демагогия для маскировки своих истинных целей. С проявлением всех этих признаков История встретится в последующие годы в Италии, Германии, Испании и Чили.

ПЕРЕЧЕНЬ ССЫЛОК

¹ Газета «Правда», 1988, 10 января.

² Плеханов Г. В. Избранные произведения.—Т. II.—М.: Политиздат, 1956.—С. 330.

³ См.: Куликов К. И. В боях за Советскую Удмуртию. 1982.—С. 24—28; 259.

⁴ Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. Ч. I — Белград, 1930.—С. 108.

⁵ Гутман (Ган) А. Я. Белое дело. Летопись белой борьбы.—Берлин, 1927.—С. 159.

⁶ Там же.—С. 150.

⁷ Там же.—С. 151.

⁸ Центральный Государственный военно-исторический архив (ЦГВИА).—Ф. 409, оп. 1, д. 27746.

⁹ Там же, оп. 2, д. 15878.

¹⁰ Центральный Государственный архив Советской Армии (ЦГАСА).—Ф. 39499, оп. 2, д. 223, л. 17.

¹¹ Мельгунов С. П. Указ. соч., с. 108.

- 12 ЦГАСА.—Ф 39499, оп. 2, д. 39, л. 55—56.
- 13 Там же, д. 154, л. 237—238.
- 14 Там же.
- 15 ЦГАСА.—Ф. 185, оп. 3, д. 946, л. 107.
- 16 Там же, ф 39499, оп. 2, д. 2, л. 38.
- 17 Там же, д. 202, л. 19.
- 18 Там же, д. 60, л. 130.
- 19 Там же, д. 26, л. 51.
- 20 Там же, л. 64.
- 21 Там же, л. 236.
- 22 ЦГАСА.—Ф 39499, оп. 2, д. 27, л. 67.
- 23 Там же, л. 7
- 24 Там же, д. 10, л. 18.
- 25 Там же, д. 10, л. 6.
- 26 Рукописный фонд Института войны, мира и революции им. Гувера.—
Стэнфорд, шт. Калифорния, США Блок Федичкина.
- 27 ЦГАСА.—Ф. 39499, оп. 2, д. 20, л. 320.
- 28 Там же, д. 16, л. 74.
- 29 Там же, л. 56.
- 30 Там же
- 31 Там же, д. 16, л. 109.
- 32 Там же, л. 336.
- 33 Там же, л. 338.
- 34 Там же, д. 22, л. 71.
- 35 Там же, л. 155.
- 36 Там же, л. 167.
- 37 ЦГАСА.—Ф. 185, оп. 3, д. 1191, л. 317.
- 38 Газета «Свет», № 425, 1920, 1 октября.—Харбин.—С. 2.
- 39 Там же, № 430, 7 октября 1920 г., с. 3.
- 40 ЦГАСА.—Ф 185, оп. 3, д. 1124, л. 25.
- 41 Там же, д. 1125, л. 17.
- 42 Там же.
- 43 Там же, д. 1124, л. 54.
- 44 Там же, д. 1127, л. 87.
- 45 Там же, л. 151.
- 46 Там же, д. 1127, л. 92.
- 47 ЦГАСА.—Ф. 185, оп. 3, д. 1125, л. 12.
- 48 Гражданская война и военная интервенция в СССР.—М.: Сов. Энцикло-
педия, 1983.—С. 112—113.
- 49 Там же, с. 113.
- 50 Газета «Шанхайская заря», 1928, 19 февраля, с. 4.
- 51 ЦГВИА — Ф. 409, оп. 1, д. 35256.
- 52 Институт Войны, Мира и Революции им. Гувера.—Стэнфорд, шт. Кали-
форния. США. Блок Федичкина. Неопубликованная рукопись Федичкина
на русском и английском языках. Русский.—С. 3.

- ⁵³ Там же. Английский вариант.— С. 7—8.
- ⁵⁴ Там же. На английском языке.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Там же.— С. 5.
- ⁵⁷ Там же. В рукописном фонде Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения АН СССР находится ксерокопия оригинала.
- ⁵⁸ Там же. Ксерокопия документа.
- ⁵⁹ ЦГВИА.— Ф. 409, оп. 1, д. 179031.
- ⁶⁰ Там же, оп. 2, д. 11844, л. 25.
- ⁶¹ Там же, оп. 1, д. 179031.
- ⁶² Там же, л. 11.
- ⁶³ Там же, оп. 2, д. 11844, л. 21.
- ⁶⁴ ЦГВИА.— Ф. 409, оп. 2, д. 11844, л. 20.
- ⁶⁵ Там же, оп. 1, д. 179031, л. 3.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Рукописный фонд Удмуртского Института истории, языка и литературы Уральского отделения Академии наук СССР, оп. 3, д. 122, л. 267—281.
- ⁶⁹ Газета «Прикамье», № 10, 1918, 13 сентября. Данные подтверждаются и сведениями Красной Армии. См.: ЦГАСА.— Ф. 176, оп. 3, д. 92, л. 46.
- ⁷⁰ Плеханов Г. В. Избранные произведения.— Т. II.— М.: Политиздат, 1956.— С. 326.
- ⁷¹ Сергеев В. Л. Ижевск в огне гражданской войны 1917—1918 годы.— Ижевск, 1927.
- ⁷² Там же.— С. 81—82.
- ⁷³ Журнал «Новый мир», 1960, № 11.
- ⁷⁴ Крупская Н. К. Избранные сочинения. 1932.— Т. II — С. 165.
- ⁷⁵ ЦГАСА.— Ф. 39499, оп. 2, д. 39, л. 57.
- ⁷⁶ Там же, д. 154, л. 23.
- ⁷⁷ Там же, л. 34.
- ⁷⁸ Там же, л. 35.
- ⁷⁹ Там же, л. 165.
- ⁸⁰ Там же, л. 210.
- ⁸¹ Журнал «Пролетарская революция».— М.—Л., 1924, № 89.
- ⁸² ЦГАСА.— Ф. 169, оп. 1, д. 302, л. 211.
- ⁸³ Там же, ф. 185, оп. 3, д. 395, л. 84.
- ⁸⁴ Там же, д. 395, л. 104.
- ⁸⁵ Там же, д. 982, л. 74, 83; д. 395, л. 104.

Родионов Н. А.

ИНОСТРАННЫЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ НА ЗАЩИТЕ ЗАВОЕВАНИЙ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ В УДМУРТИИ (1917—1920 гг.)

Победа Великого Октября, одержанная под знаменем пролетарского интернационализма, положила начало новому этапу в истории международной солидарности трудящихся. Ленинские идеи пролетарского интернационализма получили конкретное воплощение в активной и разносторонней поддержке народов мира дела Великого Октября, а в последующем и в их акциях за защиту ее завоеваний. Формы выражения были при этом самые разные. Широкий размах, например, получило интернационалистское движение.

Изучение истории интернационалистского движения зарубежных трудящихся в разных районах Советской России в 1917—1920 гг. стало одной из важных проблем в советской историографии последних двух десятилетий. С этого времени сделано немало. Одной из наиболее крупных, фундаментальных работ является монография А. Я. Манусевича¹. Значительное внимание освещению вопроса об участии интернационалистов в подготовке Великого Октября и защите власти Советов уделено в работах П. А. Голуба, М. М. Коронена, А. Х. Клеванского, А. П. Кладта и В. А. Кондратьева, других авторов, а также в коллективных трудах². Большой интерес представляют издания, освещающие различные стороны интернационалистского движения в отдельных районах и регионах нашей страны, в т. ч. и на Урале³.

В местной историографии рассматриваемая тема еще не стала предметом специального исследования. Отрывочные сведения об участии интернационалистов в борьбе за защиту завоеваний Великого Октября имеются в работах А. А. Алексеева, К. И. Куликова⁴. Сводный материал об интернационалистах, действовавших в годы гражданской войны на территории Удмуртии, содержится в небольшом параграфе книги автора⁵. Слабая изученность темы, думается, должна обратить на нее внимание исследователей.

В ходе первой мировой войны в Россию попало много иност-

ранных граждан различных национальностей. По своему составу это были беженцы, рабочие, военнопленные и другие. Последняя группа занимала наибольший удельный вес. К 1917 г. в нашей стране насчитывалось свыше 2 млн. военнопленных. Они размещались в разных районах страны⁶.

На территории Удмуртии оказались иностранные граждане из Германии, Польши, Белоруссии, Литвы⁷. Причем они были не только из числа рабочих, беженцев, эвакуированного населения, но и военнопленных. Например, в Камско-Воткинском горнозаводском округе на середину октября 1916 г. их насчитывалось более 1600. Они привлекались для работы в цехах Воткинского завода, на лесозаготовках. Военнопленные трудились на строительстве железной дороги Казань — Екатеринбург, Камского моста около Сарапула, на Сюгинском стекольном заводе и в других местах Удмуртии. Всего к середине 1917 г. в горнозаводской промышленности Урала насчитывалось 51 659 военнопленных, из них 30866 были заняты на горных и лесных работах⁸.

Правовое положение и условия существования военнопленных до Великого Октября были тяжелыми. С конца 1914 г. правительство и местные власти начинают принудительно использовать их на разных работах. При этом иностранцы сильно эксплуатировались. Например, в отношении военнопленных, работающих в Ижевске в 1915 г., отмечались даже факты их избиения⁹.

Рабочий класс и большевистская партия видели в лице военнопленных простых рабочих и крестьян, одетых в солдатские шинели. Еще до Февральской революции 1917 г. среди них была развернута большая разъяснительная и воспитательная работа. В результате ее рос протест иностранцев против старых порядков, укреплялся их союз с местными трудящимися. В начале 1916 г. бастовали военнопленные на одном из заводов Сарапула. Стачку провели военнопленные, занятые на строительстве железной дороги Казань — Екатеринбург¹⁰.

Иностранные трудящиеся начинают принимать участие в демонстрациях и митингах. В день 1 мая 1917 г. на митинге, организованном в поселке Ижевских оружейного и сталелитейного заводов, военнопленные говорили: «...о братстве трудового народа, о необходимости свержения деспотов Вильгельма и Карла по примеру Николая Романова, о пагубности германского милитаризма»¹¹.

Победа Великого Октября изменила статус военнопленных. Советская власть предоставила им равные права с местным населением. В целях удовлетворения запросов бывших военнопленных были созданы специальные учреждения. В январе 1918 г. при военном отделе ВЦИК начало действовать «Всероссийское бюро пленных», а в апреле того же года была организована Центральная

коллегия по делам пленных и беженцев. На 4 апреля 1918 г. в нашей стране находилось приблизительно 4,5 млн. беженцев из Латвии, Литвы, Польши. В Вятской губернии в апреле 1918 г. было 316 беженцев из Литвы. В Ижевске в ноябре того же года насчитывалось 800 беженцев из Белоруссии, Германии, Литвы и Польши¹².

В Удмуртии проводилась определенная работа по приему, размещению и устройству эвакуированного населения и беженцев. Им оказывалась материальная и юридическая помощь. Иностранные трудящиеся постепенно втягивались в общее русло революционных преобразований. Партийные и советские органы в места размещения и работы бывших военнопленных направляли агитаторов и пропагандистов, которые знакомили их с политикой Советской власти и международными событиями, помогали им объединиться для участия в совместной революционной борьбе трудящихся местного края. При этом агитаторами нередко выступали и сами иностранцы¹³.

Большое распространение в Удмуртии, как и по всему Уралу, получило создание иностранными трудящимися революционных организаций. В крупных центрах — Глазове, Ижевске, Сарапуле еще до победы Великого Октября, и особенно в первые годы Советской власти, возникли национальные группы, комитеты, советы и союзы. Среди первых (19 марта 1917 г.) в поселке Ижевских оружейного и сталелитейного заводов был образован польский комитет. Одной из задач его было «принять деятельное участие в освободительном движении русского народа». 5 мая 1917 г. здесь создается эстонская группа большевиков¹⁴.

Движение за организационное оформление иностранных трудящихся еще больше усилилось после принятия Вятским губисполкомом 24 января 1918 г. постановления, по которому военнопленным предоставлялось право создавать свои комитеты. Революционное объединение интернационалистов образовалось в Глазове. Весной 1918 г. в Сарапуле возник чешско-словацкий национальный совет. В это же время в Ижевске была создана единая организация интернационалистов. 9 июля 1920 г. оформилась секция латышских коммунистов при Ижевском районном комитете РКП(б)¹⁵.

Все это способствовало установлению более тесных связей между бывшими военнопленными и местными трудящимися. В конце 1917 — в начале 1918 гг. во многих районах Удмуртии проходят совместные митинги, собрания и демонстрации. В феврале 1918 г. среди военнопленных в Сарапуле и уезде было проведено несколько массовых интернациональных митингов под лозунгами «Долой войну!», «Да здравствует международная революция и братство всех народов!»¹⁶.

Японский корреспондент Р. Накахира, побывавший на одном из них, писал в своих очерках, опубликованных в июне 1920 г. в газете «Осака Асахи»: «В лагере для военнопленных меня встретили пением «Интернационала»... Один за другим они выступали, приветствуя меня». Иностранные товарищи приняли участие в первомайской демонстрации 1918 г. в Сарапуле¹⁷.

Важнейшей стороной деятельности иностранных трудящихся стало участие вместе с народами Советской страны в борьбе против контрреволюционных сил. К осени 1918 г. в рядах Красной Армии насчитывалось 50 тыс. интернационалистов¹⁸.

Победа Октября, одержанная «...под знаменем интернационализма»¹⁹, дала мощный импульс развитию интернационалистского движения на всей территории нашей страны. Удмуртия находилась в сфере влияния таких центров этого движения как Вятка, Пермь и Казань. Естественно, это не могло не сказаться на развитии движения в здешнем крае.

Многие передовые представители иностранных трудящихся, находящиеся на Урале и в Приуралье, поддержали Великий Октябрь. Они вместе с русским рабочим классом и удмуртским народом выступили на борьбу с врагами Советской власти. Вооруженная борьба интернационалистов в рядах Красной Армии против общего врага — ярчайшая страница международной пролетарской солидарности. Они хорошо понимали и на деле осуществляли ленинскую мысль о том, что «без добровольного стремления к союзу и единству со стороны пролетариата, а затем и всех трудящихся масс всех стран и наций всего мира, дело победы над капитализмом не может быть успешно завершено»²⁰.

Венгерские, китайские, немецкие, польские, прибалтийские, словацкие, чешские интернационалисты вписали немало страниц в историю интернационалистского движения в Удмуртии.

Почетное место в их рядах заняли венгры Ф. Янчик и Т. Самуэли, чехи Ф. Каплан, А. Когоут и И. Марван, поляк Б. Литовицкий, латыш В. М. Азин, эстонец Э. Я. Самлер, китайцы Жень Фу-чен, Фу Цын-тай, Цын-ту и некоторые другие. Конечно, нельзя назвать всех интернационалистов, которые помогали формированию и развитию интернационалистского движения в Вятской губернии и Удмуртии, кто сражался с белогвардейцами и высоко нес знамя солидарности с первой страной социализма. Среди них были десятки менее знаменитых. Имена и подвиги их еще далеко не все известны.

Иностранные трудящиеся, находясь в рядах Красной Армии, проходили настоящую школу интернационалистского воспитания. Они были охвачены большой агитационно-массовой работой. Для иностранных бойцов издавались газеты, проводились беседы, коллективные чтения и т. д.²¹

Восточный фронт, который проходил и по территории Удмуртии, летом 1918 г. стал главным. «Сейчас вся судьба революции,— писал В. И. Ленин 1 августа 1918 г.,— стоит на одной карте: быстрая победа над чехословаками на фронте Казань — Урал — Самара. Все зависит от этого»²².

Борьба интернационалистов на Восточном фронте получила наибольший размах. Только в Удмуртии плечом к плечу вместе с русскими, удмуртами, татарами, украинцами и др. сражались десятки и сотни интернационалистов свыше 15 национальностей: австрийцы, англичане, венгры, китайцы, латыши, литовцы, немцы, поляки, румыны, словаки, чехи, эстонцы и другие.

Выявленные в процессе работы источники, к сожалению, не раскрывают картины общей численности интернационалистов, сражавшихся в годы гражданской войны в Удмуртии. Не располагая такими данными, приведем следующие, которые могут создать некоторое представление по данному вопросу. В 1-й и 2-й бригадах 30-й стрелковой дивизии 3-й армии в августе 1919 г. было 13 венгров, 13 китайцев, 29 латышей, 9 немцев, 47 поляков, 11 эстонцев. Многонациональными по своему составу были и другие воинские соединения. В полку «Красных гусар» той же дивизии против врагов Советской власти отважно сражались 9 латышей, 23 поляка, 32 эстонец и т. д. Многонациональными были и части 2-й Красной Армии. Лишь в железнодорожном батальоне 2-й сводной дивизии в ноябре 1918 г. состояли 1 австриец, 1 белорус, 6 евреев, 7 китайцев, 3 латыша, 7 поляков, 11 татар, 2 финна, 1 француз²³. Только в Азинской дивизии сражались бойцы 14 национальностей²⁴.

Выяснить численность интернационалистов, участвовавших в боях против контрреволюции в Удмуртии, весьма сложно. География военных действий постоянно менялась, была так обширна и участие в них интернационалистов было столь мобильным, что подсчет их общей численности почти невозможен. Можно предположить, что на территории Удмуртии в общей сложности в разное время сражалась не одна сотня бойцов-интернационалистов.

Интернационалисты самоотверженно боролись за великое дело Октября на самых ответственных участках в различных районах Удмуртии. Ни одна крупная операция советских войск не обходилась без участия интернационалистов. Интернационалисты, входящие в состав, например, 2-й Красной Армии, принимали посильное участие в освобождении Ижевска, Сарапула, Воткинска в 1918 и 1919 гг.

На территории Удмуртии действовали и крупные соединения иностранных трудящихся. Среди них была интернациональная Камская речная броневая флотилия (КРБФ), организованная летом 1918 г. в Перми²⁵. В экипаже ее были австрийские, венгер-

ские, немецкие, словацкие и чешские интернационалисты, русские моряки с Балтийского флота. Флотилия насчитывала 3 тыс. человек и 2 отряда конницы²⁶.

Одним из организаторов и командиров КРБФ был чех Ф. Каплан²⁷. С боевыми действиями флотилии были тесно связаны имена чеха Й. Марвана — начальника штаба, А. Когоута — технического руководителя и других интернационалистов.

17 августа 1918 г. отряд боевых кораблей флотилии ушел вниз по Каме на фронт в район Воткинска—Ижевска. Осенью интернациональная флотилия вместе с сухопутными частями Красной Армии участвовала в ожесточенных боях под Еловом, Воткинском, Ижевском²⁸. Особенно сильные бои в сентябре—октябре 1918 г. развернулись под Бабкой. Здесь отличился отряд венгерских и чешских интернационалистов. Бойцы КРБФ своими активными действиями на осинском направлении, у Сарапула и Камбарки способствовали ликвидации ижевско-воткинского мятежа.

В частях 2-й и 3-й Красной Армии сражались крупные боевые подразделения и отряды из латышских и китайских интернационалистов²⁹. Батальон китайского полка им. Жен Фу-чена в июле—августе 1918 г. вместе с советскими войсками принимал участие в боях за Воткинск, Ижевск, Сарапул, других городов и населенных пунктов Урала. Один из активных участников гражданской войны в Удмуртии П. Таланкин отмечает в воспоминаниях, что в боях против белогвардейцев за с. Полозово близ Воткинска участвовал отряд китайцев в составе 200 чел.³⁰.

Многие интернационалисты сложили головы в тяжелых сражениях с белогвардейскими войсками. Большое количество китайских бойцов погибло около Воткинска, во время эсэро-белогвардейского мятежа в августе 1918 г. В Ижевске был убит комиссар военнопленных эстонец Э. Я. Самлер, член партии с 1917 г. В октябре 1918 г. под Чутырем погибло несколько латышей. В апреле 1919 г. при наступлении на Воткинск пал смертью героя командир взвода поляк Б. Литохицкий. В сражении у д. Полянское, по воспоминаниям А. А. Алексеева, китайцы Фу Цын-тай и Цын-ту, чтобы не попасть в руки врагу, взорвали себя гранатами³¹.

Подвиги интернационалистов были лишь эпизодами в действиях воинских соединений, но без них была бы неполной летопись борьбы советского народа против внутренней контрреволюции и иностранных интервентов. Жертвы, понесенные интернационалистами, еще одно свидетельство их боевой активности и преданности делу интернационального братства. Они навсегда остались друзьями родины Октября.

Благодарные потомки не забыли имен видных интернационалистов. На Красной площади Ижевска стоит памятник жертвам

революции. Вместе с русскими большевиками здесь покоятся Э. Дишлер и Э. Я. Самлер. В Ижевске и Сарапуле установлены мемориальные доски, памятники В. М. Азину. Имена интернационалистов присвоены улицам, учебным заведениям, колхозам.

Вместе с тем, в деле увековечения памяти видных интернационалистов гражданской войны и последующих лет сделано еще не все. «Жизнь и деятельность многих интернационалистов,— как отмечает А. Я. Манусевич,— все еще находится вне внимания исследователей»³². В свое время через печать автор исследования также обращал на это внимание общественности Удмуртской АССР. Предложения были рассмотрены в советских исполнительных органах³³.

Здесь, в Удмуртии, как и в других районах Советской республики, на деле осуществлялось, по словам В. И. Ленина, «интернациональное братство народов» и укреплялся «союз революционеров различных наций»³⁴. В совместной борьбе складывались основы братских интернациональных связей, крепла пролетарская солидарность.

Многие иностранцы, вступив в ряды Красной Армии и пройдя совместно с русскими, удмуртами, татарами и другими народами путь политического воспитания и пролетарского интернационализма, несли затем идеи братской дружбы к советскому народу в широкие массы своих стран. Они, по словам В. И. Ленина, «передвинувшись в Венгрию, в Германию, в Австрию, создали то, что бациллы большевизма захватили эти страны целиком»³⁵.

Иностранные интернационалисты помогали разоблачать клеветнические измышления буржуазной печати, утверждавшей, например, о расстреле частями Красной Армии 7 тыс. ижевских рабочих. Они раскрывали истинное лицо эсеров и белогвардейцев, которые обманывали мировой пролетариат о несуществующем восстании рабочего класса против Советской власти³⁶. Еще находясь в Удмуртии, иностранные трудящиеся выразили решимость в случае возвращения на родину приложить все усилия для освобождения народов своих стран от власти капиталистов. Об этом, например, заявили латыши 23 июля 1920 г. на состоявшемся в Ижевске общем собрании³⁷.

Вопрос о политическом влиянии, которому подвергались интернационалисты на фронтах гражданской войны, о том, какие идеи они вынашивали здесь и увозили с собой на родину, требует дальнейшего изучения. Приведенные выше факты лишь отчасти дают ответ на него, что крайне недостаточно.

Интересной страницей, правда еще слабо изученной, является революционная борьба русских солдат за пределами своей родины. «Рабочий класс,— отмечалось в одном из документов ВЦСПС 12 октября 1918 г.,—...не должен забывать русских военноплен-

ных в Германии и Австрии»³⁸. Коллегия Наркомнаца РСФСР 25 ноября 1918 г. (на ней присутствовал и представитель Удмуртского отдела М. П. Прокопьев) постановила «...принять самое близкое участие в агитационной и иной работе между прибывающими в настоящее время массами пленных»³⁹. Советские люди поддерживали своих сограждан морально и материально.

Среди русских военнопленных в Австрии, Венгрии, Болгарии, Германии были и уроженцы Удмуртии. Так, Е. В. Горбунов установил связи с болгарскими революционерами, проводил с русскими военнопленными разъяснительную работу, подготавливая их к выезду в Россию. На одной из конференций в 1920 г. он был избран в комитет, где работал под руководством Г. М. Димитрова⁴⁰. Известный венгерский ученый-языковед Б. Мункачи сделал среди военнопленных-удмуртов записи песен, которые затем включил в сборник «Песни русских военнопленных», изданный в 1917 г.⁴¹ Дальнейшее изучение новых источников, думается, раскроет еще одну малоизвестную страницу в истории пролетарского интернационализма.

Интернационалисты участвовали не только в вооруженной защите Советской власти. Отдельные из них внесли посильный вклад и в хозяйственное, и культурное строительство. Они трудились в партийных, советских и профсоюзных органах, на производстве и в учебных заведениях⁴².

После окончания гражданской войны была проведена большая работа по реэвакуации лиц, желающих выехать на родину. В 1921 г. в свои страны было отправлено из Удмуртии свыше 2 тыс. беженцев и иностранных граждан.

Победа, одержанная советским народом в гражданской войне, явилась на деле победой «международной солидарности трудящихся, во имя которой мы всю революцию начинали»⁴³. Иностранные трудящиеся, оказавшиеся в нашей стране, в том числе и в Удмуртии, пришли на защиту завоеваний Великого Октября. Благодаря развитию интернационалистского движения, чувство пролетарской солидарности удмуртских трудящихся с революционной борьбой зарубежного пролетариата еще больше окрепло.

ПЕРЕЧЕНЬ ССЫЛОК

¹ Манусевич А. Я. Польские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России. Февраль — октябрь 1917 г. — М.: Наука, 1965.

² Голуб П. А. Братство, скрепленное кровью: Чехословацкие рабочие и крестьяне на защите завоеваний Октября в России в 1917—1920 гг. — М.: Гос-

политиздат, 1958; Зак Л. М. Они представляли народ Франции: К истории французских интернационалистов. 1918—1920 гг.—М.: Мысль, 1977; Кладт А., Кондратьев В. Братья по оружию: Венгерские интернационалисты в борьбе за власть Советов в России. 1917—1922.—М.: Соцэкгиз, 1960; Клеванский А. Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус: Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914—1921 гг.—М.: Наука, 1965; Кондратьев Н. Плечом к плечу.—Л.: Лениздат, 1979; Коронен М. М. Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов.—Л., 1969; Копылов В. Р. Зарубежные интернационалисты в Октябрьской революции. 1917—1918—М.: Мысль, 1977; Яковлев Л. И. Очерки по истории международной солидарности трудящихся.—М.: Наука, 1974; Интернационалисты: Трудящиеся зарубежных стран—участники борьбы за власть Советов на юге и востоке республики.—М.: Наука, 1971; Октябрьская революция и пролетарский интернационализм.—М.: Наука, 1970; Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции.—М.: Наука, 1967; и другие.

³ Ананьев В. И. В борьбе рожденное братство.—Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1966; Данилов В. А. Интернационалисты на Урале и в Сибири.—Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1972; Капцугович И. С. Прикамье в огне гражданской войны.—Пермь: Кн. изд-во, 1969; Морзо-Морозов К. А. Интернациональные части Красной Армии на Урале в 1918—1919 гг.// На фронте и в тылу: Из истории гражданской войны и укрепления Советской власти на Урале.—Пермь: Кн. изд-во, 1959; Хильченко М. П. Интернационалисты на Урале (1917—1918 гг.) // Из истории партийных организаций Урала.—Свердловск, 1962; и другие.

⁴ Алексеев А. А. Страницы из гражданской войны: Воспоминания участника гражданской войны в Удмуртии.—Ижевск: Удмуртское кн. изд-во, 1959; Куликов К. И. В боях за Советскую Удмуртию.—Ижевск: Удмуртия, 1982; и другие.

⁵ Родионов Н. А. Интернационализм трудящихся Удмуртии.—Ижевск: Удмуртия, 1982.

⁶ Яковлев Л. И. Очерки по истории международной солидарности трудящихся.—М.: Наука, 1974.—С. 104.

⁷ Дробижев В. З. и др. Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры.—М., 1975.—С. 131; Борьба, 1918, 25 ноября.

⁸ Борьба за победу Октябрьской социалистической революции на Урале.—Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1961.—С. 53.

⁹ Интернационалисты: трудящиеся зарубежных стран—участники борьбы за власть Советов—М.: Наука, 1967.—С. 24.

¹⁰ Там же.—С. 40, 41.

¹¹ Интернационализм в действии.—Ижевск: Удмуртия, 1980.—С. 11.

¹² ЦГАОР СССР.—Ф. 1318, оп. 1, д. 52, л. 12, 27; Борьба, 1918, 25 ноября.

¹³ ЦГА УАССР.—Ф. Р 331, оп. 1, д. 4, л. 24, 27; д. 542, л. 12; Известия Ижевского Совета рабочих депутатов, 1918, 3 августа (21 июля); Интернационализм в действии—Ижевск: Удмуртия, 1980.—С. 11—13, 15.

¹⁴ Известия Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Ижев-

ского завода, 1917, 5 апреля; Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии— Киров: Кн. изд-во, 1957.—С. 187.

¹⁵ Интернационалисты.— М.: Наука, 1967.— С. 136, 467; Копылов В. Р. Зарубежные интернационалисты в Октябрьской революции 1917—1918.— М.: Мысль, 1977.— С. 117, 174; Труженик, 1918, 23 (10) апреля.

¹⁶ Воля, 1918, 24 (11) февраля.

¹⁷ См.: Решетов А. А. Сарапул.— Ижевск: Удмуртия, 1968.— С. 60; Труженик, 1918, 30 (17) апреля.

¹⁸ Интернационалисты в боях за власть Советов.— М., 1965.—С. 65.

¹⁹ О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции: Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 г.— М.: Политиздат, 1977.—С. 22.

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 41.—С. 168.

²¹ Попов Н. А. Они с нами сражались за власть Советов: Китайские добровольцы на фронтах гражданской войны в России (1918—1922).— Лениздат, 1959.—С. 48; Вопросы истории Урала. Выпуск 5.— Свердловск: Уральский гос. универ-т им. А. М. Горького, 1964.—С. 90.

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 50.—С. 133.

²³ Удмуртия в период иностранной...— Ижевск: Удмуртское кн. изд-во, 1963.—С. 92, 93, 98.

²⁴ В союзе братских народов.— Ижевск: Удмуртия, 1972.—С. 31.

²⁵ Йожа А., Милей Д. Венгерские интернационалисты в борьбе за победу Октября.— М.: Прогресс, 1977.—С. 194.

²⁶ Веселы И. Чехи и словаки в революционной России. 1917—1920 гг.— М.: Воениздат, 1965.—С. 138, 139.

²⁷ Дело трудящихся всего мира: Факты, документы, очерки о братской помощи и солидарности трудящихся зарубежных стран с народами Советского Союза.— М.: Госполитиздат, 1957.—С. 76.

²⁸ Капцугович И. С. Прикамье в огне гражданской войны.— Пермь: Кн. изд-во, 1969.—С. 40.

²⁹ Латышские стрелки в борьбе за Советскую власть в 1917—1920 годах.— Рига, 1962.— С. 13, 89, 139; Попов Н. А. Они с нами сражались за власть Советов.— Л., 1959.—С. 122, 125.

³⁰ ЦГА УАССР.— Ф. Р 1061, оп. 1, д. 8, л. 1, 10 б.

³¹ Алексеев А. А. Страницы из гражданской войны.— Ижевск: Удмуртия, 1959.—С. 34, 36, 37; ЦГА УАССР.—Ф. Р 534, оп. 1, д. 341, л. 27—32; Ф Р 1061, оп. 1, д. 8, л. 1.

³² Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции.— М.: Наука, 1967.—С. 44.

³³ Комсомолец Удмуртии, 1976, 16, 25 ноября, 9, 23 декабря; 1977, 23 августа; 1980, 3 января; 1982, 20 ноября; Удмуртская правда, 1981, 22 сентября; 1982, 7 марта.

³⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 37.—С. 26.

³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч.—Т. 38.—С. 148.

³⁶ Макаров Ф. П. Октябрь и гражданская война в Удмуртии.— Ижевск,

1932.—С. 43; Гимпельсон Е. Г. Советский рабочий класс. 1918—1920 гг.: Социально-политические изменения.—М.: Наука, 1974.—С. 229.

³⁷ Интернационализм в действии.—Ижевск: Удмуртия, 1980.—С. 15.

³⁸ ЦГАОР СССР.—Ф. 5451, оп. 2, д. 367, л. 1а.

³⁹ ЦГАОР СССР.—Ф. 1318, оп. 1, д. 1059, л. 40.

⁴⁰ Удмуртская правда, 1977, 2 мая.

⁴¹ Ижевская правда, 1925, 30 августа; Фролова Г. Д. Удмуртская книга.—Ижевск, 1982.—С. 225.

⁴² ЦГА УАССР.—Ф. Р 207, оп. 1, д. 16, л. 31; д. 3, л. 31; Ф. Р 307, оп. 1, д. 13, л. 34, 36, 39; д. 1, л. 79; Ижевская правда, 1921, 22 января.

⁴³ Ленин В. И. Полн. собр. соч.—Т. 39.—С. 393.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Константинов С. И.</i> Роль В. И. Ленина, Коммунистической партии в определении боевых задач Восточного фронта и организации их выполнения (июнь 1918—январь 1920 гг.).	3
<i>Дмитриев П. Н.</i> Классовая борьба в Ижевско-Воткинском районе весной—летом 1918 года	33
<i>Куликов К. И.</i> Некоторые особенности гражданской войны в Удмуртии и тактика большевиков в борьбе за массы	57
<i>Дмитриев П. Н.</i> Временный Прикамский комитет членов Учредительного собрания—орган власти мелкобуржуазной контрреволюции в Удмуртии в 1918 году	90
<i>Куликов К. И.</i> Руководители Ижевского восстания	127
<i>Родионов Н. А.</i> Иностранцы интернационалисты на защите завоеваний Великого Октября в Удмуртии (1917—1920 гг.)	165

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В УДМУРТИИ 1918—1919 гг.

Сборник статей

Редактор *К. И. Куликов*
Технический редактор *В. Ф. Песоцкая*
Корректор *Т. П. Четкарева*

Сдано в набор 19.04.88. Подписано к печати 29.06.88. НПО2346.
Формат 60×84 1/16. Бумага тетрадная. Гарнитура Литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 10,23. Усл. кр.-отт. 10,23. Уч.-изд. л. 12,1. Заказ № 0164. Тираж 1000 экз. Цена 1 р. 80 к.

Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения АН СССР.

Адрес института: 426004, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4.

Республиканская типография Государственного комитета УАССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 426057, г. Ижевск, ул. Пастухова, 13.